

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a central figure, a man with a red mark on his forehead, surrounded by ethereal, glowing blue energy. The scene is set in a dark, possibly underground or cavernous environment with some skeletal or claw-like structures visible. The overall mood is mysterious and dramatic.

И.В. СТАВРОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ДУШЕГУБА:
ДРУГ

Когда ты обычный рядовой, выполняющий довольно грязную работу, ничего сверхинтересного ожидать от неё не приходится. Вояка, солдат, верный пёс своего государя — как ни назови, всё одно. Псу и невдомёк, что его скромная жизнь маленького солдата лишь расходный материал.

Жаль, что псы узнают об этом слишком поздно.

И.В. Ставров

Воспоминания душегуба: Друг

Глава 1. Пёс

Сияющая в безоблачном небе луна гладила холодным светом город, погружённый в тревожный сон. Порт привычно раскрывал объятия навстречу холодному ветру, расставаясь с дневной жарой и наполняясь новыми загадками. В домах давно потушили огни. Портовые работники заканчивали смену, перетаскивая последний груз на величавые корабли у причалов. Загулявшие матросы в обнимку друг с другом распевали что-то нечленораздельное, и каждый из них с уверенностью торговца мог бы утверждать, что понимает своего собутыльника если не с полуслова, то с полурюмки. Однако в будничных сумерках седая луна углядела тень, улепётывавшую от двух патрульных. Луна моргнула, на мгновение скрывшись за лениво проплывающим облачком. Свернув в сторону, человек не успел среагировать, наткнувшись на ещё одного патрульного, и они покатались по улице...

Вырвать ногу из-под упавшего на меня стражника получилось довольно легко, но другие уже обходили со стороны. Зажатая в руке горсть пыли уже давно жгла кожу сквозь тонкие перчатки, и я вскинул раскрытую ладонь перед собою. Тёмную подворотню огласили ругательства и проклятия, а мне оставалось вовремя защитить глаза, задержать дыхание и быстро смываться. Мгновение, и мрак очередной подворотни поглощает без остатка, ведя под руку к следующей цели.

Мне приходится работать, когда нормальные люди давно нежатся в своих кроватках, наслаждаясь хорошим сном. Я приношу в жертву гнилые души, даруя им искупление кровью и возможность переродиться.

У очередного поворота суetyающаяся сестрёнка-тень вынесла вердикт — всё чисто. Освещённая лунным светом улочка наверняка стала бы спасением случайно заплутавшему прохожему, но сейчас бледная морда лишь усложняла заказ. Ровно четыре длинных шага, точно прыжка, понадобилось, чтобы скользнуть по зоркому глазу ночного светила. Вырывающееся из груди сердце, казалось, гремело на другом конце города. Его следовало укротить. Несколько глубоких вдохов и вскоре моя тень скользит под окно дома.

Створки распахнулись неожиданно, окатив притаившегося под окном душегуба тяжёлым воздухом из душного помещения. Тень засуетилась, норовя скользнуть за угол. Тише, глупая, нас не найдут. Левая рука уже держала наготове кинжал, дрожа от нетерпения. Сегодня сдерживать себя было чертовски сложно. Виной тому была паника, кружившая где-то рядом. Она безликой тенью выглядывала из-за каждого угла, подсказывая, что за мной кто-то наблюдает. Но время шло, а враги не появлялись.

Тем временем, мужчина подошёл к столу и взял в руки письмо. Я же судорожно нашарил кончиком кинжала ножны, и плавно вогнал оружие обратно. Стоявший ко мне правым боком человек бегал глазами по строкам короткого послания, постоянно ругаясь. После третьего прочтения, высокий черноволосый человек скомкал в гневе послание, забросив его глубоко в ящик стола. Он сел и схватился за голову, бормоча что-то под нос, однако вскоре снова полез в ящик.

Страх вновь что-то нашёптывал, заставив меня оглядеться. Терпение никогда не было моей лучшей стороной. Не так давно появившаяся тревога не собиралась исчезать, заставляя меня обливаться холодным потом. Своим чувствам я привык доверять, но порой они

появлялись так не вовремя. Незримый наблюдатель внимательно шарит по подворотне, и на затылке вспыхивает чей-то взгляд. «Нас кто-то ищет...» — шепчет на ухо тень. Неожиданным гостем оказался каркнувший ворон, внимательно всматривавшийся в облако тьмы под окном.

В этот момент вояка закрыл створки прямо перед моим носом. Безмолвие подворотни обрушилось на хрупкие плечи ночного скитальца, боявшегося сделать лишнее движение. Словно по команде началась гонка со временем. Отсчитав три шага вояки, я отковырнул щеколду маленькой отмычкой, и одним движением просочился в комнату, прикрыв за собой створы. Найти в столе обычный секретный отдел, в котором лежало единственное письмо, оказалось делом нехитрым.

Изредка мелькая на фоне яркой луны, перебегая от одного угла дома к другому, я довольно долгое время ждал подходящего момента. Одетый в тёмный плащ, мужчина постоянно оборачивался, чувствуя голодного хищника, выслеживающего свою жертву. В бездушных глазах ворона, удобно устроившегося на парапете, играли бледные отблески луны, глядевшей на меня с укоризной. Скупые блики контрастировали с чёрной птицей и мрачным безмолвием ночи. Ворон смотрел прямо на нас. Он тоже чуял, что скоро прольётся кровь.

Остановившийся на мгновение мужчина даёт мне возможность, но я почему-то мешкаю. Нервы натянуты до предела, сердце бросается в карьер, холодная струйка пота стекает по виску, впитываясь в повязку на лице. Одно движение и начнётся танец со смертью.

Тонкий фарфор ночной тишины оказался разбит хриплым карканьем ворона. Подобно мяснику, отделяющему сухожилие от мышц, мои нервы оказались столь же безжалостно разрублены. Сестрёнка толкнула в спину одновременно с моим выпадом. Два коротких укола в шею и офицер орошает подворотню кровью из пробитой артерии. Из спины словно выдернули стержень, и напряжение отпустило, перестав горой давить на плечи. Две золотые монетки, что я положил на веки офицера, немного искупались в его крови, но это даже хорошо. К сожалению, исполнителям заказа не объясняют то, что им знать не положено. Вот и мне, на вопрос про монеты, напомнили, что каю моего уровня всего лишь жалкий пёс, выполняющий приказы.

Солёный ветер поднял пыль с каменной крошкой, закружив в вихре у моих ног. Внимательно наблюдавший за танцем смерти ворон вновь закаркал, заметив возникшую из вихря пыли передо мной чёрную фигуру. Чужая душа чёрными провалами глаз уставилась прямо на меня, заставив в очередной раз поёжиться. Её появление высасывало тепло из воздуха и неприятно жгло холодом кожу. «Ты боишься? Они ненавидят тебя», — собственная тень приблизилась, зашептав в ухо. — «Сколько душ ты очистил за эти годы? Все они прямо за твоей спиной! Ждут, когда ты умрёшь, чтобы отомстить за всё!». Дёрнувшись, я крутанулся на месте, выхватывая бесполезный против видений кинжал. Безмятежная пустая улица встретила далёким лаем собак, гуляющим ветром и скрипучим смехом тени, закружившейся вокруг меня.

— Замолчи! — тихо рявкнул я, вгоняя кинжал в ножны и мотая головой.

Чужая душа, с укором глядевшая в моё лицо, давно исчезла, оставив после себя горстку пыли. Холодный морской воздух приятно ласкал кожу, разогретую танцем со смертью. В это время суток город обычно погружён в безмолвие, позволяя плавно скользить в сумраке. Бриз привычно играл с развешанным для просушки бельём, да где-то далеко скрипели несмазанные ставни.

Расслабляться не стоило. В голове зазвучал набат, и меня вжало в стену. Страх, о котором я успел забыть, не собирался исчезать, внимательно следя за мной со всех сторон одновременно. И хотя видения преследуют уже довольно давно, в последнее время они кажутся всё более и более осязаемыми.

Момент, когда рукоятки кинжалов начали согревать дрожащие ладони, я пропустил. Оружие дарило всемогущество, но от видений не спасало. Сердце всё сильнее грохотало в груди и казалось самым громким, что существует в этом мире. Когда я принялся шумно дышать через нос, ноги сами собой кинулись во мглу. Через какое-то время, подобно страшному сну, что исчезает с восходом солнца, волнение отступило. Несмотря на наступившую лёгкость, мой взгляд продолжал скользить по звёздному небу, откуда исходила опасность. Пронёсшаяся мимо меня холодная заверть всколыхнула пыль трущоб, унося с собой страхи и тревоги.

Ночные кошмары сменились насыщенным миром снов, не желавшим меня отпустить. Мягкие руки сновидений дарили тепло и уют, настойчиво отодвинув ночной холод и сырость улиц. Втёртые за много лет обучения привычки сработали на славу, и едва первые лучи солнца лизнули продрогшую с ночи землю, мои не выпавшиеся глаза распахнулись. Ало-золотистые пылинки светлячками кружили в красочном танце с зарёй, пробивавшейся сквозь плотные занавески.

С уборкой мы были на вы, а значит, придётся либо снова договариваться с девчонками, либо мозолить руки шваброй. Разочарованно вздохнув, я поднялся с кровати. Уголки губ изогнулись в ухмылке, когда я покосился на парочку новых мешочков с серебром. Теперь можно было приобрести много интересных штуковин, которые я присмотрел не так давно. Благо, подруга жила недалеко, через две улицы. Несмотря на то, что после сдачи экзаменов каю обычно распределяют по разным городам, нас с Крохой оставили в Гилиме. С Крохой мы были знакомы с детства, и если подруга носила гордое звание Тени, то мои возможности остановились на звании Стиратель. Именно Тень собирает всю информацию о душе и предоставляет её нам. Впрочем, зачастую и сами выполняют грязную работу. Чаще всего именно они живут под прикрытием в другой стране и предоставляют разведанные, выполняют задания по очищению или проводят подрывную деятельность. Платят им не в пример больше, чем Стирателям, хотя мы и проходили одинаковое обучение.

Поначалу жизни в Гильдии казалось, что выучить все подворотни, улочки и тайные лазы в Гилиме невозможно. Однако наставники решили проблему очень просто, заставив нас играть в догонялки. Сперва награды, вроде хорошего слова, это всё, о чём мы мечтали. С годами они приобретали материальную форму, и проигравшие стали получать меньший паёк. Иногда придумывали другие состязания с иными наградами, причём, не всегда существенными. А через пару лет мы могли с закрытыми глазами попасть с Кошачьей на Жёлтую улицу через подворотни незмеченными. Такие тренировки проводились постоянно и в других крупных городах нашей империи, и к концу обучения мы неплохо ориентировались в самых крупных городах страны.

— Привет, заходи! — девчонка расплылась в улыбке, пуская на порог. В случае с каю, всегда было сложно понять, когда улыбка искренняя, а когда на неё натянута маска. Впрочем, и мне перед приходом пришлось натянуть добродушную маску улыбчивого друга. Интересно, а мы с Крохой когда-нибудь разговаривали без масок?

Её дом встретил меня запахом свежести и чистоты, если чистота вообще имела запах.

Впрочем, в сравнении с затхлым воздухом моей берлоги, здесь пахло луговой полянкой.

— Ты просила шафран, вот, — протянул я ей небольшой мешочек пряностей.

Теперь стоит лишь оставлять свободными ближайшие вечера и как-нибудь невзначай напроситься на ужин. Готовить я тоже не любил.

— Ой, спасибо!

Дружеские объятия и поцелуй в щечку ещё больше обрадовали — у подруги хорошее настроение. Из второй комнаты вышла коротковолосая, с большими зелеными глазами, девушка. Её движения и взгляд говорил о многом, но я готов был дать руку на отсечение — она не каю. Она уже видела, как жертва трясётся в агонии, а из зрачков пропадает жизнь, но её взгляд всё равно говорил о наличии жалости и наивности. Скоро она забудет эти чувства.

Молчание затянулось дольше, чем следует, и подруга пришла на выручку:

— Познакомься, это Мелисса, она через два яра сдаёт экзамен.

Столь странное прозвище вызвало у меня небольшое недоумение. У каждого каю существует несколько имен. Первое даётся при рождении, его мы называем «смертным», или «молочным» именем. Это священная тайна каждого каю, которую не знает никто. И я бы не позавидовал чужаку, кто эту тайну узнает.

Второе даётся наставниками в самые ранние годы. Если по-простому, то это позывной, по которому различают того или иного каю. Так, из-за своего маленького роста и способности пролезать куда угодно, подруга удостоилась позывного Кроха. Мне же повезло родиться наглым, дерзким и крайне упёртым мальчишкой. Рассказывали даже, что, когда мне было два или три года, во время прогулки я наткнулся на маленького ужа и тут же его схватил двумя руками. За сим и нарекли Мангустом. Через несколько лет начались занятия по борьбе, где позывной подтвердился, что называется, на практике. Выяснилось, что моей дерзости, упёртости и изворотливости можно только позавидовать. Даже несмотря на то, что ещё много лет я был худшим в группе.

А так же, для того, чтобы носить маску обычного человека, уже самим каю придумывается третье имя. Его так же часто называют взрослым именем. Оставалось только догадываться, почему подруга Крохи носит столь забавный позывной Мелисса.

Очаровательно улыбнувшись, она протянула мне руку. Рядовой не растерялся, и поцеловал сильную, словно совсем не женскую, руку. Грубая тёплая кожа, мозоли на ладонях и пальцах говорили о том, что ей часто приходилось пользоваться оружием.

— Приятно познакомиться, Мелисса. Готова к экзаменам?

— Ну, готовлюсь потихоньку...

— Советую хорошенько выучить ядоварение, свойства трав и формулы основных отваров. Новая учительница Таскана весьма требовательная.

— Хорошо, — кивнула девчонка.

— Крошечка, — развернулся я к подруге, но она тут же насторожённо прищурилась — ласково я её называл крайне редко. — Отрада глаз моих! Сердца мужчин замирают, когда ты, мой утренний цветок, почтишь их мимолётным взглядом своих блестящих, словно агаты, очей. Твоя бархатная кожа подобна лучшим шелкам...

Девушка всё сильнее поджимала губки, в итоге не выдержав:

— Ну и чего ты мне на уши присел? Что, опять от лени швабру поднять не можешь?

— Ты моя догадливая! Дай поцелую!

Полез я в шутку обниматься, а Кроха возмутилась своим тонким голоском:

— А ну брысь! — оттолкнула меня подруга под тихий хохот Мелиссы. — Уберусь я,

уберусь! Куда от тебя, лентяя, деться? Но только вечером. Чтобы до завтра на глаза мне не попадался!

— Всё-всё, ухожу-ухожу, любовь моя!

Справедливого вопроса «как дела» от девчонок не последовало. О делах каю не разговаривают. В свободное от работы время следовало забыть о мокрухе, надевая маску обычного человека.

За закрытой дверью послышалась болтовня, заставившая меня улыбнуться. Только с Крохой я не чувствовал груза чужих душ на плечах. Груза? Что это за мысли, а, Мангуст? От такого следует избавляться в первую очередь. Ты — пёс, что выполняет приказы без обсуждения, и думать тебе негоже. Пёс должен исполнять волю хозяев.

Утренние лучи солнца погладили по щеке, пробуждая из глубины сознания сущность простого работяги. Мангуста сменил простой рабочий по имени Слав. Каю обязаны владеть хоть в малой мере множеством различных профессий и ремёсел, дабы искусно притворяться и играть очередную роль. Нам не составляет большого труда сыграть того же плотника, повара, матроса, рыбака или, что чаще всего бывает, вжиться в образ какого-нибудь сына дворянчика.

Простоватое лицо, чуть сутулая спина, быстрая неуклюжая походка и постоянно шмыгающий нос. Образ, весьма недурно отшлифованный за эти два года. Играть очередную роль с каждым разом становилось всё проще. Придерживаясь легенды о дополнительных ночных подработках, пришлось остановиться у лавки знакомого мужичка, торговавшего разными инструментами. Наур недавно отпраздновал рождение сына и привычные для него морщины на лбу оказались стерты лоснящейся до ушей улыбкой. Пара общих фраз, обмен любезностями, немного критики в адрес новенького рубанка, и вот я уже нахваливаю пирожки тетушки Лейлы. Впрочем, здесь никакого притворства. Покупать её пирожки с капустой после каждого заказа вошло у меня в привычку. Прекрасно понимаю, что у каю не должно быть привычек и тем более он не должен к чему-то привязываться, но... У всех есть свои слабости.

Облизывать пахнувшие капустой пальцы пришлось уже в переулках между улицами. Открыв дверь в дом с желанием отоспаться на неделю вперед, я замер. Спина напряглась, а беззаботная улыбка портового рабочего исчезла, уступив место сомкнутым в тонкую линию губам. Старшие не заставили себя долго ждать, решив подкинуть новую работёнку. Обычно, приходится ждать довольно долго.

На полу, прямо посреди комнаты, лежал небольшой конверт с синей сургучной печатью. Сколько бы я не морщил мозг, никак не мог вспомнить, что означал этот цвет. У каждого заказа существует свой цвет. До этого были лишь серые, и вдруг однообразность оказалась разбавлена.

По мере чтения лицо не менялось, оставаясь таким же равнодушным. Лишь только в конце письма от злобы дёрнулась бровь. Взяв себя в руки, я ещё раз тщательней прочитал письмо. Поискал точки над буквами, используя расшифровку разных типов, переставляя слова кодом Кифу, поставил письмо на просвет лучей, но ничего более обнаружить не удалось. Даже, стыдно признаться, вверх ногами читал.

Скомканное послание полетело в еле тлеющую печь, зашипевшую от удовольствия. Хлопнув дверью так, что на пол рухнула ваза с гиацинтами, я размеренной походкой пошёл выполнять приказ. «Плохо, очень плохо, рядовой Мангуст, — еле слышно прошептала тень. — Надень маску. Эта тебе не идёт». Пара глубоких вдохов, и сутуловатый Слав

сворачивает на другую улицу с простоватой улыбкой на лице. Но не в глазах. В них холодный расчёт.

Вокруг резвятся детишки, играя в догонялки, солнце припекает мой короткий ёжик волос, морской бриз ласково обнимает вспотевшую спину, по которой скользит чужой взгляд. Всё-таки, стоило наставникам оставить меня в учениках ещё на какое-то время, ведь, заметив слезку, настоящий каю не должен оборачиваться.

— Почём? — спросил я у загорелой толстой женщины, торговавшей коврами.

— Ах, мальчик! Великолепный выбор! Гобелен из самого Лаура! Это серия непревзойденного мастера Габриуса под названием «Гротески на песке»! Подойдёт для подарка родителям, украсит стену лучшему другу, а может... выберем что-нибудь для дамы сердца? Тогда тебе подойдёт вот это, смотри...

Но я давно уже не слушал торговку, переключившись на боковое зрение и внимательно запоминая всех, кто попадётся на глаза. Следующим бедолагой оказался сморщенный, словно переспелая вишня, мужичок. Его рыбу я недолго повертел в руках, а после небрежно кинул обратно. Торговец ещё долго сверлил меня осуждающим взглядом, но я уже оценивал утварь другого торговца, придерживая заботливую сестрёнку, что хотела проучить старичка за косой взгляд в сторону хозяина.

«Это он!» — проскрипела на ухо сестрёнка, прижимаясь к спине. Да, родненькая, я тоже заметил. Улыбка на моём лице очередным торгашом была воспринята как одобрение его товаров, и он принялся совать мне в карманы серебряные столовые приборы. Отделавшись от назойливого иностранца с заметным эринейским акцентом, я свернул в переулок. Вниз по ступеням, теперь нырнуть влево, в спасительный холодок тёмного проулка.

Пробежать несколько арок и вжаться в стену. Лишь далекий шум рынка вкупе с прибоем изредка доносятся до глухой подворотни. Ветер одиноко шелестит трухой в грязном углу и, поиграв в салочки между моими ногами, уносится прочь. Неужели мне показалось, и недосып сыграл злую шутку? Я уже хотел было смахнуть пот со лба, как вдруг что-то остановило. Волосы на затылке зашевелились, а по спине пробежался холодок, словно тающий кубик льда. Уши попытались развернуться назад, но лишь подтвердили мою догадку — преследователь решил зайти с другой стороны.

Еще не понимая, что надо делать, я рванулся туда, где ощущалось чьё-то присутствие. Правильно говорил мне наставник, что импровизация — моё лучшее оружие. Правда он так же называл его единственным моим плюсом, но всё же. Человек не успел заметить, как оказался прижатым к стене, а у горла засверкал кинжал.

— Кто ты?!

Из-за столь неожиданного нападения его башлык слетел с головы, показав черные волосы. Карие глаза девушки с толикой недоумения косились то на оружие, то на меня.

— Говори!

Ещё сильнее вжавшись в стену, стараясь избежать острейшего клинка, она прошептала одними губами:

— Когда умирает свет, возрождаемся мы.

Игра взглядов продолжалась недолго. Пришлось на шаг отступить:

— Воистину, Сестра.

Её цепкий взгляд, за мгновение оценивший кинжал в моих руках и подворотню, говорили о великолепной подготовке. Она не испугалась, а лишь досадовала о своей

небольшой неудаче, полностью вернув над собой обладание.

— Велено тебе послание передать.

Она потянулась за пазуху, но мой перехваченный для броска нож её остановил. Ей было невдомёк, что во мне боролись гордость рукопашника и покорность пса. Первая отворачивалась от схваток со слабым полом, а вторая тыкала носом в устав и приказывала действовать строго по правилам. Пока я рассуждал, она уже протянула письмо с той же синей сургучной печатью. «Яд розовой лягушки не имеет запаха и цвета, оставаясь на предметах ещё долгое время. Одно прикосновение убивает человека быстрее, чем он успевает понять, что его отравили», — слова наставника по ядоварению принёс с собой морской бриз, заставив меня натянуть на руки перчатки. И то, что девушка держала письмо голыми руками, не позволяло мне расслабиться. Яд мог быть на другой поверхности.

Правильно истолковав мои действия, девушка хмыкнула, и сейчас казалось, что она смотрит на меня сверху вниз. Конечно же, никакого подробного приказа чёрным по белому написано не было. Каждое такое послание зашифровывалось методом Геварта, поэтому подобные послания напоминали письма внуку от любимой бабули: «Милок, как твои дела? Мы с дедушкой так по вас соскучились, когда же вы навестите нас, родненькие?..». И так далее. При этом в письменной форме присылаются лишь самые обычные задания, в то время, как действительно серьёзные принимаются нами только устно.

Поискав какое-нибудь очередное тайное послание, я покосился на девчонку, осмотрел тёмное одеяние каю со скинутым капюшоном и заглянул за плечо на сумку. Грязные пятна на штанах, чуть всколоченные волосы, наполовину опустевшая торба, замаранные сапоги и осунувшаяся от усталости спина говорили о длительном путешествии.

— Гончая... — вычитал я её позывной из письма, окончательно приняв решение. — Здесь ни слова о слежке за мной. А ведь даже написано, где я живу.

Возможно, я перегибал палку. Любой другой на моём месте пожал бы плечами и, недолго думая, сопроводил бы её в штаб, накормив по ходу вкусными местными пирожками тётушки Лейлы. А тут ещё выясняется, что она носит звание алгунира, что выше моего звания рядового. Однако, похоже, она никогда ещё не сталкивалась с так называемым «псом государя», действующим строго по уставу.

— Рядовой, не забывайся!

Её глаза сверкнули сталью. Она знала, что пёс обязан повиноваться, вот только устав согласен с ней не был... Спрятав письмо, я выдержал взгляд Гончей, которая напряглась, увидев нож, блеснувший в моих руках.

— К тому же...

Ей пришлось замолчать, уклоняясь от просвистевшего клинка. Промазал я нарочно. Мой выпад оказался для неё очевидным, и, судя по хрустнувшей в её руке скорлупе, драться она не собиралась. К подобным подаркам я оказался подготовлен лучше неё и отпрыгнул в сторону от слезоточивого облака. Мой отскок и последующий за ним выпад стал для Гончей неожиданностью. Прежде, чем алгунир успела среагировать, я схватил её за одежду. Пёс, добравшийся до добычи, ни за что не разожмёт челюстей.

Левое плечо чиркнула сталь, но я успел уклониться, и урон оказался не серьёзным. В ответ открытая ладонь толкает вверх её подбородок, зажимая в захвате вооружённую руку. «Полёт ястреба» — один из смертельных приёмов. В оригинале необходимо делать резкий удар, из-за чего противник заваливается назад, ломаются шейные позвонки, и происходит защемление нервов. В идеале ещё бы крутануть шею, и тогда мгновенная смерть обеспечена,

но мне надо было лишь скрутить противника.

Охнув, она не успела понять, как оказалась на спине. Болевой приём и оружие выпало из её ослабевшей руки. Повернув девчонку на живот, сел сверху, крепко зажав ей руки. Дышать и открывать глаза было опасно — вокруг ещё витало облако перца и металлической стружки, оседавшей на плечах.

Быстро связав её руки надёжным узлом, я отволол алгунир подальше от слезоточивого облака. Откашлявшись, Гончая столь гневно посмотрела на меня, что её мысли прямо-таки можно было прочесть по глазам. С моего плеча сочилась кровь, а соль, входившая в состав слезоточивой смеси, только сильнее раздражала рану.

— Не смей трогать, рядовой! — рявкнула алгунир, когда я полез в её сумку.

Я даже не посмотрел в её сторону, перевязав рану какой-то тряпкой. Добираться до дверей штаба оказалось легче, чем я ожидал. Девчонка не привлекала к себе внимания, спрятав связанные руки под плащом. Несмотря на молчание, грозовые тучи, возникшие между нами, способны были метать молнии. «Никогда не заводи врагов. Они как осы. Поймать их сложно, но если удастся, то и один укус может стать смертельным» — слова Гайяра, как всегда, оказались мудры не по годам. Он вместе с Крохой были единственными каю, настоящие имена которых я знал. Почему ты ушёл так рано? Нам с Крохой тебя не хватает...

От воспоминаний отвлекло нависшее двухэтажное здание. Меня эта простота всегда удивляла. Вроде вот, в центре города, на видном месте, мимо которого проходят сотни людей каждый день. Массивная дверь, в которую может войти любой желающий и много различных кабинетов со своими работниками и прислугой. Правду говорят — хочешь спрятать, положи на самое видное место.

Дверь в конце коридора, где людей никогда не бывает, оказалась открыта. Впрочем, как и всегда. Деревянная лестница натужно поскрипывала, и эхо её старческого хрипения неохотно отражалось от холодных стен. Привычно сдвинув камни в определённой последовательности, я толкнул дверь. Один из множества входов в коридоры штаба. Всего их в порту насчитывалось... Впрочем, тайные сведения разглашать не полагается.

Короткий коридор и ещё одна дверь, за которой меня ждал топот ног десятков каю. Тысячи масок, стреляющие глаза и тихие разговоры. Обычный человек никогда не заметит такого напряжения в этих лицах, надо просто знать, как смотреть.

Коридоры, где начиналась смертельная тропа каю, подавляли. Каменные стены помнили о каждой душе, накладывая свою тоску на исполнителей долга. Кивнув знакомому дневальному, я передал Гончую с её посланием двум подбежавшим дежурным. Дальнейшая судьба девчонки мне была безразлична. Однако, дойти до отдела кадров мне было не суждено. Крепкие руки грубо выдернули из потока каю, а скрипучий голос, который я так недолюбливал ещё с учебной скамьи, заскрежетал:

— Я всегда подозревал, что профессия посыльного для такого наёмника, как ты, самая подходящая, Мангуст!

Словно по приказу троица приспешников хохотнула, с презрением осматривая мою довольно дешёвую, по сравнению с их нарядами потомственных каю, одежду. Ну повезло тебе родиться потомственным каю, что, сразу свысока на всех плевать? Пепел всегда меня недолюбливал. Истинные причины терялись где-то в далёком прошлом, и он наверняка сам уже давно их позабыл. И если раньше от драк и потасовок меня спасал Гайяр, имевший приятельские отношения почти со всеми, то сейчас косые взгляды превратились в увесистые

оплеухи. Назвать профессионального каю каким-то наёмником, да и в придачу кинуть в лицо перчатку со словами грязный посыльный... И если совсем уж бесполезных учеников используют в подставах и «медовых» ловушках, условно называя их наёмниками, то посыльного прощать не следовало. Интересно, и откуда же он узнал о недавно полученном задании, от которого я настолько зол? Буря эмоций, приправленная идиотским заказом, вспыхнула охапкой соломы и так же быстро погасла — связываться с потомственными каю себе дороже.

— Отвали.

Попытка вырвать руку из захвата оказалась тщетной — Пепел держал крепко, оправдывая звание лучшего рукопашника среди Теней. По его ухмылке стало понятно, что он готов потратить время на издёвки. Охапка соломы вспыхнула вновь. Оставаться с такой же маской равнодушия становилось всё сложнее. Освободиться от захвата и толкнуть в грудь Пепла в этот раз оказалось проще простого. До меня доносится звук удара об стену в тот момент, когда я отпихиваю от себя одного из его опешивших дружков и вливаюсь в толпу каю. Ещё один не успел схватить за шиворот улепетывающего зайца, и теперь вся компания втискивалась в плотный ручеёк, ругаясь, и отшвыривая от себя остальных.

Толкотня кончилась внезапно, оставив меня в небольшой круглой комнате отдыха. Ученики облепили мягкие диванчики, о чем-то увлечённо беседуя. Близ книжных полок кто-то выбирал интересное чтиво по душе, а некоторые уже внимательно читали, готовясь к практике и экзаменам. Небольшой зал жил своей жизнью, не обращая на меня никакого внимания. «Хозяин, нам туда», — моя юркая тень быстро сориентировалась и уже потащила за рукав в ближайший проход. Короткий рывок по коридору вывел в ярко освещённую библиотеку, заставив на некоторое время зажмуриться. Далеко позади слышались преследователи и их крики «Где он?!», и «Он наверняка здесь! Сюда!».

Старенький библиотекарь, бывший каю, с укоризной глянул на шумного посетителя и уже готов был шикнуть, как я сорвался с места, пытаюсь затеряться среди высоких полок. Но выход из библиотеки был лишь один, а окон под землей ещё никто не придумал. Трое учеников столь усердно морщили лбы, сидя за книгами, что даже не посмотрели в мою сторону. По левую руку спиной ко мне сидела знакомая с параллельного потока. Она заняла небольшой столик и лишь мельком мазнула по мне взглядом, вернувшись к книге.

Время неумолимо исчезало, и я сделал первое, что пришло в голову. Время перевоплощений настало. Медленно проходя мимо полок, я что-то бубнил под нос, выбирая книгу. Маска дрогнула — на ней появились задумчивость, дружелюбие, мягкая открытая улыбка и добродушный взгляд. Необходимо слиться с окружением, представить, словно мне действительно некуда торопиться и единственное моё увлечение — рукописи. Торопиться и делать резкие движение там, где царит спокойствие, умиротворение и тишина, нельзя. Остановившись у вешалки с тёмными плащами учеников, я одним движением накинул один на плечи и присел за стол к старой знакомой. Она покосилась сперва на меня, а потом на книгу в моей руке под названием «Техники скрадывания. Том 1».

— Привет, Злата.

Оставалось надеяться на обаятельную улыбку и свою дырявую память, которая никак не хотела вспоминать имя девчонки. Но, судя по её улыбке, я угадал. Впрочем, какое ещё могло быть имя у золотоволосой, словно яркое солнце, девушки?

— Привет. Никогда не видела тебя в библиотеке, ты какими судьбами?

— Ну вот, так долго не общались, и первое, что ты мне сказала, это «балбес, ты,

оказывается, ещё и читать умеешь?».

Посмеялись, но игра со временем шла не в мою пользу, и пора бы уже что-то предпринять. Шаги и голоса неумолимо настигали.

— Злата, — я придвинулся чуть ближе и накрыл её ладонь своей. — Ты лучшая в скрытности, а у меня серьёзные проблемы с маскировкой и исчезновением. На последнем задании чуть не спалили. Поможешь?

— Ну... Да, давай помогу...

Каю пыталась скрыть смущение, но красные ушки выдавали хозяйку. Мимо уединённой парочки не единожды проходили здоровые лбы, но лишь мазнув взглядом по парню, приобнявшему девушку за талию, старались не мешать их близости. К тому же, она что-то увлечённо ему рассказывала, и проходящий мимо каю понимал, что разговор наверняка уже вёлся довольно давно. Да и вообще, они ищут Мангуста, что был в белой рубашке, а этот в тёмном балахоне! О, надо бы вон тех пацанов проверить.

— Слышь, эй!

По спине пробежался холодок. Игру пора заканчивать. Девушка прервалась на полуслове, когда заметила, что я хочу что-то сказать.

— Спасибо тебе, помогла!

— Но ведь я только начала...

— Слушай, давай завтра продолжим. Мне что-то плохо стало. Я, пожалуй, пойду.

Привычная маска каю в мгновение смыла с лица улыбку, заменив её на поджатые губы.

— Ты забыл книгу! — донеслось в спину, но я уже скрылся за книжными полками.

— Нашли?

— Нет, ищем.

— Быстрее, он где-то здесь!

— Эй, а где тот, что с тобой сидел?

— Он ушёл, — недоумённо сказала Злата, и я представил её пальчик, указывающий в мою сторону.

В мгновение ока шаги сменились стремительным бегом. Выругавшись, я кинулся к выходу, где дежурил Пепел. Моего появления он ждал, заорав:

— Он здесь, все сюда!

— Молодой человек, тише, это библиотека!

По скрипучему голосу старичка можно было догадаться, что ему уже надоело поправлять нахального юнца. Может Пепел меня и ждал, растопырив руки так, чтобы я не пролез в узкий дверной проем, но пущенная в него книга оказалась эффективней кулаков. Отбив её рукой, он подарил мне спасительный миг, которым я воспользовался, толкнув того со своего пути. Матерные ругательства и топот четырех пар ног преследовали вплоть до спасительной толпы. Поработав локтями, сестрёнка выдернула меня из бурной реки каю, увлекая под очередную арку. Спасибо, красавица! — возрадовался я, просовываясь без стука в дверь отдела кадров.

Прямоугольный кабинет с каменной кладкой, множеством полок для книг и рукописей навис надо мной тёмной громадой. Пара свечей и жирник освещали стол, где в куче бумаг закопалось начальство в лице женщины четвертого десятка лет. Ей хватило мимолётного взгляда на вошедшего, чтобы меня передернуло. Она глянула как на таракана в супе, которого придётся вытаскивать пальцами, так как столовых приборов под рукой не оказалось.

— Вольно, рядовой.

Тут до меня дошло, что я всё это время стоял, вытянутый в струну. Но один приказ, и она немного ослабла, а я с вызовом впился глазами в переносицу офицера. Некоторое время давила тишина, но нарастающая долгое время боль в груди стала невыносимой, и я вспомнил, что способен дышать.

— Я, рядовой Мангуст, являюсь профессиональным каю два яра! Безупречно выполнил 28 заданий, но... — слова застряли в горле, но, всё-таки, я смог закончить: — Я не посыльный или слуга, чтобы сопровождать других каю в штаб.

Мой сорвавшийся от волнения на высокие ноты голос отразился от стен глухим эхом, но звук утонул в неожиданной тишине. Дальше по сценарию за дерзость перед начальством меня должны как минимум поставить в упор лёжа и заставить отжиматься раз, эдак, тысячу, после хорошенько выпороть плетьюми и подумывать над тем, чтобы переквалифицировать в наёмники... Но начальство молчало, а вырвавшиеся слова уже не вернуть. Оставалось только ждать своей участи, буравя взглядом Зелла-Сейн. До сих пор не понимаю, почему некоторые офицеры не скрывают своих имён. Тем временем, она покопалась в документах на столе и принялась медленно зачитывать:

— Та-а-ак, рядовой Мангуст. Стал каю... Не то... Настоящее имя... Снова не то... Нет равных в рукопашном бою паййат, безупречное знание человеческого тела, смертельных и болевых точек... Стиратель, значит? — угадала она, и продолжила бегать по строчкам: — Нехватка терпения, невнимательность и пренебрежение теорией не позволили стать Тенью.

Отложив документ, она впилась в меня взглядом:

— Рядовой, что означает цвет твоего заказа?

Я некоторое время смотрел мимо начальства, мучительно вспоминая, но быстро сдался:

— Не могу знать.

Скривившись и промокнув перо, она что-то написала в моём деле, отчего я невольно сглотнул.

— Гончая, ты ознакомилась с заказом?

— Простите?.. — от удивления мои брови поползли вверх.

— Так точно!

Гончая проступила из тени, выразительно скользнув по мне острым взглядом. Оказывается, алгунир, с которой у нас выдалось не самое тёплое знакомство, всё это время скрадывала себя в тени, внимательно слушая разговор. Значит то чужое чувство раздражения, что накатило на меня при входе, не было иллюзией. Тут мы встретились взглядами, и её притаившиеся в смертельном прыжке глаза острыми когтями скользнули по коже. Гончая не собиралась нападать сейчас, она оставила меня на потом. Сестрёнка рванулась наподдать по морде обидчице, но я вовремя остановил глупую. Потом, милая, потом... Зелла-Сейн не заметила перемены в моём настроении:

— Вижу, вы приятно провели время, — она кивнула на пропитавшуюся кровью повязку и весело подмигнула нам. — Додуматься силой отнять то, что Тень должна была вручить после обнаружения, да ещё и связать иностранного каю... Хорошо хоть, не поубивали друг друга.

Зелла-Сейн хохотнула, а я насупился, неуклюже пытаюсь скрыть горящие уши:

— Но... — растерянно пробормотал я. — Если бы я знал, там ничего не было написано...

— Рядовой, — устало вздохнул офицер, словно разочаровавшись в моих умственных

способностях. — Это была проверка. Профессионал должен быть готов ко всему.

Задумавшись над сказанным, через какое-то время я ощутил на себе взгляды двух каю. Рядовому здесь больше не рады.

— Разрешите идти?

— Ожидать дальнейших указаний, — дождавшись утвердительного кивка, я вылетел в коридор настолько быстро, насколько только мог.

Хотелось только одного — упасть в свою скрипучую кровать и забыться сном на пару седмиц, не думая ни о заказах, ни о мокрухе, ни о чём, что связано с каю. Вот только я так и не узнал, что означал синий цвет сургуча. Всё же, следует потом сходить в библиотеку.

Из раздумий меня вывел увесистый прямой в ухо. Успев смягчить удар, отведя голову в сторону, я в очередной раз обругал себя за беспечность. То ли сказалось напряжение после офицера Зелла-Сейн, то ли просто привык получать по морде, но пришёл в себя я на удивление быстро. Перекатившись через голову, опрометью бросился к ближайшему выходу на поверхность. Приложили, всё-таки, хорошенько... — пронеслась одинокая мысль, когда из-за головокружения меня несколько раз знакомяло с косяками. Состояние нормализовалось, едва я взбежал по лестнице и вывалился в коридор.

Крики нагоняли, но спустя несколько десятков вдохов скрипучая входная дверь канцелярии оказалась выбита моим плечом, и пришлось зажмуриться от яркого солнца. Прохожие провожали меня любопытными взглядами, когда я засверкал пятками от Пепла с дружками. Но не успел я юркнуть за угол, как правое плечо что-то мерзко кольнуло. Чувство боли тут же пропало, словно комариный укус.

Преследуемый целым отрядом, я пролетел несколько улиц, даже не заметив этого. Сбивая с ног ни в чем не повинных людей, устраивая обвалы редких лавок с товаром, бочек и корзин, я игрался с погоней. Однако триумф длился недолго. Мир вдруг перевернулся, дыхание перехватило, ноги подкосились, и я ощутимо приложилась о мостовую, выбивая последний воздух из лёгких.

Мгновения растянулись в вечность, и я шумно вдохнул. Распределив вес тела на правую руку, охнул от резкой боли, пронзившей плечо. Локоть подогнулся, заставив меня снова кататься в пыли и ощупывать повреждённую руку. Иностранное тело, торчащее из трехглавой мышцы, нашлось быстро. Выдернув иглу, я поморщился от кислого запаха. Медленный яд, а точнее, снотворное из крови жабы хобо, настойки концентрированной душицы, пропитанное экстрактом арники и мяты. В простонародье — кисляк, но иногда и лимонкой называют. Эта пакость довольно известна в кругах каю. Но так как укол я почувствовал, значит, каю использовал малую концентрацию арники, больше полагаясь на кровь жабы. Плохой настой, сделал окончательный вердикт я пока ещё соображающей головой. Если игла так долго пропитывала ткани, бегать осталось мне недолго.

Мир плыл, распадаясь на тысячи мелких осколков, чтобы со следующим шагом собраться воедино. Чужие голоса смешались, превратившись в неразборчивый поток звуков. Божница на краю города выросла передо мной неожиданно. Свежая прохлада утренних улиц, пропахших солью и заморским чаем сменилась тяжёлым запахом курильниц, одурманив разум окончательно. Десятки людей шептали богам заветные слова, или обращались ко мне, или просто разговаривали между собой. Понять было невозможно. Перед глазами замелькали странные образы, а в тело впивались жгучие иголки отдалённой боли. Я барахтался в болоте тьмы, но боль, почему-то, была настоящей. Провал в пустоту оказался так желанен, что сопротивляться совсем не хотелось.

Первым стал глубокий вдох, внезапно закончившийся сильным кашлем от попавшей в лёгкие пыли. Старое помещение, слабо освещавшееся через грязные окна, казалось смутно знакомым. Ухватиться за нить воспоминаний никак не удавалось, несмотря на то, что детские голоса уже раздавались в голове.

— Это будет наша секретная база, Гайяр! — воспоминания возникли неожиданно, переместив меня на много лет в прошлое.

В старых дверях чердака, давно забытого служителями божницы, стояла троица детишек. Маленькая девочка с опаской поглядывала на старинные вещи вокруг, а особенно долго всматривалась в чёрные тени, в которых то и дело чудились страхолюдины. Мальчик, которому с такой страстью рассказывал бездельник Мангуст, гордо выпячивал грудь, строя из себя бесстрашного героя, когда девочка прижималась к нему, но с такой же опаской поглядывал в тёмные углы. Взрослые рассказывают, что в таких местах живут страшины, подманивающие детей игрушками, а потом поедая их головы.

— Но ведь тут страшно!..

— Неправда! Ты просто девчонка! Бояка! Мы тут все приберём, и это станет нашей базой! Как у самых настоящих разведчиков!

И с важным видом стал ходить из стороны в сторону, возбуждённо рассказывая подробности их жизни на секретной базе.

— ...Я буду главным, Гайяр моим помощником, а Кроха... Не знаю, ты кем хочешь быть?

— А чего это я помощником! Я тоже хочу быть главным!

Мальчишка, позабывший о страшилках, насупился и был настроен стать главным любой ценой.

— Я первый нашёл! Значит я главный!

— Нет! Я выше тебя! А значит я главный!

Воспоминания пролетели мгновенно, заставив меня улыбнуться. В тот раз на чердаке состоялась драка, в которой победителем вышла Кроха. Пока мы колошматили друг друга почём зря, девочка откуда-то взяла пыльную метлу и с криками «А ну, прекратить!» раскидала нас так, что мы ещё целый день и слова поперёк вставить не могли. Вот такой был у нас вождь в юбке с пыльной метлой наперевес. Тогда мы ещё не подозревали, что слова про разведчиков станут пророческими. Были мы ещё пузатиками и обучались исключительно наукам благородным, хорошим и... совершенно неинтересным.

Наступившая тишина вытолкнула из воспоминаний, зазвенев в ушах напряжённым гулом. Она выдавливала все остальные звуки, заглушая чьим-то шёпотом. В воздухе появились невидимые щупы тьмы, принявшиеся царапать кожу. Появившийся в дверях чёрной тенью четырнадцатилетний мальчишка, казалось, заполнял собой всё пространство. Он беззвучно раскачивался с пяток на носки, уставившись на меня с немым упрёком. Несмотря на темноту, его фигура сияла чернее ночи, отчётливо выделяясь в дверях. Мальчишка-отравитель, одна из моих первых душ, очень творчески подходил к выполнению приказов одного из чиновников, предпочитая втирать яд в стенки бокала, нежели подмешивать в напиток. Умельца можно было многому научить и использовать в своих целях, а не губить понапрасну, но кому интересно мнение рядового каю?

— Уйди, — настойчиво сказал я, когда кожу начало покалывать сильнее.

«С кем ты разговариваешь? Здесь никого нет», — усмехнулась тень, промурлыкав где-то

рядом. Моргнув, я уставился на проём двери, в котором никого не оказалось. Звуки ночного города вернулись, подсказывая, что в последнее время иллюзии стали частым гостем. Ночной бриз ударил в грязные окна, застучав по стеклу пыльной крошкой. Где-то на крыше дрались коты, оглушая спящий город своими громкими воплями. На противоположной улице моталась из стороны в сторону компания подвыпивших, выкрикивая что-то весёлое. Мальчишка действительно испарился, оставив после себя зияющий темнотой проход, в который идти, почему-то, не хотелось.

Поднявшись, я невольно остановил взгляд на криво выцарапанной надписи наших молочных имён на дверном косяке. Холодный свет звёзд с трудом пробивался сквозь пыльное окно, растворяясь в чёрном мареве чердака, и рассмотреть имена было невозможно. Наверное, это даже хорошо, — подумал я и скользнул в темноту.

Пепла и компании на улице не оказалось, и можно было идти спокойней. Никто не обращал внимания на одинокого человека, кроме холодных звёзд, знавших обо мне всё. Никогда не любил этих пронырливых светляков, наблюдавших издалека.

С каждым поворотом людей становилось всё меньше, словно морской ветер гнал всех по домам. Рыночная площадь, располагавшаяся близ моего дома, пустовала, а о былой торговле напоминали разве что запахи фруктов, рыбы, выпечки, да крысы, сбежавшиеся на вкусные крошки. Желудок заныл, вспомнив о том, что нерасторопный хозяин не радовал его с прошлой ночи. Как назло, дома не осталось ничего съестного, а купить уже негде. Во сне терпится легче, — вспомнил я, подходя к своему дому.

— Эй.

Негромкий голос перепугал не на шутку, заставив подпрыгнуть, словно встревоженную кошку. В фигуре в тёмных одеждах и торбой за спиной узнавалась Гончая.

— Ты чего тут?..

— Я тебя здесь весь день жду. Тебе ведь было приказано ждать указаний. Где тебя носит?

Наверное, сегодня самый неудачный день, — подумал я, поглаживая всё ещё побаливавшую после удара скулу. Мангуста вдруг возненавидели все вокруг, решив за что-то поквитаться.

— Занят был немного...

— У нас заказ. Собирайся, — пропустила она моё оправдание мимо ушей. — Жду тебя у южных ворот.

Раздав приказы, она свернула в переулок, даже не дав задать ни одного вопроса. Подозрения о затаившей обиду алгунир довольно быстро рассеялись — для мести она бы придумала что-нибудь поинтересней. А сообщать лживые сведения о заданиях у нас как-то... не принято. Скорее даже плохая примета. Сборы заняли совсем немного времени, и вскоре я уже выходил к городским воротам, где и заметил алгунир верхом на своем таппане.

— К чему такая спешка? — поинтересовался я, вскакивая в седло. — В ночи таппаны ноги себе переломают.

Мы медленно тронулись, благо, луна подслушала мои опасения и выглянула из-за тучи, осветив дорогу.

— Приказали выдвигаться немедленно.

Холод в её голосе обжигал кожу. Сплотнув, я решил перейти к делу, расспросив про задание. Приказ, изложенный Гончей, вызвал у меня десятки вопросов. Нам поручалось в

очень скором порядке добраться до южного порта Каменка, чтобы там получить дальнейшие указания. Так как Гончая старшая по званию, знает она наверняка больше, но зачем здесь нужен второй каю, я решительно не понимал. Двоих заметить легче, да и выглядит это подозрительно. Что означает столь скорая отправка в путь, да ещё и ночью? О погоне бы предупредили, а если спешат в порт, то не проще было на корабле? И безопасней, и второй каю не нужен, и... В общем, вопросов было слишком много. И пока Гончая объясняла пароли, легенду, имена, я понял, что на скопившиеся вопросы она не ответит. Либо сама не знает, либо мне знать не положено.

Даже при таком скупом освещении, от моего цепкого взгляда не укрылось, как она несколько раз невзначай касалась ягдташа у седла. Что там такого важного, наличие чего нужно было проверять, осталось для меня загадкой. Благодаря луне, таппаны неслись вперёд, и к середине ночи мы неплохо отделились от Гилима.

Остановившись у одинокого вяза, алгунир спешила и раздала приказы. Быстро натаскали хвороста, и вскоре уже потрескивала лучина. До ближайшего населённого пункта мчаться всю оставшуюся ночь, но уставшей девчонке наверняка нужен был отдых, в чём она не хотела признаваться.

Корявые ветви вяза при свете костра выглядели жутко, а вкупе с напряжённой тишиной хотелось куда-нибудь спрятаться. Сестрёнка тоже ворчала, но пока недовольства в открытой форме не выказывала. За размышлениями не заметил, как подседа Гончая:

— Почему у тебя такой позывной?

Молнии, затаившиеся между нами с раннего утра, вдруг заискрились, превратившись в раскаты грома. Простая фраза почему-то заставила меня напрячься.

— Даже не знаю... Говорят, шустрый шибко, за это и прозвали.

Мне давно уже было понятно, что Гончая не из нашей страны, а из Предводья, что на западе. Когда-то мы были одной страной, но после одной из войн, вспыхнула гражданская война. Спустя четыре года чудовищных потерь она закончилась, и небольшой полуостров стал отдельным государством. Язык один, праздники и история одинаковые, традиции немного разные, но, в целом, те же самые сепакхейцы, что и мы. Оставалось только проверить свои догадки, задав вопрос издали.

— Вы ведь тоже пайат изучаете? — девушка кивнула. — Вот за это и назвали.

— Значит, ты самый быстрый в рукопашке?

Я неоднозначно пожал плечами, а она тотчас же вскочила.

— А ну-ка, давай проверим, — размяв шею, она принялась крутить запястьями.

— Я не дерусь с девчонками.

— Да ты что? В прошлый раз тебе это не помешало.

— Я тебя ни разу не ударил!

— Ну, не знаю. Шея у меня до сих пор болит.

Гончая уже приняла боевую стойку в паре локтей от меня и вот-вот должна была напасть.

— Может, я лучше сегодня за двоих подежурю?..

Девчонка только хмыкнула и выбросила руку, целясь в кадык. Бросок Кобры, именно так называется ударная техника глубокого воздействия на мягкие ткани. Удары получаются слабыми, но молниеносными и при попадании в девяти из десяти случаев поражают блуждающий нерв. Или как повезёт. Может раздробить горло, остановить дыхание, повредить щитовидную железу или воздействовать на сонную артерию...

Отводя удар за ударом, я пятился, подстраиваясь под ритм противницы. Обойдя вокруг костра один раз, она поняла, что я не собираюсь атаковать и резко сменила рисунок боя. Нападала по-другому, стараясь ввязаться в плотную борьбу. Но от захватов я тоже уходил вполне легко и свободно, соблюдая дистанцию.

Паййат изобретён исключительно для скорейшего уничтожения соперника, соответственно выпады в виски, глаза, шею, горло, солнечное сплетение и пах — самые эффективные. Так же существуют точки на конечностях. К примеру, при правильном ударе в подмышку повреждается нерв, конечность теряет чувствительность и с большой долей вероятности противник не сможет адекватно использовать её некоторое время. Для лучшей эффективности подобных ударов мы носим специально предназначенные для этого перчатки с укреплённой ударной поверхностью. Против подготовленного рукопашника в открытом столкновении паййат не играет практически никакой роли, но учителя так же уделяли внимание и обычным техникам боя. Мы, всё-таки, не воины.

Меняя тактики, делая резкие выпады, обманные движения и захваты, она никак не желала сдаваться. Танцуя очередной круг, я неудачно шагнул назад, споткнувшись о её сумку. Пытаясь найти равновесие, вскинул руки, а разведчица тут же воспользовалась ситуацией, угодив в живот. Согнувшись пополам, успеваю чуть-чуть отшагнуть от неминуемого удара коленом в нос, но только я хотел выпрямиться, как схватил увесистую оплеуху справа. Судя по силе удара, била она локтём. Крутанувшись вокруг своей оси, отпрыгиваю назад, замечая сверкающие звезды перед глазами. На кураже алгунир снова выбросила руку, запястье которой я успел схватить. Она несколько раз дернула, но я не выдержал:

— Хватит!

Похоже, это разозлило Гончую ещё больше, и очередной её выпад снова был перехвачен. Недооценивать девчонку не следовало. Каю воспользовалась ситуацией и расслабила ноги, заставив меня держать вес её тела. Невольно я согнулся в пояснице, и тут она упёрла ноги мне в живот и резко перекинула через себя. От неожиданности пришлось её отпустить, и на земле завязалась нешуточная борьба, в которой я вполне мог пару раз остаться без глаза, с порванным горлом или оторванной щекой. Сестрёнка бегала вокруг, причитая на все лады, но я приказал ей не трогать алгунир. Вот она снова заняла позицию сверху, изготовившись к удару, как я проделал вполне привычный приём, к которому она оказалась не готова. Уперев ступни в землю, резко отталкиваюсь, приподнимая тазом вес Гончей и заваливаю в сторону. К сожалению для неё, в борьбе вес играет колоссальное значение. В мгновение позиция меняется и сверху уже я. Неожиданным приёмом ошеломив Гончую, я вдавил её запястья в землю весом своего тела. Она некоторое время дёргалась, пока я сверлил её неподвижным взглядом. Наконец, она прекратила сопротивление. Какое-то время каю лежала неподвижно, с закрытыми глазами восстанавливая дыхание. Наконец, Гончая произнесла сквозь зубы, смотря куда-то в сторону:

— Ты дежуришь за двоих.

Остаток ночи прошёл очень быстро. Едва солнце наполовину показалось над горами, я со злорадством растолкал Гончую, лишив её роскоши долгого сна. К удивлению, алгунир оказалась подготовлена хорошо и встала как по команде, принявшись сразу собираться в путь. Столь тщательная проверка снаряжения меня немного удивила, поэтому, оказавшись в седле, я спросил:

— Чтобы от меня было больше пользы, мне нужно знать, в чём заключается моя задача. Ты наверняка знаешь больше, чем говорила до этого.

Девушка ответила не сразу. Казалось, она уже позабыла о недавней схватке, словно её и не было.

— Мне не позволено разглашать это. Мы получим дальнейшие указания в Каменке. Главное добраться туда как можно быстрее и без приключений.

— Ты ведь понимаешь, что я нахожусь в неведении и не имею представления, чего ожидать?

— Рядовой, — не повышая голоса, рубанула она. — Не спрашивай меня то, чего я не знаю. Нам пора.

Пришлось подчиниться, дав себе обещание попытаться узнать больше. К сожалению, за несколько однообразных дней скачки никаких сведений выведать не удалось. Разве что подтвердились мои догадки по поводу того, что она прибыла из Предводья, напрямую из столицы — Умака. Родилась в семье потомственных разведчиков и являлась Тенью. Кто бы сомневался. Но большую часть времени мы сохраняли молчание, иногда косясь друг на друга. В очередной вечер, когда мы искали место на ночлег, я заметил, как Гончая кутается в плащ.

— Ну и погода у вас. Близ Умака хотя бы течение тёплое, у нас такие ветра редкость.

— Не в ветре дело, — поёжился я, глянув на низкие тёмные облака. — Осень близко.

Север Яксарда в это время года отличался ливнями, которые могли начаться в любой момент. Готов был поспорить, что после моих слов Гончая проклинала своего подчинённого за длинный язык. Дорогу тотчас размыло, и таппанам стало сложно выбирать безопасный путь. Вчера мы переночевали в одной из деревень, надеясь к вечеру сегодняшнего дня добраться до следующего постоянного двора. Несмотря на то, что оставалось не так далеко, в такой ливень добираться до него придётся чуть ли не до утра.

Приняв решение остановиться, мы выбрали небольшую пещерку. Отрог Туманных гор внушал страх всем местным, протыкая своими острыми пиками небо. Говорят, в конце Эпохи Первого Солнца именно отрог принял первый удар Большой Воды, потому у местных жителей к нему такое уважение. Но сейчас его скалы должны стать нашим укрытием на эту ночь.

Закончив возиться с таппанами, я решил снять плащ, но подрагивающие пальцы, сжимавшие рукоять кинжала на поясе, заставили остановиться. Образовавшаяся во рту пустыня и занывшее горло намекали на что-то неприятное.

— Постой, — сказал я Гончей, пытавшейся получить огнём искру.

В этот момент по земле прошла дрожь, словно где-то далеко с большой высоты рухнул гигантский кусок скалы. Следом за дрожью с северо-запада донёсся странный грохот, заставивший нас согнуть колени и сместить центр тяжести книзу.

— Что это?

Вопрос алгунир остался без ответа. Ливень не позволял разглядеть что-либо дальше нескольких десятков шагов, к тому же в этих краях быстро темнело. Мы ещё несколько раз услышали странный грохот, но ничего более не происходило. Где-то на северо-западе, поверх высокого сосняка горизонт окрасился оранжевым маревом, словно вот-вот взойдет солнце. Несколько мгновений нарастающий гул набирал силу, в итоге превратившись в землетрясение и мощнейший грохот, после которого всё вдруг затихло.

— Ты раньше ничего подобного об этих местах не слышал?

— Мы близ Туманных гор, о них разные слухи ходят...

Костёр благоразумно решили не разводиться. Долгое время ничего не происходило, и мы распределили дежурство. Спальное место в глубине крохотной пещерки оказалось продуваемо со всех сторон. Холодный ветер скользил по пяткам так, что приходилось поджимать колени к груди. Редкое недовольное ржание наших тапанов вкупе с барабаниющим дождём не давали заснуть. «Наверное, придётся сегодня всю ночь слушать стучащие зубы Гончей...» — подумал я прежде, чем провалиться в сон.

Глава 2. Беглец

Снился Гаййар. Образы мелькали, сменяя друг друга в причудливом вихре. Они поглощали сами себя, обретая новые очертания и новые смыслы. Вот мы бегаем по поляне, играя в догонялки. Прыгаем по мокрой траве босыми пятками и безудержно смеёмся. Образ растворяется под силой проливного дождя, сменяясь зимней стужей в тайге, когда нас учили выживать в лесах. Будучи в тонкой кофте, мастерить снегоступы из еловых веток замёрзшими пальцами очень сложно, но порыв борей кинул в лицо охапку снега, разметав образ на куски. Мозаика упала в высохший песок пустынь Остробережья, склеиваясь в картину нашего первого похода через высокие барханы. Песок шумит и волнуется, обрушивая на растянувшийся караван волны барханов, которые превращаются в спокойный штиль Океана Царей. Утренний туман скрывает его могущество, но рассмотреть вдалеке плывущую лодку с телом Гаййара ещё можно. Рассвет близится, но тучи сгустились, призывая на помощь раскаты грома...

Из омута сна меня подбросила на ноги тревога, подобравшаяся незаметно. Расплывающаяся картинка перед глазами оказалась землетрясением, сбивавшим с ног. Дождь уже давно прекратился, напоминая о себе свежим холодным воздухом, в котором почему-то гремела оглушающая гроза.

— Что происходит?! — крикнул я, надеясь, что Гончая услышит.

— Нашёл, кого спросить! — Раздражённо донеслось откуда-то снизу.

Каю встала на четвереньки у стены, не желая разбить голову при неудачном падении. Вслед за ослепительно сверкнувшей молнией прогрехотала серия мощных взрывов, сопровождавшаяся яркими пламенными вспышками. Каждый взрыв расходился волнами, раскачивая деревья и оглушая всё живое. От ярких разноцветных искр слезились глаза, но отвести взгляд мне не удавалось. Изогнутыми белыми росчерками, молнии вырывали ошмётки земли, превращая камень в крошку. Мгновение, и уже в другом месте их сменяли огненные смерчи, волны пламени и яростный рёв безумной стихии. Не отнимая взгляда от небосвода, я готов был поклясться, что в некоторых вспышках смог разглядеть человеческие силуэты.

— Уходим!!! — проорала в ухо Гончая, дёргая меня за локоть. Припадая к земле, я второпях перекинул через плечо сумку и подобрался к таппану. Из-за глухоты, испуганного ржания таппана не было слышно, а брыкался он так яростно, что наверняка давно бы убежал, не будь надёжно привязан. Вскочив в седло с такой ловкостью, которой у меня никогда не наблюдалось, я развернул таппана на юго-запад. От страха он сорвался с места, даже не дождавшись моего приказа. На фоне раскатов грома и рёва огненной бури похолодела спина, а пальцы сильнее сжали поводья. Грохот то отдалялся, то догонял столь стремительно, что звучал прямо над ухом. В такие моменты приходилось наклоняться к шее таппана, надеясь не оказаться в огненном смерче. Иногда казалось, что до нас доносятся рубящие удары клинка по камню, крики, хрипы и невнятное бормотание. Но, приглядевшись к кричащей Гончей, понял, что всё это игра моего воображения. Смахнув со лба что-то влажное, я почувствовал кровь и поморщился. Со скалы, которую мы огибали, пытаюсь скрыться на юго-западной караванной дороге, сыпались камни. Только сейчас до меня дошло, что Гончая

оказалась умней, держась от скалы на расстоянии. Именно об этом она и пыталась меня предупредить перед тем, как мою макушку расквасил камень.

— Ты как? — крикнула алгунир, когда я со злостью дернул таппана в сторону.

— Жить буду!

На ходу оглядываясь, мы всё дальше и дальше уходили от раскатов льда и пламени. И тем не менее, я был уверен в том, что грохот постоянно нагоняет, а жар огня иногда облизывает промокшую спину. Оставалось надеяться, что после угодившего в лоб камня, мне это чудилось. Таппан не успел как следует отдохнуть и сильно сдавал в скорости. Оставалось уповать на то, чтобы земля под его копытами оставалась ровной и без препятствий. О недавнем ливне напоминала сильная влажность и вырывавшаяся из-под копыт грязь.

Побег продолжался долго. Чем дальше мы отдалялись, тем тише становились звуки грома и молний. Наконец, их вдруг словно обрубали и некоторое время мы продолжали уходить в полной тишине.

— Как думаешь, что это было? — остановившись, я первым осмелился нарушить тишину.

— Не имею ни малейшего понятия. И мне бы не хотелось снова сталкиваться с этим... Надо скорее отсюда уходить...

— Ох!..

Внезапно раздавшийся мужской голос чуть правее перепугал не на шутку, а пальцы уже обхватывали рукоятки кинжалов. Сперва мне показалось, что чужие души снова решили вторгнуться в моё воображение, воспользовавшись травмой головы, но в руках Гончей тоже появилось оружие. Я готов был поклясться, что ещё мгновение назад никого рядом с нами не было. Человек появился из ниоткуда. Мужчина лет сорока выглядел очень странно. По его мятой, с незаштопанными дырками, местами подозрительными разводами красноватых пятен, одежде, можно было сделать неутешительный вывод — он в бегах. Смугло-грязный цвет кожи, чёрная бородка завивкой, такие же чересчур кудрявые короткие угольные волосы и большой орлиный нос. Существовали в Остробережье люди с подобными чертами лица, но он отличался от кашгарийцев чем-то неуловимым. Длинная, почти до пяток, грязно-синяя мантия, перевязанная на поясе кушаком, и недешёвые ботинки, больше предназначенные для городского образа жизни.

Оглядев нас в предрассветных лучах, мужчина стал медленно пятиться, но замер. Медленно переведя взгляд направо, откуда примчались мы с Гончей, он какое-то время не то всматривался, не то к чему-то прислушивался. Потом вдруг побледнел и дёрнул головой уже в сторону опушки леса. Было заметно, что мужчиной овладел страх, и его глаза метаются из стороны в сторону, пытаюсь найти выход. На опушке ничего подозрительного не оказалось, чего бы мог испугаться мужчина. Не ощущалось даже чужеродной силы. Гончая, более опытным взглядом изучившая местность, тоже ничего не нашла. Лицо незнакомца покрылось потом, и он потерял к нам интерес. Мужчина некоторое время всматривался на север, а потом со злостью выплюнул какое-то ругательство на непонятном языке и исчез. Не успели мы удивиться, как что-то с высокой скоростью рассекло воздух, протаранив скалу. Грохот, который мы слышали в небе не так давно, показался комариным писком, по сравнению с такой разрушительной мощью.

— Ходу! Ходу!! Ходу!!!

Не помню, кто именно кричал, но таппаны и без нас поняли, что пора делать ноги. От осыпающихся камней пришлось прикрыться рукой, надеясь, что какой-нибудь булыжник не

сломает плечо или не свернёт таппану шею. Сорвались с места мы вовремя — ещё бы мгновение, и наши раздавленные тела пришлось бы вытаскивать из-под огромного валуна, оторвавшегося от отрога. Несколько раз мне приходилось оборачиваться, когда я ощущал чьё-то присутствие. Но сколько бы не вглядывался, при такой тряске разобрать ничего не удавалось. Гончая прочитала мои мысли и свернула.

Равнину плавно изогнуло, превратив в холмистую местность, на которой повсюду огромными гроздьями бесформенных осколков выросли каменные валуны. Мчавшаяся впереди Гончая заметила заросли высокой травы и немного изменила курс. Несмотря на бессонную ночь, реакция девушка оставалась отменной. В её руке блеснул нож. Бросок, и в траве извивается зеленоватое тело. Рассмотреть не удастся — Гончая даёт резкий рывок в сторону:

— Осторожней!

Обычно мягкие, но сейчас ледяные пальцы сестрёнки впились в плечо. По руке пробегают холодные мурашки, а правую часть лица сводит от боли судорогой. Из-за спины доносятся невнятные шипящие звуки тени, от которых становится не по себе. Однако понять смысл всех этих знаков не удаётся. Заметив нас, из-за валуна выбежал тот самый мужчина, помчавшийся в неширокую прогалину в высоких зарослях. Оставалось гадать, каким образом он без таппана оказался здесь быстрее нас, но додумать я не успел. В этот момент не выдержавшая тень вселилась в руку, молниеносно выхватив кинжал, и рубанула наотмашь. Нападавший из засады с высокого валуна ящер не ожидал встретить свою смерть так скоро. Неведомая тварь оказалась размером с большую собаку. Из разрубленной шеи брызнуло не так много крови, как можно было ожидать, а рука уже послала нож в другую сторону. Что-то заверещало, корчась на земле, но отвлекаться не было времени. Сестрёнка, как всегда, спасла непутёвого каю.

В момент очередного рывка, таппан заржал от боли и камнем полетел к земле. Я ещё не знал, что случилось, но уже успел вытащить ноги из стремян и спрыгнуть с раненого животного. Перекувыркнувшись, помчался вслед за стремительно отрывающейся Гончей. Лишь краем глаза успел заметить, как одна тварь прокусила шею моему таппану, а ещё несколько обогнули труп и помчались за мной. Это придало сил ногам, помчавшим с ещё большей скоростью. Мужчина, которого мы видели не так давно, уже скрылся в прогалине, и вот-вот туда влетит Гончая. На открытом пространстве от таких тварей не убежать, поэтому мне пришлось скрыться в траве. Столь несущественная преграда им не мешает, но хотя бы некоторое время у меня должно появиться.

Высокая трава заглушила звуки, словно я угодил в непроницаемый кокон. Стало чуть теплее, а сверху свистел равнинный ветер. Некоторое время невозможно было понять причину внезапно начавшейся головной боли, но когда она переросла в тонкий шум в ушах, я чертыхнулся. Звук из свистка для собак стал неожиданностью, к которой я оказался не готов. Его невозможно услышать обычному человеку, но каю с детства обучали реагировать на немного больший диапазон частот, нежели у обычных людей. Мы по-прежнему не распознаем эти частоты, но учителя хорошо научили организм реагировать на этот звук головной болью. Пришлось немного замедлить бег, чтобы унять боль в висках, но тень зашипела, растягивая звуки:

— Р-р-ас-с-скаяяние-е приходит... с с-с-севера-а...

Порой мою сестрёнку было невозможно понять. Пытаясь осмыслить её образы, я замер на месте. В зарослях далеко убежать я не успел, поэтому смог отличить шелест стелящихся

по земле ящеров от звука шагов. Вспомнился странный заказ, детали которого знает только Гончая, но её безответственность крайне сомнительна. Знай она о смертельной угрозе, не проворонила бы нападение. Во всяком случае, намекнуть мне, обходя строгий приказ о неразглашении деталей задания, наверняка возможно.

Бешеная погоня, шум и взрывы вдруг сменились лёгким ветерком, покачивающим заросли, тишиной, колотящимся сердцем и томительным ожиданием. Благо, я заранее разбросал за собой несколько слезоточивых смесей, и на некоторое время это отвлечёт ящеров, недовольное фырканье которых доносится откуда-то сзади. Но надеяться на то, что их это надолго остановит, было глупо. Времени на раздумья не оставалось, и я чувствовал, как оно неумолимо исчезает. Вероятность того, что в какой-то момент я встречу лицом к лицу с подкрадывающимся каю, была ничтожна. Он двигался настолько тихо, что ни я, ни он, не ожидали встретиться на расстоянии вытянутой руки. Как и у меня, лицо его было прикрыто повязкой. Чёрные прямые волосы наполовину закрывали смуглый лоб, а угольно чёрные узкие глаза столь же удивлённо смотрели на меня. Замешательство длилось недолго, и мы среагировали одновременно, выбросив друг в друга ножи. В невиданном пируэте я смог уклониться, а он, судя по звуку впившегося в плоть метательного ножа, немного не успел. Оставалось жалеть о том, что оружие не было смазано ядом. Он быстро выветривался, теряя свои свойства, и всегда держать наготове такое оружие было крайне затруднительно. Куда именно угодило моё оружие, я не разобрался, сорвавшись с места вглубь зарослей.

— Палли! Палли!!

Ранен он оказался не сильно, раз кричал столь громко. Языка я не знал, как ни странно. В курсе иностранных языков мы обязаны были знать родной язык, хорошо владеть эринейским, да чуть-чуть балакать на языке кашгарийцев. Немного понимать ещё парочку, но подобных звуков мне никогда не доводилось слышать. Мир сразу наполнился звуками — застрекотали ящеры, устремившись в погоню, послышались тихие разговоры каю, напоминая шипение сестрѐнки. В том, что это были каю, сомнений не осталось. Но сколько их, и, главное, кто они такие, понять было невозможно. Смуглых людей с узкими глазами я встречал впервые.

Задувший ветер заставил траву кланяться, а ещё большим подарком для меня стало его удачное направление — мне в спину. Более удачного момента природа могла больше не предоставить, заставив меня побежать. Вслед за Гончей, по прогалине промчалось несколько преследователей на таппанах. Оставалось только гадать, это те самые каю, или уже другой отряд?

Заросли оборвались внезапно, уступая место невысоким холмам с редкой растительностью. Сквозь сплошную траву пришлось пробираться довольно долго, постоянно ловя себя на мысли о том, что могу не успеть.

В стороне, огибая холмы, петляла дорога, через пару вѐрст теряясь в сосновом лесу. Убедившись, что преследователи ещё на хвосте, я помчался вперѐд. Запоздало пронеслась мысль, что кто-нибудь мог просто затаиться и поджидать, когда же я соизволю казать свой нос из зарослей. Но с каждым ударом сердца страх постепенно отступал, пока я не стал петлять между редких деревьев, уклоняясь от возможных подарков в спину. Оторвался, наверное, локтей на шестьсот, когда из зарослей позади вынырнули тела ящеров. Чего-чего, а выносливости у каю хоть отбавляй. Каждый день в течении многих лет мы совершали длительные пробежки, а в последний день седмицы пробегали сорок вѐрст в спокойном темпе. Примерно такими мыслями приходилось себя успокаивать, стараясь не замечать

покрывшейся льдом спины. Отрыв оказался совсем не существенным — ящеры очень быстро сокращали расстояние. Узкоглазые тоже бегали хорошо, но угнаться за стремительными рептилиями не могли. Выругавшись, я ускорился, надеясь побыстрее достигнуть леса. В тот момент мне казалось, что настолько быстро я ещё никогда не бегал.

Тяжёлый воздух чащи навалился, перенося меня в другой мир. Ветер исчез, напоминая о себе лишь шепчущими листьями где-то далеко. Почему-то вспомнились уроки по выживанию, когда нас оставили лесу с одним ножом. В тот раз коряги, корни деревьев и сухие ветки под ногами сильно мешались, и из-за них приходилось замедляться, впрочем, как и сейчас. Сестрёнка, напротив, хватала за одежду и требовала ускориться. Почему-то именно сейчас, оказавшись под хмурыми ветвями, почувствовал себя барахтавшейся в паутине мухой. Паника нарастала. Приходилось жертвовать вниманием, чтобы подавлять эмоции.

Но пропустить холодные иглы, впивающиеся в кожу, было невозможно. В ушах зашумела кровь, превращая даже слабые звуки в грохот тамбурина. очередное появление души стало, как всегда, неожиданностью. Стоя на коленях, она тянула ко мне руки, умоляя о пощаде, а её матово чёрные очертания искажались жгутами тьмы. Молодой дворянин с юга, которого пришлось очистить, подловив на охоте, беззвучно открывал рот, умоляя его пощадить. В тот раз я его не послушал.

Стелящиеся по земле твари умели очень быстро и бесшумно передвигаться по лесам, что и стало для меня смертельно опасным подарком. Икроножную мышцу прожгла неистовая боль, заставив меня упасть на землю. Вскочив, тварь уже пыталась вцепиться в горло, но мне удалось отодвинуть предплечьем зубастую пасть и метким уколом вспороть ящеру горло. Боль, обида и ярость не позволили остановиться, и раз за разом стала входила в плоть обидчика. Вскоре ящер затих, исчезнув из этого мира так же, как и чёрная душа. Тварь оказалась пугающей. Гигантский ящер с рогатой мордой, крупными чешуйками по всему телу и длинными когтями, пробовать на остроту которые мне совсем не хотелось. Взглянув на её горло, удостоверился в том, что они действительно были ручными. Залитый кровью ошейник сидел плотно, а на затылке красовалась желтоватая пряжка с каким-то выпуклым узором.

Неудачно шевельнув ногой, задел корягой повреждённую мышцу и зашипел от боли. Нога пульсировала, но, вроде как, стоять я мог нормально. Нас учили, что при серьёзных ранениях организм входит в состояние, при котором болевые ощущения на некоторое время притупляются. Сейчас как раз то самое время, когда можно это проверить на практике. Изучать и обеззараживать рану времени не было.

На всякий случай достал из маленького мешочка настойку из шиповника и молотых стеблей арилы. Из-за своей остроты и сильной горечи, надолго остававшейся в горле, она носила название «огнёвки». Настоящее название «укрепляющего отвара» использовали редко, предпочитая сокращать до «отвара», «огнёвки», «огневика» или до довольно грубого «хрен». Приняв эту бурду, болевые ощущения отступали, а реакция усиливалась. Этот наркотик плохо влиял на организм и сердце в частности, но иного выбора не было.

Быстро проглотив, я проверил оружие и сорвался с места. Нога почти перестала беспокоить, но слушалась всё равно хуже здоровой. Густой лес не позволял разогнаться, подбрасывая под ноги коряги и царапая ветками лицо, однако остановиться я не мог, затылком чувствуя преследователей. Воздух с хрипом вырывался из горла, но пока лёгкие работали справно. Разогнанная реакция оправдала себя, когда из-за кустарника справа

неожиданно вынырнул ящер. В руке хрустнула скорлупа, и перцовка надолго отбила желание ящера к преследованию. Судя по истощенному шипению, слезоточивая смесь угодила прямо в морду. Ящер потерял ориентацию в пространстве, споткнулся и пропахал шипастой мордой землю. Если рептилия не успела защитить глаза ложным веком, то совсем скоро не сможет справиться с самой обычной крысой.

Пробежав ещё сотню локтей, вжался в дерево. Лязг оружия где-то далеко раздался настолько неожиданно, что голова сама собой дернулась в сторону звука. Перцовки кончились, но всё остальное снаряжение при мне. Определив место, откуда доносились очень приглушённые звуки сражения, я сорвался с места.

Отработанные рефлексы и обострённая реакция кинули тело к земле раньше, чем я понял, что произошло. Прошелестевший выше нож вонзился в дерево, жалобно зазвенев порванной струной. Перекатываясь, ухажу в тень за ближайшей сосной. В ход вступает сестрёнка, накрывая меня пологом тьмы. Сражения каю выглядят совершенно незрелищно — постоянно перемещаясь, каю ищут противника в сумрачных тенях. Главное — постоянное перемещение и смена позиции. Чаще всего находят друг друга одновременно и довольно быстро, затем следует обмен метательными кинжалами или перцовками, и, если силы позволяют, снова уход в тень. Но если один каю на мгновение раньше находит противника, тот почти обречён. Одна проблема — в светлое время суток укрыться тенями можно было лишь на жалкий миг. Тем не менее, иногда он оказывался решающим.

Противник нашёл меня слишком быстро и даже не дал сделать и нескольких шагов, вынырнув из тени валуна. Скорость его передвижения в сумраке поражала — вот истинная разница между Тенью и Стирателем. Но тут вступали в дело опыт и скорость реакции. Судя по его скорости и уверенным движениям, он далеко не в первый раз сталкивается лицом к лицу с каю, а значит готов к любой ситуации. Придётся идти на риск. Наиболее высокорезультативным считается бросок в грудь или торс — труднее увернуться. Противник тоже не стал изобретать колесо, но его бросок не достиг цели, так как я поднырнул заранее, сблизившись вплотную. Каю отскочил назад, и мой выпад тоже разрезал только воздух. Вот оно! Каю знал, что мне нужно время, чтобы размахнуться и метнуть нож, поэтому он был уверен, что успеет кинуть перцовку. Но едва он потянулся за ней, второй рукой я послал вдогонку нож, угодив тому прямо в запястье. В такой суматохе прицеливаться и вымерять расстояние не было никакой возможности, потому нож лишь сильно ударил рукоятью, а не лезвием. Тем не менее, на какое-то мгновение это замедлило противника, и я успел подобраться вплотную, начав кровавую резню.

Несмотря на повреждённую руку, этот узкоглазый нисколько не уступал мне в ближнем бою. Схватка велась на сверхблизком расстоянии, где каждый удар мог стать решающим, а клинки мелькали в танце разъярённых молний. Уход, смена позиции, острие с каждым выпадом проносится всё ближе к телу, но уступать не хочет никто. Удачный выпад и клинок противника падает из рук...

Ловко обезоружив противника, Мангуст с торжеством во взгляде кинулся в последнюю атаку. Каю ждал этого момента, ударив Мангуста по раненой ноге. От боли сепациец охнул и на какое-то мгновение замедлился, позволив смуглому каю ударом локтя вырубить его наповал. Мангуст упал подкошенной куклой, покотившись вниз по склону. Каю был уверен, что вырубил бледнолицего надолго, но добивать противников, особенно столь дерзких, необходимо сразу и без промедления. К тому же, для бледнолицего, он оказался слишком

быстрым и умелым. Было очевидно, что каю недавно принял какой-то наркотик, а это означало, что ускоренный организм мог быстрее очнуться. Однако можно было не волноваться — даже с помощью наркотика он будет приходить в сознание ещё очень долго. Хотя было неизвестно, удалось ли захватить его напарника, поэтому следовало взять языка.

Немного придя в себя, боец бросился вниз по склону, наплевав на скрытность. Сехахиец угодил в кустарник, и преследователь решил зайти с другой стороны, а не продираться сквозь ветки, рискуя получить нож под рёбра. После долгого преследования и тяжелой схватки с бледнолицым, нервы у каю были натянуты до предела. И когда где-то вдалеке раздалось громкое крещендо обвала, он отвлёкся.

Шелест листьев позади и время для каю замедляется. Он не успевает развернуться, и с пугающей чёткостью представляет, как кинжал вылетает из ножен врага. Каю был уверен, что противник не должен был прийти в сознание так быстро, ведь не прошло и десяти ударов сердца. Последнее, что он успел увидеть, это смотрящие сквозь него потухшие глаза. Мангуст был без сознания.

Сехахиец не заметил рухнувшего тела и продолжал смотреть перед собой. Кровь с ножа капала на носок ботинка, застывая некрасивыми кляксами. Едва слышный шелест произвёл эффект отпущенной пружины. Мангуст ринулся в сторону звука, реагируя на угрозу. Как только затаившийся узкоглазый каю понял, что обнаружен, его силуэт стал проступать сквозь полог тьмы. Уклонившись от первого броска, Мангуст стал петлять, заодно пустив в полёт и свой нож. С меткостью было совсем плохо и каю не пришлось даже уклоняться. Это оказался тот самый каю, раненый Мангустом в плечо не так давно. Было видно, что погоня его порядком измотала, а рана в плече сильно мешала. Не придерживаясь никакой тактики, Мангуст просто преследовал каю, уклоняясь от ножей и перцовок. Скорость узкоглазого оставляла желать лучшего, а раненая рука не позволяла свободно пользоваться снаряжением. Очередной нож Мангуста стукнулся рукояткой в берцовую кость, заставив каю припасть от боли на колени. Он попытался затаиться, приложив оставшиеся силы, и на какое-то мгновение исчез. В этот момент далекий лязгающий звук снова отвлёк Мангуста, и он, резко изменив направление, сорвался в другую сторону, где до этого слышал звуки схватки.

Оставшийся позади каю уже вылетел из его головы, в которой осталась только мысль о странном звуке. Рука, сжимавшая кинжал, уже налилась тяжестью и, похоже, хозяин был не в состоянии разжать пальцы. Через какое-то время пришлось остановиться. Хруст засохшего листочка показался раскатом грома в тишине. Даже не увидев противника, рядовой бросился на звук, словно выпущенная стрела. Сейчас Мангусту было плевать, зачем его сталь очищает чужую душу, кто его жертва и почему она ещё жива. Первый заблокированный незнакомцем удар не разочаровал, и он просто продолжил серию смертельных выпадов, целясь то в шею, то в сухожилия, то намереваясь просто отрезать кисть. Звон ударов стоял в ушах, разносясь по округе, но плотный строй деревьев не давал звуку расползтись по лесу. Эффект неожиданности и первый выпад дали свои результаты — рядовой давил, заставляя жертву отступать. Перекат незнакомца стал неожиданностью, и между соперниками образовалось расстояние в две-три сажени.

— Рядовой! Какого хрена ты творишь?!

Посмотрев в глаза напарника, она заметила нечто странное. Равнодушие на лице, словно застывшая маска и стеклянные прикрытые глаза, смотрящие мимо неё — вот, что выбивалось из нормального поведения человека.

— Рядовой!..

Услышав знакомые звуки, рядовой медленно поднял взгляд, но не произнёс ни слова. Наконец, алгунир поняла, что её беспокоило больше всего — у рядового отсутствовала тень. Несмотря на то, что они находились на освещённой солнцем прогалине, тень Гончей повторяла движения хозяйки, но тени Мангуста не было. Вместо неё от рядового веяло жутким холодом, а в ушах шипели змеи, нащёптывая что-то непонятное. Всплыли строки одной очень старой книги, в которой упоминалось похожее состояние каю, но из-за сложного языка смысл той главы она позабыла. Думая, что это игра теней от деревьев, Гончая не сразу заметила чёрные жгуты, возникавших на какие-то мгновения вокруг силуэта Мангуста.

— Что за...

Не подумав о последствиях, девушка допустила непростительную ошибку, сделав шаг навстречу подчинённому. Водопад ударов снова окатил Гончую, защищавшуюся уже из последний сил.

— Да стой же ты!

Сбивать себе дыхание нельзя, но у неё не было иного выхода. Выиграть в бою один на один со Стирателем просто невозможно, а думать об убийстве напарника не приходилось. Удары сыпались отовсюду, мелькая размытыми тенями. Пальцы начинали неметь, а рука не успевала за скоростью рядового. Слева, справа, сверху, слева, слева, слева, снизу, серия в шею. Сражение продолжалась совсем недолго, но за такой короткий промежуток времени алгунир обзавелась несколькими неглубокими ранами на руках и порезанной одеждой в районе ключицы и шеи. Девушка закусил губу — под одеждой защипали новые раны. Рядовой же не получил ни единого ранения и продолжал уверенно давить.

Я проиграю, если бой будет проходить по его правилам! Надо ломать ритм! — подумала Гончая и неожиданно сократила дистанцию, чудом увернувшись от острия. Не растерявшись, рядовой отпрыгнул, оставляя кинжал соперницы гадать о вкусе его крови. Но раненая нога не выдержала и колено подвернулось. Реакция алгунир оказалась молниеносной. Пнув по руке с кинжалом, Гончая безрассудно вошла в ближний бой с рукопашником. Оставшись без оружия и пытаясь найти равновесие, Мангуст на мгновение раскрылся, чем и воспользовалась Гончая, мстительно ударив коленом в живот. Согнувшееся тело стало прекрасной мишенью для рукоятки кинжала, стукнувшей по затылку рядового. Мягкий травяной ковёр принял лишённого стержня рядового в свои объятия, как тут же наступила тишина, нарушаемая прерывистым дыханием алгунир.

— Ну... ты... и придурок!..

Не сдержавшись, Гончая увесисто пнула в живот рядового, но тот не издал ни звука и даже не пошевелился.

Голова гудела, заполняя болью весь мир. Похоже, меня забыли где-то на дне ледяного озера. Сковывавший холод мешал пошевелиться, погружая всё ниже и ниже на илистое дно. Некоторое время казалось, что от десятков голосов избавиться не удастся и они сведут с ума. Но их заглушил другой, более громкий и настойчивый. Течение подхватило и подняло на поверхность. Следом загорели щёки, растапливая лёд и заставляя открыть глаза.

— Эй, ты как?

— Где я?

Из-за яркого света сфокусироваться было сложно, но кое-что понять было не сложно. Лежал я на боку, руки оказались связаны, а щёки горели, словно по ним били всю ночь.

Гончая помогла подняться, прислонив спиной к дереву, но развязывать не спешила.

— Рассказывай, как всё было.

К приказному тону я уже давно привык, и рассказ получился коротким.

— ...а потом этот гад по ноге пнул и вырубил с локтя. Всё, больше ничего не помню.

Гончая долго всматривалась в моё лицо, о чём-то напряжённо размышляя. Я покосился на ногу, с удивлением заметив, что она оказалась перевязана.

— Спасибо... Чего ты меня связала-то? А где эти? За тобой ведь тоже погнались?

Она ещё некоторое время испытующе изучала мои глаза, но потом всё же ответила:

— Погнались, — проигнорировала она мой первый вопрос. — Но их цель не мы. А тот человек, который у скалы исчез. Он потом в высокой траве прятался, а за ним эти узкоглазые бросились. Потом, наверное, снова исчез, а там и за мной погнались. Возможно, они подумали, что мы тоже по его душу. Догнал почему-то уже один, пришлось вступить в драку. Сильные, очень сильные оказались эти узкоглазые.

— Ты его убила?

— Нет, в разгар боя он вдруг отступил. А потом... А потом тебя нашла.

— Выходит, ты меня спасла?

— Нет, — после долгого молчания, наконец, сказала Гончая. — Случайно наткнулась.

— Понятно. Всё равно спасибо. Так чего связала-то? Кстати, ты не знаешь, кто они?

Некоторое время Гончая смотрела мне в глаза, но потом что-то про себя решив, разрешила путы.

— Спротивлялся ты, руками махал, надо ведь было тебя хоть как-то нести? А вот кто они, понятия не имею. Первый раз встречаю людей с такими узкими глазами. Знаешь, продолжись бой, не сомневаюсь в своем поражении...

Ненадолго наступила мрачная тишина. Мы оба проматывали в голове свои битвы с каю и вывод был неутешительный — нас раскатали, как малых детей. И спасло простое везение.

Эффект укрепляющего отвара закончился, и подступил отходняк, дав мне возможность в полной мере насладиться болью в ноге и мелкой дрожи по всему телу.

— Отродья бездны... Что это за твари такие. Кое-как отбилась...

— Да уж, твари ещё те.... Я обработала, нагноения быть не должно. Но за ранением надо наблюдать, эти ящеры могли быть ядовиты. Да и зубы чистить они не умеют.

— Бездна... — морщась от боли в висках, я решил закинуть удочку: — Тогда, у скалы, я думал, что мне показалось, как он исчез.

— Поначалу мне тоже. Кажется, мы нечаянно впутались в чью-то игру. Следует при первой возможности отправить весточку с подробным описание случившегося.

На наживку она не повелась, так и не раскрыв детали задания. За разговорами успели собраться и подойти к тапану Гончей.

— Всё-таки. Я не верю, что всё это произошло случайно...

— Если ты считаешь, — перебила алгунир, словно прочитав мои мысли. — Что я что-то знаю, то будь уверен, я бы любыми способами избежала такой развязки событий.

— Значит...

— Я ничего не знаю ни об этих каю, ни об их ящерах, ни о человеке, которого они преследуют, ни, тем более, о тех взрывах, которые нас чуть не похоронили.

При этих словах она как-то странно погладила ягдташ, наличие которого проверяла не так давно. Я молчал, пытаюсь осмыслить последние события. Неизвестные каю, чем-то похожие на кашгарийцев, преследуют человека. Судя по грязи и разводам крови на его

одежде, бегают от них он уже давно. Да столь успешно, что опытнейшие каю даже с помощью ящеров не могут догнать. А что это тогда за бездна творилась в ночном небе? Скалы ведь сами собой не взрываются...

В течении дня погода портилась. То сильный ветер с ног сбивал, то ливень на головы обрушивался. Тем не менее, к вечеру мы добрались до постоянного двора, и вскоре сушились внутри тёплого помещения, слушая оживлённые разговоры местных.

— ...А я тебе говорю, что это землетрясение! Они частенько близ гор случаются!

— Ой, да брешишь! Я те в десятый раз толкую, шо не землетрясение это! Ты полымя в небе видал? То-то!

— ...А потом шандарах! Ты-ды-дыщ! И тишина! И мертвые с косами стоять!..

— Мужики, да я вам точно говорю, что целую седмицу таки дела творятся!..

— Врёшь, собака! Я тут уже четвёртые сутки, не было такого! Вчера всё началось! Брешишь!

— ...Это всё боги! Это они войну затеяли, а покамест так, разминаются!..

— Беду накликаешь! А ну хавальник закрой, бестолочь!

— Да-да! Канай отсюда!

— А может, тебе ещё рожу вареньем намазать?!

— Это ту странную чертовщину обсуждают? — спросила Гончая, когда служанка расставляла перед нами ужин.

— Как небо начало огненные молнии пускать, а потом ещё и землетрясения, так тут всю округу на уши подняло, — Женщина, которой вот-вот стукнет пятый десяток, поёжилась. — А ведь дело-то было ночью! Ой, страху натерпелись!

— У вас это уже бывало? Говорят, места близ отрога плохие.

— Это близ Туманных Гор плохие. Там и погань всякая, говорят, летает даже, людей хватают и уносят. Да иные чудища с Гиблых приходят. А отрог вовек спокойным был, сколько себя помню. Правда вот... припоминаю, как дед байки сказывал, что и при нём всяко случалось. Но то на закате, в море, да на восходе, близ Туманных. Но те истории я запомнила, давненько то было. Всерьёз и не воспринимала их никогда, а вот как надясь началось, — женщина вздохнула. — Так и деда вспомнила...

Тут вклинился уже я:

— А в этих краях никогда не встречали узкоглазых людей со смуглой кожей?

— У нас иногда бывают кашгарийцы с Остробережья, — пожалала она плечами. — кожа у них тёмная, лютая, но про людей с узкими глазами впервые слышу...

Иногда поглядывая на алгунир, мне оставалось завидовать её искусству перевоплощаться. Выражение её лица, причёска, взгляд, поза и даже движения изменились. У меня это получалось совсем не так искусно, поэтому, примеряя очередную маску, я чувствовал что-то неправильное. Очень сложно отказаться от привычек, поведения и убеждений в пользу других, порой неприятных или неодобряемых твоим внутренним миром. Даже на короткое время.

Мои размышления были прерваны громкой руганью выпивох, которые уже начинали толкаться, отстаивая свою точку зрения. Из-за насквозь пропитанного хмелем воздуха казалось, что я уже и сам опьянел, и пора бы заняться делами. После трапезы попробовал было разжиться частью составляющих для перцовок, но здесь их в достаточном количестве, к сожалению, не нашлось. Как сказали хозяйева, для себя-то не хватает, а уж на продажу и

вовсе не найти.

Ночь наступила неожиданно. Показавшись на небе, луну облепили яркие звёзды, внимательно наблюдая за остывающей землёй. Притихли даже самые громкие из спорщиков, с опаской вслушиваясь в ночную прохладу, которую разносил непокорный ветер. Никто не хотел привлекать к себе внимание зловещих сил природы.

Ночь прошла спокойно, а утро никаких вестей не принесло. Следующие четверо суток мы скакали почти без остановок. Таппан алгунир после битвы с каю оказался ранен не так сильно, поэтому мог мчаться без лишних остановок. Новый скакун обошёлся мне недёшево, но с заживающей ногой он оказался как никогда кстати. Рана затягивалась очень медленно, а с каждым днём повышалась чувствительность. Вместе с ней приходила и боль.

Но о своих проблемах я предпочёл не говорить, обрабатывая рану на привалах. Приближалась осень, принося с собой холодные ветра и стылые ночи. Привыкшая к более тёплой погоде Умака, Гончая делала вид, что холод Яксарда ей нипочём, но стучащие по ночам зубы девчонки не услышать было сложно. Солнце в тени уже не согревало, как две луны назад, лаская своим теплом лишь в ясные дни.

— Привал, — скомандовала Гончая.

Выйдя по тропе к широкой равнине, мы выбрали место у дерева, в тени которого и остановились. В последние дни боль в ноге затаилась, как и звуки вокруг. Не стрекотали кузнечики, не пели птицы, не стучал дятел, и не разговаривали деревья. Затишья мне всегда не нравились.

— Кажется, бывал я здесь... Нас сюда часто привозили тренироваться в походных условиях. На восходе от Гиблых отделяет узкая полоса леса и болот, на юге речка, а за ней лесной тракт. На западе сплошной лес, а за ним море. Нас обычно тренировали именно там.

— Угощайся, — коротко бросила Гончая, внимательно выслушав рассказ.

Надо отметить, что наши отношения из разряда «взаимная неприязнь» перешли в разряд «приглядываем друг за другом». Как говорится, худой мир лучше доброй войны, и на том спасибо. Вскоре Гончая попросила показать наше точное местоположение. Согнувшись над картой, мы некоторое время беседовали, обсуждая путь.

Что именно произошло потом, вспомнить трудно. В какой-то момент справа прогрохотало, и меня швырнуло тряпичной куклой, вырубив на какое-то время. Из небытия вырвало столь же стремительно, заставив закашляться из-за окружающего дыма. Правая сторона тела слушалась плохо, щека потеряла чувствительность, а в правом ухе поселился тонкий звон. Где-то далеко слышались взрывы и грохот, но звук получался такой, словно в уши ваты затолкали. Меня зашвырнуло в кусты с такой силой, что по пути я сшиб маленькую берёзку, из-за которой подозрительно ныли рёбра. Мир зашатался, когда я попытался подняться на ноги. В глазах потемнело, мелькая солнечными зайчиками и осыпаясь искрами, словно от разбившегося зеркала. Хватаясь то за одно дерево, то за другое, я пробрался через кусты.

Равнину с запада на восток выкорчевали огромной лопатой, оставив неглубокие опалённые огнём воронки на расстоянии в сто локтей. Воронки густо дымились, но было очевидно, что где-то недалеко горел лес. Глаза уже давно разъедал дым, который забирался в нос и вызывал кашель.

Сперва показалось, что во время кашля хрустнули рёбра, но это оказались ломавшиеся деревья. Из леса молнией вышвырнуло чьё-то тело, прокатившееся по равнине и замершее

близ одного из дымящихся кратеров. Не имея возможности увидеть человека, я перевёл взгляд на опушку с выкорчеванными деревьями. Однако лес замер, не собираясь открывать свои тайны. Что-то заставило взглянуть на упавшее тело, как оно неожиданно взмыло в воздух. Через мгновение в то место ударила молния, оглушив мощнейшим раскатом грома. Две парящие в небе человеческие фигуры схлестнулись в битве меча и колдовства. Один в серых штанах и непримечательной порванной рубаше со знанием дела орудовал саблями. А второй, в тёмных лёгких одеждах пасовал руками, пытался держаться на расстоянии, и иногда из его глотки вырывалось что-то нечленораздельное, насылая на противника град ударов разной природы. Если вдруг до противника долетала одна из этих мощных энергий, то рассыпалась на мелкие осколки либо от меча, либо от неведомой защиты мечника. С такой же показной лёгкостью и колдун справлялся с атаками противника, если тому улыбалась удача подобраться к нему вплотную. Он либо мгновенно отлетал, либо исчезал и появлялся в другом месте, нанося кровожадный вихрь страшных масс. Меч же высекал лишь снопы искр, не нанося видимых повреждений. С каждым блокированием их атак громopodobный звук раскатывался по равнине, вызывая небольшие землетрясения. Очередной удар, раскатившийся по округе, придавил к земле. Сгустились тучи, резко потемнело, а резня продолжилась с той же страшной яростью.

Оглядевшись, я наткнулся взглядом на человека. От потрясений и ярких вспышек, сейчас перед глазами мелькали разноцветные блики, и я никак не мог сосредоточиться, чтобы разглядеть незнакомца. Он пытался отвязать от дерева таппана и лихорадочно оглядывался по сторонам. Похоже, это был тот самый мужчина, исчезавший прямо у нас на глазах. Пошатываясь, я вылез из кустов, и направился было к нему, но не успел. Что-то металлическое стукнуло его по голове, и тот мешком упал под копыта таппанов. До него оставалось совсем немного, как вдруг моей шеи коснулось лезвие, и кто-то прошептал:

— Отойди на пять шагов.

Спорить с тем, кто держит твою жизнь в своих руках, было глупо. Медленно исполнив приказ, на последнем шаге я скривился от боли в ноге и, чтобы сдержать равновесие, повернулся к нему лицом. Война в небе не прекращалась, и я опасался, как бы и нас ненароком не порешили. Одетый во всё серое высокий широкоплечий мужчина стоял напротив, сжимая в руке готовый к броске кинжал. Его лицо и волосы были прикрыты материей, оставлявшей лишь глазную щель. Серые равнодушные глаза сепакхийца.

Отвлекаться от войны богов не стоит, это я уяснил на всю жизнь. И даже не потому, что можно пропустить что-то интересное и захватывающее. Можно нечаянно пропустить свою смерть. Забыв поглядывать за схваткой, я не заметил, как один из богов дал слабину и оказался в десятке локтей от нас. Громыкнуло, и меня вновь отбросило, сильно приложив о дерево. Кажется, что-то хрустнуло. Воздух вырвался из лёгких, звуки исчезли, и я кулём рухнул на землю.

Тело трясло, словно меня посадили в тележку и толкнули с кручи. Кто-то кричал, но мужские и женские голоса перемешались, превратившись в один нескончаемый гул. Он шумел в ушах, бушуя разъярёнными волнами, и мешая соображать. Наконец, стало тихо, и можно было вздремнуть. Было трудно дышать, и я с тревогой подумал о сломанном носе, но ошибся. Просто он ткнулся в землю, и вместо воздуха в него забралась грязь вперемешку с пылью.

— Вставай!

Радость от возвращения слуха довольно быстро сменилась болью от удара по многотрадальным рёбрам. Перевернувшись на спину, я судорожно стал хватать воздух. Ещё несколько ударов обрушилось в живот, а потом перешли на лицо. Руки были связаны за спиной, и единственным плюсом было то, что первым же ударом из носа вышибло грязь, подарив мне возможность дышать. Согнувшись, попытался прикрыть лицо и внутренние органы коленями.

— Успокойся, Бритва.

Похоже, эти слова относились не к моему обидчику, так как удары не прекратились. Послышалась возня и удары стихли, позволив мне с кряхтением растянуться на траве. Под глазом наливался синяк, скулы онемели, а из рассечённой брови обильно текла кровь. Во рту перекатывался металлический привкус, но, к счастью, зубы остались на месте. Между тем меня бесцеремонно подняли и усадили к дереву. Людей оказалось четверо. Все, как один, в тёмных одеждах и повязками на лицах. Один из них внимательно меня осматривает, двое озираются по сторонам. Последний, с позывным Бритва, упал на колени близ ещё одного тёмного пятна. Прищурившись, я узнал каю, с которым разговаривал не так давно. Хриплое горячее дыхание на шее и ледяная сталь кортика у сонной артерии засели в памяти слишком отчётливо. Горло его оказалось вспорото, а из груди инородным телом торчала рукоятка моего кинжала. В голове разом заметались мысли одна хуже другой, и все вели к печальному для меня исходу. Тряхнув головой, я испуганно зыркнул в небо.

— Они ушли, — заметив мой взгляд, ответил каю.

— Почему?..

«Ты спрашиваешь совсем не то, что следует...» — послышался змеиный шёпот собственной тени.

— Кто знает, — мужчина пожал плечами. — Смертным умысла всевышних не понять. Но мы отвлеклись.

Он одной фразой подвёл меня к краю пропасти. «Ну неужели ты думал, что о твоём оружии в груди каю позабудут, если ты переведёшь тему на Богов? Наивный глупец!» — шипящий голос тени начинал раздражать.

— Это, — каю небрежно кивнул подбородком в сторону трупа. — Родной брат Бритвы. Его звали Веррадер.

Всё было понятно без лишних вопросов. В преступника принялись бросать камни, но прыгать в лощину бездны он пока не собирался.

— Что за чушь? Зачем мне его убивать!?

«Правильно, не кричи, силы тебе ещё понадобятся... в пыточных катакомбах Гильдии!.. Замолчи!» — ругань с самим собой, порой, сводила с ума. «Ты ведь помнишь, что каю отрезают плоть предателя тоненькими лоскутками? А слышал про мух Остробережья, которые откладывают яйца в ранках? Личинки растут в теле жертвы, с дикой болью пожирая изнутри...». Пришлось трясти головой, избавляясь от голоса сестрёнки.

— Не убивал? — голос каю вернул меня обратно на землю. — Если честно, мне неинтересна причина. Меня интересует как ты это сделал, не получив ни царапины. Веррадер владел пайяат лучше любого из нас. Убей ты его сзади это одно, но в грудь, в честном бою, да так быстро... Это совсем другое.

Услышав наш разговор, Бритва направился в мою сторону. Двое других безликих преградили ему путь, но самый главный даже не обратил на это внимания.

— Здесь был ещё человек! Он...

— Не смейся, он не знает с какой стороны нож-то держать. Лучше расскажи, как всё было.

Я ждал этого вопроса и заранее подготовился выпалить ответ. Смело отшагнув от пропасти на твёрдую землю, осуждённый стал оправдываться перед судьями.

— Он отвязывал таппана, хотел смыться, ему что-то прилетело в голову, и он потерял сознание. В этот момент к моему горлу кто-то приставил клинок и сказал, чтобы я отошёл. Затем вспышка, грохот и всё.

— Всё? — поднял бровь каю, выразительно глянув на Гончую, — А у нас другие сведения.

Жадная до крови толпа нависла надо мной, ожидая вердикта судьи. Камни разъярённого сброда бессильно упали на землю. Вместо вердикта судья точным ударом ноги в грудь отправил меня в полёт, где, раскрыв объятия, ждала Инзелла. Владычица Нижнего Мира улыбалась, притягивая жертву своей чарующей юностью. Богиня изображалась невероятно красивой девушкой, встречавшей умерших на тех берегах. Ночью же она вставала на четвереньки, отращивая себе когти и огромный клюв с рядами зубов. Сначала она откусывала голову, утоляя жажду выпитой кровью, а после пролезала в тело, пожирая внутренности.

Мои зубы помимо воли заскрежетали, что не укрылось от внимательного каю, воспринявшего это как признание в своём преступлении. Неожиданно пришло спокойствие, окатив тёплой волной умиротворения. Наверное, это какая-то ошибка? Точно! Кто-то ошибся! Ответов больше не было. Остались только жалкие оправдания. «Это не я», — хотел было начать оправдываться, но меня уже никто не слушал. Богиня Нижнего Мира приняла нас в своё царство.

— Что там с прыгуном, где он? — поинтересовался главный каю.

— Уже проверяли. Он исчез.

Безмянный каю достал какой-то предмет, который снизу разглядеть не удавалось. Некоторое время покрутив его и поочередно поворачиваясь во все стороны света, он изрёк:

— След исчез, словно и не было.

— Помехи?

— Отсутствуют.

Каю тяжело вздохнул, словно упускать из рук загадочного «прыгуна» было не впервой.

— Проверь ещё раз. И ты тоже, Грим.

Спустя какое-то время оба отрицательно покачали головами.

— Разве это возможно? Он не успел накопить много сил, и не мог прыгнуть далеко. Обыскать.

— Гончая, — сказал главный, когда Тени исчезли. — Собирайся.

— Есть... — безжизненно ответила девушка.

Не притворяйся, словно тебе жаль меня! — хотел было выкрикнуть от злости я. «Не обольщайся, ей действительно плевать на тебя», — тень, как всегда, была остра на язык.

— Ты! — остановил я главного каю. — Кто вы? Вы из Радагана? Кто были те двое в небе? А темнокожий? Почему вы его преследуете?

Долгое время он сверлил меня взглядом, а потом развернулся и исчез за кустами ежевики. Мимо прошла Гончая, отвернувшись от неудачника. Так отворачиваются на улице, когда несколько измученных скукой лбов проверяют кошель неудачно свернувшего в переулок прохожего. Так зажиточный купец отворачивается от грязного попрошайки. Так

стая падальщиков боится приближаться к добыче грозного хищника, опасаясь превратиться в еду. Позывной Гончая тебе не подходит, алгунир. Ты — Падальщик.

— Прав был Ингул, когда остановил меня. Простая смерть станет для тебя лишь подарком.

Появившийся Бритва меня напугал, заодно обронив настоящее имя главного их группы. Это была серьёзная ошибка и полезное знание. Но только не для смертника.

— Ты ведь знаешь, что бывает за убийство каю?

Я сглотнул, представив копошащихся в моём теле личинок. Вот они с чавкающими звуками передвигают свои бледные туши в ране, пододвигаясь поближе к сочному мясу. Сладкая подкожно-жировая клетчатка была уже пожрана и наступала очередь самой питательной начинки. Эластичные и бескровные сухожилия и связки они оставляют на потом, вгрызаясь в мягкие вены, и купаясь в питательной крови. Несколько хитрых личинок залезли под кожу, проедая себе тоннель в мышцах, и сейчас они выделялись многочисленными бугорками под кожей. И личинки мух Остробережья — это только начало. Пир тварей начнется уже скоро. Но только не сейчас. Бритва медленно присел на корточки, глядя в мои глаза.

— А слышал когда-нибудь о каргалах?

Сказку об истинных каю слышали все. Поговаривают, они обладают мистическими способностями. Могут протиснуться в отверстие четыре пальца шириной, ходить по стенам, уничтожить противника одним прикосновением, заставить жертву выполнять их приказы лишь взглядом, и тому подобное.

— Зря смеёшься, — улыбнулся Бритва, что-то разглядев на моём лице. — Наверняка ты слышал об учениках, которые вдруг посреди учебного года исчезали, и никто их больше не видел. Возможно, вам даже рассказывали правдоподобные истории о переводе в другой корпус или даже город, либо внезапном переезде родителей ученика в Радаган и всё в таком духе. Отчасти это правда, всех их переводят в столицу. Отобранные по критериям, которые тебе ничего не скажут, ученики попадают в сверхсекретную государственную организацию и продолжают обучение уже там.

Верить не хотелось, но я всё же спросил:

— Зачем ты всё это мне рассказываешь? Это тайные знания, за которые по головке не погладят.

— Ты в самом деле настолько глуп, или все каю недалеко умом? Наказание за убийство каю по сравнению с умерщвлением каргала — детский лепет.

Я хотел выпалить что-то гневное и глупое, но вовремя появились двое разведчиков.

— Следы обрываются. Он прыгнул в неизвестном направлении, не оставив пространственных помех. Мы не можем обнаружить его местонахождение. А значит, он более, чем в сотне вёрст от нас.

— Как такое возможно?

— Не могу знать. Смею предположить, что он оставлял про запас некое количество энергии для большого прыжка.

— Ясно. Связать рядового и за мной.

Каргалы своё дело знали, связав мои локти, щиколотки и колени за считанные мгновения, вертя в руках, словно паук муху в липкой паутине. Не успел я сделать и два десятка вдохов, как меня, словно мешок, замотали в неизвестный мне узел и запрокинули на плечо. Кости чужака сдавили брюшную аорту, продавили диафрагму, и стало трудно дышать.

Кровь прилила к голове, в глазах появились разноцветные круги, а лицо налилось румянцем и защипало в ушах.

— Снаряжение забрать, труп сжечь.

Холодный приказ был отдан никем иным, как Бритвой. И это родные братья? Впрочем, властный голос едва заметно дрогнул. Но выжившему из ума каю это наверняка показалось. Один из каргалов принялся собирать снаряжение Веррадера, а меня понесли по лесу за Бритвой. Пару раз в поле зрения появлялась Гончая, от чего злость во мне закипала с новой силой. Однако я так же быстро сдавался, когда каргал немного подпрыгивал, и его плечо с новой силой врезалось в живот, вышибая из меня очередное кряхтение. Инзелла, небрежно поймавшая за ногу падающего в пропасть каю, не торопилась пожираться сразу. Владычица Нижнего Мира решила немного позабавиться перед захватывающей казнью.

Спустя бесконечное число оврагов и ухабов мы вышли на другую поляну. Кинув меня в седло одним ловким движением, безликий проверил путы.

— Эй! Ингул!

Назвать каргала его настоящим именем значило сильно оскорбить. Тем более, при всех. Однако, его это почему-то не сильно беспокоило.

— Чего тебе?

Судя по его спокойной реакции, до меня только сейчас начало доходить, что это лишь его взрослое имя. Оставалось гадать, почему такая простая мысль не пришла в голову раньше.

— Куда ты меня везёшь? — когда никто не ответил, я решил позвать погромче: — Эй! Ингул! Эй!!

Мой крик разносился по поляне, нервируя конвой. Похоже, Ингул или Бритва отдали приказ безликим, и в рот засунули какую-то мерзко пахнущую тряпку. Ещё какое-то время я извивался, дёргался и пытался выплюнуть её, пока не заболела голова.

Сколько длилась такая поездка, не знал, но когда меня спустили на землю, я тут же упал на спину. Вскоре меня подняли и стали привязывать к дереву. На лес давно опустилась ночь, глаза привыкли к темноте, а стареющая луна помогала немного осмотреться. Мелькали тени, и понять, кому они принадлежат, было трудно. Я решил напомнить о себе, промычав, а через какое-то время появился Ингул.

— Ну?

— Кто это был? — ляпнул я первое, что пришло в голову, в очередной раз заметив, что спросил совсем не то, что следовало, но сепасхиец понял, о ком шла речь.

— Те, кто, как и мы, ищет прыгуна.

— Они Боги?

Некоторое время Ингул молчал. А его тёмная фигура напротив меня на миг показалась зловещей.

— В каком-то смысле. Мы не знаем, кто они.

— Кто такой прыгун и зачем он вам так нужен?

— Слишком много вопросов для смертника.

— Слишком мало ответов для судьбы, — моментально рубанул я, едва дослушав ответ.

Но Ингул не поддавался на провокацию, и растворился в тени, занявшись своими делами. От каргала и расспросов мысли заметались, лихорадочно выдумывая разные оправдания. Должно быть, это ошибка, и вскоре все поймут, что никто ни в чём не виноват. Правильно тогда Ингул обратил внимание на то, что каю смог уничтожить каргала так быстро. Мысли

плавно скользили, но неизменно возвращались к летающим существам. Боги мне не привиделись, так как Ингул чётко дал понять, что их видели все, и, как я понял из разговора, он с ними уже не раз сталкивался. Никакого удивления их сила и способности у четвёрки каргалов не вызывали. Значит, это не очередные видения, уже хорошо. Последнее время они стали сильно докучать.

Верёвки мешали, и я попытался ослабить узел, но они, словно змея, ещё сильнее вгрызались в плоть. Родненькая тень носилась вокруг, пытаюсь чем-нибудь помочь. Утомонись! Ты ничем не поможешь, глупая. Бессмысленные трепыхания муравья в паутине, как и ожидалось, оказались агонией. Верёвка была тонкой, но прочной, и просто так не поддавалась. Пришлось даже вывихнуть большой палец. Сухожилия, нервы и мышцы натянулись, а боль пронзила до плеча. Но ни один мускул не дрогнул на моём лице. Счастье приближающегося успеха прокатилось волной по телу, даруя весёлые мурашки. И было непростительно раздавлено неудачей. Каргалы были крайне опытны, предусмотрев и этот вариант. Ничего не вышло.

Выругавшись про себя, я в сердцах откинул голову, ударившись затылком о кору клёна. Сейчас я очень надеялся, что мысли встанут на место, прекратив лихорадочно метаться. Почему я, выполняющий любой приказ начальства, принявший присягу, должен столь бесславно умереть ни за что? Впрочем, разве я когда-то мечтал о славе? О какой славе может мечтать каю? Какая чушь... Рядовой пёс, что выполняет приказ, не обсуждая его, должен упасть брюхом кверху? Почему? «Все просто. Потому что ты пёс государя», — как всегда, сестрица нашла правильный ответ быстрее меня.

В надежде прогнать ненужные голоса, я принялся мотать головой из стороны в сторону, стараясь не замечать нарастающей головной боли. Голос тени растворился в подступающей темноте, уступая место тишине и спокойствию. Нужно было что-то делать... Что-то делать... Но придумать что-либо никак не удавалось, а любая мысль разбивалась на мелкие осколки, ударяясь о стену тишины. Она усиливалась, вскоре превратившись в непрекращающееся гудение. Очередной раз моргнув, я так сильно вжался спиной в ствол дерева, что показалось, словно он стал со мною одним целым. На сей раз, почувствовав мою беспомощность, в опасной близости возникли десятки душ. Их тёмные жгуты силы скользили по лицу, оставляя кровавые раны, в которых плескался ледяной огонь. Чёрные провалы глазниц давили своим укором, проникая в глубины души. Во мне разом возникли десятки чужих голосов, но разобрать смысл их речей было невозможно. Голоса смешались, образовав волну, которая накинулась на разум, обдав своим холодом. «Наверное, это был холод бездны, в которую отправил их я», — пронеслась мысль прежде, чем они ледяными пальцами схватили меня, пытаюсь куда-то утащить. К тому времени я с силой сжимал веки, стараясь избавиться от очередных видений. Но в этот раз они казались намного более реальными, нежели прежде. Голоса оглушали, кожу облизывал лёд, а их мертвенные пальцы оставляли во мне кровоточащие раны.

— Прости, я не хотела, чтобы всё обернулось так...

Голос алгунир прогнал все иллюзии, окатив меня ледяной водой. Звон внезапно сменился тишиной леса и потрескивающей лучиной. Где-то недалеко тихо вели беседу каргалы, не обращая на меня никакого внимания. Видения снова застали врасплох, но Гончая не заметила моего бешено колотящегося сердца и холодного пота на лице.

— Ингул сказал, что через двое суток мы прибудем в Радаган, где состоится суд...

О чём говорит эта глупая женщина? Он давным-давно состоялся. Судья вынес вердикт и

отправил меня в полёт с края пропасти напрямик в цепкие лапы Инзеллы. Оставалось только уповать на время. Надеюсь, двое суток растянутся до бесконечности.

Утро наступило неожиданно. Долгое время я старался не заснуть, опасаясь вновь встретиться с душами, но они затаились, наверняка подготавливая новую ловушку. Только недавно я пытался избавиться от пут, как меня уже расталкивали грубые руки. Конечности, перетянутые верёвками, за ночь налились холодом и отказывались подчиняться. Похоже, Ингул тоже это заметил, и один из безликих быстро освободил от пут. Судя по тому, что каргалы сняли повязки и были похожи на обычных путников, должно быть, мы подходили к населённому пункту.

Черноволосый, с высоким лбом и носом горбинкой, каргал, отыскался сразу. Его родинка на скуле под правым глазом выделялась, словно одинокая гроздовая тучка в ясном небе. Немало утончённости Ингулу добавляла чёрная борода, тонким ремешком протянувшаяся по краю нижней челюсти. Мы встретились взглядами на пару ударов сердца, и каргал продолжил собирать сумку на своём таппане. Два безликих каргала имели кучерявые волосы, но оба были повернуты ко мне спиной и рассмотреть их не удавалось.

Возникший между мной и Ингулом мужчина оказался без левой брови. Точнее от середины лба, пересекая бровь, тянулся до скулы грубый шрам. Тут я поймал себя на мысли, что попади Бритва в Гилим, отбою от падких на боевые шрамы барышень ему бы отделаться не удалось. Кинув на меня многообещающий взгляд, он направился к вороному жеребцу. Каргалы словно этого и ждали, подхватив меня под руки и усадив на таппана Ингула.

По дороге стали появляться редкие телеги с запряжёнными тягловыми таппанами, хотя многие упорно называли их лошадьми. Ещё чаще по обочине мы обгоняли пеших крестьян с мешками на плечах, поэтому вовремя скрыть мои путы оказалось весьма кстати.

Скакали до позднего вечера. Лишь когда небо по правую руку окрасилось в багрянец, Ингул объявил привал. Один безликий насобирав лучины, второй принёс растопки, а Бритва откупорил крышку доханы. Это очень удобная походная цилиндрическая коробочка для розжига, в которой постоянно тлел легковоспламеняющийся материал. Обычно в качестве такого материала использовалась кора старых плодов чо-гала, кизяк, или какая-нибудь ткань. Потянуло дымком, запахло мясом. Голова была на удивление пуста. Впрочем, удивляться не стоило, ведь я каждое мгновение ждал очередных видений. Но они затаились, и я решил попробовать расслабиться.

Несмотря на голодный день, кусок в горло не лез. Мысли постоянно возвращались к мёртвому каргалу, даже когда я пытался думать совершенно о другом. Пошевелившись, обнаружил горячие мягкие кусочки в ладонях. «Неужели я задремал?» — пронеслась удивлённая мысль и я просто кинул еду в рот. Ужинали каргалы молча. Гончая сидела чуть поодаль, и изредка её взгляд скользил по мне. Но мои мысли были где-то далеко. Я знал, что через сутки, на утро, окажусь в Радагане. Ловушка захлопнется. Поэтому каждая сажень сдавливала грудь железным обручем, заставляя чувствовать себя жалкой крысой, барахтающейся в тисках удава. Что-то кольнуло ладонь, зашуршали редкие опавшие листья. Но раздражителями оказались старая коряга и пробежавшая мимо мышь. Угасающее сознание отметило слабый аромат мяты, а шуршание листвы и тихий хруст пробегающих грызунов смешались в гул, который вдруг оборвался, подарив сон.

Очередной день встретил холодным воздухом и промозглым ветром. Нога снова

превратилась в раскалённый жгут боли, и шевелить ею не хотелось. Штаны немного сползли с похудевшего живота и пришлось подвязать кушаком повыше. Холод в ладони заставил замереть, забыв о том, что организму необходимо дышать. Покатав между подушечек пальцев крошечный кусочек чего-то острого, я медленно принял исходную позу, стреляя жадными глазами по сторонам. Но Ингул и остальные каргалы истолковали моё странное поведение по-своему. На голодном пайке каждому придётся подтягивать штаны, с удивлением отмечая болезненную худобу.

Во рту пересохло. Пот тут же впитался в одежду, отчего возникло жгучее желание поёрзать на таппане и почесаться везде. Но тело словно окаменело, застыв в одной позе с удивлённым, можно даже сказать, ошарашенным взглядом. Пришлось быстро взять себя в руки, покорно изобразив равнодушие. Катая в ладони острую кромку неизвестного материала, я с уверенностью мог сказать, что его остроты хватит для бечёвки каргалов. Но сколько мне понадобится времени, чтобы разрезать эту осточертевшую верёвку? Тут я снова замер, ошарашенный догадкой. Ночь. Только следующим утром мы зайдём за стены Радагана, а значит, для побега остаётся ещё целая ночь. Улыбка сама собой налезла на лицо, когда я вспомнил, что луна стареет и с каждым днём света становится всё меньше. По моему телу пробежались мурашки, а сердце бешено заколотилось, хоть и момент истины ещё не настал. До него ещё долго. Целый день придётся ждать, ловя себя на мысли, что в следующий миг безликие каргалы обнаружат в моих ладонях ключ к ларцу свободы. Ожидание... Как же я ненавижу это слово. И сейчас это слово вызывало жгучее желание устроить кровавую резню, которая закончится после первого же моего выпада.

Пальцы катали между собой кромку металла, изучив уже со всех сторон. Мне необходимо в ближайшее время перерезать пути. Освободившись, сломать нос Ингулу, забрать хотя бы один нож и убить безликого. Есть ещё надежда на алгунир, которая поможет своему подчинённому. Даже если не сориентируется, я чувствовал, что она не будет пытаться меня остановить. План был до неприличия прост, и... до невозможности безумен. Я чувствовал на себе блуждающие взгляды безликих, и разрезанные пути они заметят быстрее, чем мой затылок достигнет носа Ингула. Но вдруг мы, всё-таки, успеем? «Тогда твоё тело превратится в подушку для иголок чуть позже, неудачник. Неужели не понимаешь, что ты всего лишь жалкий рядовой каю, который в сравнении с каргалами не более, чем оса против защищённого хитином скорпиона? Оса жалит смертельно, но с бронёй скорпиона ей не совладать. Ты жалкое насекомое в чёрно-жёлтую полоску, Мангуст», — тень шептала правду, и не согласиться с ней было чертовски трудно.

День тянулся невероятно медленно, словно застоявшийся мёд с деревянной ложки. Чтобы не искушать себя, а тем паче, свои пальцы, я сжал руки в кулак, запретив себе шевелиться. Ладони уже давно вспотели, и хотелось подставить их под приятный тёплый ветерок, но как только мне хотелось раскрыть ладони, чувствовал на себе взгляды безликих.

— Двигаемся без остановок, — прервал мои мысли Ингул. — К вечеру должны поспеть.

Это был неожиданный удар. Каргалы не оставляли мне выбора. Не будет никакой ночи. Не будет никакого завтра. Времени не осталось. Сердце, стучавшее в грудную клетку, наверное, мог услышать любой. Оно шумело в ушах, заглушая остальные звуки. Стиснув зубы, я пошевелил пальцами. Острая кромка как влитая застыла между дрожащими указательным и большим пальцами и принялась терзать бечёвку. Таппаны галопом несли рядового к плахе, а в наступающем сумраке становилось труднее рассмотреть мои движения. Тем не менее, мне казалось, что громоподобный скрежет лезвия о верёвку заглушал

хлюпанье копыт, выворачивающих намокшую землю.

Всё случилось слишком быстро. Не знаю, что меня выдало — сосредоточенное лицо с не моргающими глазами, устремившимися вдаль, или стучащее сердце, но действовали каргалы подобно отлаженному тысячелетиями механизму. Когда шея оказалась в стальном захвате, доступ воздуха тотчас оказался перекрыт, лицо налилось кровью, а перед глазами засверкали звёзды. До этого мне казалось, что мои руки надёжно схвачены бечевой, но когда каргалы вывернули их ладонями вверх, пришлось в этом сильно засомневаться. Жгучая боль от прокрученных запястий появилась только через несколько ударов сердца, но я этого уже не помнил.

Радаган... Столица, о которой я грезил с тех пор, когда посетил её в первый раз. Мраморный город поразил двенадцатилетних карапузов, отправленных на месяц в столичную Гильдию. Ещё на подъезде все высовывали головы, сияясь рассмотреть белоснежный град с возвышающимися тут и там высокими башенками. При упоминании Радагана, перед глазами всплывала жизнерадостная девушка, раздававшая нам вкусные пирожки со щавелем на рынке. Кислое растение, от которого я строил рожицы и куксился при одном его упоминании, превращался в божественное лакомство. Может, подобным вкусом наделяли их изысканные руки хозяйки, но свежеиспечённые пирожки после одного только укуса расплывались во рту сочным нектаром, сладостно лаская нёбо.

Когда нас отправляли на практику, каждый ученик с замиранием сердца ожидал, что в столицу распределят именно его. Мне повезло и бывать в древнем городе мне приходилось часто. По преданиям, мраморный город основали ещё до Эпохи Второго Солнца, поэтому от самых старых улиц веяло чем-то древним и величественным. А количеством гранитных, базальтовых, и иных колонн Радаган мог соревноваться со всей Эритреей, кто бы что там ни говорил!

В уши ворвались звуки резни, выдернув из сна в один миг. Бряцало оружие, кто-то хрипел, нападал с криком, звал на помощь, но потом всё обрывалось. Вдруг звуки борьбы послышались совсем рядом. Открыв глаза, я не успел увернуться от случайного тычка локтём отведённой для укола руки. Удар пришёлся в скулу и выбил меня со спины жеребца на мостовую. Не обращая внимания на головокружение и нарастающую боль пониже спины, я вскочил. Луна совсем погасла, скрывшись за редкими облаками, а темнота протягивала руки к мельтешищим в схватке силуэтам. Не успел я даже сосчитать количество людей вокруг, как в редком свете звёзд блеснул клинок. Нож прошелестел в воздухе, разорвав мои путы, и послышался сдавленный хрип. Из правого глаза человека блеснул в свете луны стилет, который и разрезал верёвки. Но в том месте, откуда произошёл бросок, никого уже не было.

Вытащив из глаза чужака окровавленный кинжал, а также нож из-за пояса, я быстро обрезал путы. Нас перехватили в узком переулке, ширина которого достигала четыре шага. Каргалы выбрали довольно узкий переулок, если вспомнить про огромные площади мраморного города.

Скользнув взглядом по улочке, успел насчитать лишь двух таппанов, а количество нападавших явно меньше шести.

«Если станет ещё меньше, они примутся за тебя, Мангуст», — эта мысль пришла в голову уже во время бега по узким трющобам. Я не имел ни малейшего понятия, в каком направлении бежать, поэтому первое время просто путал следы. Ноги быстро устали, а

нарастающая боль в раненой голени принялась вгрызаться в плоть с каждым ударом сердца. Через некоторое время пришлось остановиться. Стена оказалась чарующе прохладной, а тишина нарушалась лишь моим хриплым дыханием. Восстановить его удалось быстро. Вытерев рукой лицо, я ощутил сильный запах мяты и принялся к оружию, которое всё ещё сжимал в стальной хватке. Сделал это просто для того, чтобы унять нервы, ведь именно из-за них мне чудился вдалеке топот ног. На этот раз звуки не были иллюзиями. Выругавшись, я сорвался с места, утонув в темноте и надеясь на сестрёнку, что скроет меня от преследователей. Надо бежать, бежать... А куда? А зачем? Это неважно! Сперва беги, потом думай!

Утомительная погоня вскоре вывела к постоялому двору. В окнах горел свет, слышались голоса и стук деревянных кружек с сикерой — излюбленным напитком всех женатых мужиков. Первый же попавшийся таппан оказался осёдлан. От него пахло потом и усталостью после долгой дороги. Помоги, друг, иначе скоро смертью и червями будет пахнуть от меня. Незнакомый запах напугал взбрыкнувшего жеребца, но показать свою силу было несложно. Уступившее копытное позволило забраться к себе на спину и помчалось после первого же приказа. От стучавших копыт по мостовой хотелось вжать голову в плечи и тихо ругаться. Такой грохот посреди уснувшего города был сродни набату в мирное время.

Едва я преодолел улицу, как где-то сзади послышался протяжный свист. «Каргалы уже взяли след, и кольцо сужается», — прошелестел сухой голос тени, но пришлось от него отмахнуться. Улица оказалась широкой. Тут же в памяти всплыл детский образ рыночной площади Радагана со снующими повсюду толпами людей. Не успев досмотреть видение, я пришпорил таппана, помчавшись к противоположному концу улицы. Головокружительные скачки, свист в ушах, прикрытые глаза — а я уже успел забыть, что такое управлять таппаном. Радость исчезла, когда к цокоту копыт моего жеребца присоединился ещё один всадник, вынырнувший из-за угла. Это оказалось настолько неожиданно, что я не стал медлить и выпустил из рук кинжал, впившийся точно в бок наездника. На тот момент мне было неважно, друг это, враг или обычный человек. Мне хотелось выжить. Схватившись за бок, он, всё-таки, нашёл в себе силы бросить клинок, просвистевший у моей шеи. «Если бы ты вовремя не пригнулся, то тебя бы уже пережёвывала Инзелла», — промурлыкала, наслаждаясь битвой, тень. Я знаю! Именно поэтому только что смог щёлкнуть её по носу! Воистину, разговоры с самим собой скоро сведут с ума. Где-то позади, из-за угла, вынырнули всадники, а я сильнее пришпорил жеребца.

Да чтоб вы с тещами жили!!! В ответ на мои ругательства, в спину подул тёплый ветер. Может, мне показалось, может я начинал бредить, но жеребец вдруг ускорился, стрелой вылетев за пределы города. Ветер появлялся в моей жизни всякий раз, когда случалось что-то важное. Я предпочитал думать, что он помогает мне сделать правильный выбор, однако чем измерять правильность мне было, пока что, неизвестно.

Давящие на плечи стены разошлись в стороны, выпуская жеребца. Каю, упавший в лапы Инзеллы, не просто сумел щёлкнуть богиню по носу. Невероятно извернувшись в её липких щупальцах, он лихо рубанул по пальцам, а после хорошенько так вмазал по многострадальному носу. Взвизгнув, богиня треснула в бессилии исполинским кулаком по земле. Смертный обманул Владычицу Нижнего Мира, и она ему этого никогда не простит.

Запах свободы опьянял. Улыбка лезла на лицо, но я сумел на время спрятать её, обернувшись на полном ходу. Сердце провалилось в пятки, когда вдалеке показались чёрные точки. Казалось, таппан взмок настолько, что само седло ходило ходуном, норovia в любой

момент скинуть седока. Ну уж нет! Я так просто не сдамся!!

Скачка длилась долго. Мне попался на зависть крепкий таппан. Уже середина ночи и совсем скоро забрезжит рассвет, а жеребец если и сдал, то ненамного. Чего нельзя сказать о моих нервах. Постоянно оглядываясь, я уже не боялся за хрустевшую шею, а лишь сильнее сжимал зубы — преследователи нагоняли. От двух-трёх вёрст, разделявших нас, едва ли осталась половина. Ровная дорога сменилась выбоинами, на которых таппан принялся спотыкаться. К сожалению, это оказались не кочки или выбоины в ровной дороге. Споткнувшись в очередной раз, уставший таппан кубарем покатился по земле. Мне кое-как удалось выпутать ноги из стремян и не сломать их при падении. Ушёл в пережат и, погасив энергию, бросился к таппану. Обливающееся потом животное дышало тяжело, с хрипом, и по моему телу пробежалась стая мурашек. Загнанное животное переломало ноги и билось в агонии. Не стоило тратить драгоценное время, подбегая к таппану, пожертвовавшему собой ради меня. Измученный жеребец не ждал от седока ничего. «Ничего, кроме последнего желания», — прошептала тень и я вынужден был с ней согласиться.

Вытерев окровавленный нож о траву, я бросился к виднеющейся вдалеке тёмной стене леса. Нога разболелась со страшной силой, и приходилось только рычать в бессилии. Не догоните, гады! А если и догоните, то загнанная крыса откусит вам пальцы, продавая свою жалкую жизнь подороже!..

В темноте улицы, доселе хранившей молчание, вспыхнуло пламя битвы. Замелькали тени, слышались вопли боли и крики отчаяния. Похоже, работники ножа и топора выбрали рыбку не по крючку.

— Бритва!..

Каргал не спешил отвечать, упоенный схваткой, и командиру пришлось повторить приказ громче.

— Бритва, долбать твой лысый череп!..

— Я!

— Крыса хомут скинула, бегом за ним!

— Есть!

Оставив Ингула разбираться с оставшейся швалью, Бритва, один из безликих, и Гончая, прыгнули в сёдла.

— За мной.

Короткий приказ и Бритва, поднеся странный предмет ко рту, засвистел. Бандитов, напавших на каргалов, довольно быстро повязали и начали допрос.

— Кто вы? Чей приказ?

— Это он! Он сказал, что здесь будет богатая и лёгкая добыча! Дал денег и сказал ждать.

— Кто?

Пытаясь выкупить свою жизнь, мужчина чуть ли не брызгал слюной. Он не знал, что никто не даст ему и толики подобного шанса.

— Он!.. Он..

Пытаясь вдохнуть, мужчина выпучил глаза, потянул за ворот Ингула и, последний раз крякнув, обмяк. Следом за ним попадали один за другим и остальные пленные. Повернув мужчину на живот, Ингул подозвал каргала с факелом. Осветив затылок, Ингул увидел крохотную затянувшуюся дырочку от иглы.

— Техника отложенной смерти, — сказал, как выплюнул, Ингул.

Приём выполнен идеально — игла вошла точно между первым и вторым шейными позвонками. Выругавшись, Ингул бегло осмотрел трупы и не нашёл более никаких следов, позволяющих обнаружить нанимателя.

— Твою же мать!.. — тихо выругался Ингул, вскакивая в седло.

У ворот в их маленькой компании преследователей прибавилось всадников, оставших на пару десятков локтей. Первыми скакали безликий и Бритва, каким-то чудом сумевшие рассмотреть одинокий силуэт Мангуста. По энергичным выкрикам Бритвы, алгунир поняла, что они нагоняют беглеца. Беглеца? А кто он был для неё? Случайный неудачник, который постоянно путался под ногами? Или довольно умелый рукопашник, сумевший с лёгкостью с ней совладать? Да, именно. Самый настоящий неудачник. Закусив губу, девушка если и выполняла приказ каргалов, то до сих пор не понимала, на чьей она стороне и зачем делает всё это. В этот момент она забыла, что является подчинённой и обязана выполнять любой приказ начальства, независимо от её собственных убеждений.

Мысли оборвались, словно натянутая струна лютни. Таппан беглеца не выдержал скачки и упал от истощения. Спустя несколько ударов сердца девушка смогла рассмотреть таппана и силуэт рядового, убегающего в сторону леса. Он не успеет, — подумала она. До опушки несколько вёрст, а уже спустя десяток вдохов они окружат беглеца и участь его очевидна.

Подстёгивая таппана, девушка вырвалась вперёд, догнав Бритву и оставив безликого позади. Негласный капитан их маленького отряда лишь покосился на неё, стегая жеребца по крупу. Всадники нагоняли, но загнанная крыса улепётывала, что было сил. Их разделяло четыре десятка сажений и в следующие мгновение охотники захлопнут ловушку. Её бывший подчинённый знал это, но всё ещё на что-то надеялся.

Бритва уже скалился, держа наготове кинжал. Алгунир зажмурилась. Но спустя несколько ударов сердца скачка всё продолжалась. Именно в этот момент небо сверкнуло яркой вспышкой, и ударил невероятной силы гром, оглушивший их на некоторое время. За ним последовали ещё несколько громовых ударов, но дождя так и не наблюдалось. Несмотря на то, что они выжимали из мышц таппанов всё, на что те были способны, расстояние никак не сокращалось. Наоборот, оно даже увеличивалось. Мангуст вдруг запнулся, но быстро обрёл равновесие и их таппаны начали сдавать. Беглец ускорился ещё сильнее и вскоре исчез из виду в сумраке. Изумление застыло на лицах Бритвы и Гончей, рыскающих глазами по густому киселю тьмы. Но Мангуста нигде не было видно. Они уже добрались до опушки сосняка, и дальше ходу коням не было. Спрыгнув с таппана, Бритва озадаченно озирался по сторонам, а потом повернулся в сторону Гончей:

— Это что сейчас было?!

Изумлённая девушка не смогла найти слов и лишь беззвучно открывала рот.

— Урод!.. Как ему это удалось?! Это колдовство!.. Гончая, Змей!

— Я! — синхронно выкрикнули подчинённые.

— Обыскать тут всё!

Позади слышалась догоняющая группа и Бритве не хотелось разводить перед Ингулом пустыми руками. Никто никогда не поверит в сказку о человеке, перегнавшем таппана. Углубившись в чащу, девушка вскоре наткнулась рукой на ткань, повисшую на сломанной ветке. Взяв её в руки, она тут же спрятала ткань в один из карманов. Именно ей она

перевязывала икроножную мышцу Мангуста. Гадать о причинах своего поступка она будет после.

— Нашла что-то? — Бритва появился неожиданно.

Вскрикнув, девушка отшатнулась, хватаясь за нож.

— Тьфу ты, и чему вас только учат? Нашла что, спрашиваю?

Алгунир закрутила головой:

— Н-нет!..

Выругавшись, Бритва исчез в зарослях, оставив замершую Гончую наедине со своими мыслями. Она чувствовала себя предательницей. Отдай она находку, собаки смогли бы куда быстрее по запаху найти беглеца. Не смертельно, ведь у каргалов была одежда и оружие Мангуста, но времени на поиски прибавится. Не понимая, зачем она сделала это, алгунир отстранённо ходила по опушке, не решаясь сказать Ингулу, который что-то обсуждал с Бритвой. Разговор уже перешёл на повышенные тона и вот-вот она услышит ругань командиров.

— ...иди в штаб!

Девушка не сразу сообразила, что обращались к ней.

— Гончая!

— А?

— На сеновале ахать будешь! Алгунир Гончая!

— Я!

— В штаб, бегом марш!

— Есть!

— Змей!.. Мать вашу, где вы все! Змей!!! — услышав ответное «Я!», Бритва закончил: — Едешь с Гончей.

Стоя в чаще, безликий крикнул «есть» и воровато оглянулся. В паре сажений слышались шуршания каргалов, отыскивающих следы беглеца. Проведя ногой по земле, Змей стёр последний след Мангуста, и, присыпав листьями, поспешил к своему таппану. Иглы с разведённым снотворным, которые он вколол таппанам перед погоней, продолжали осуждающе жечь его кожу через плотную ткань промокшей одежды. Накапывающий дождь говорил о приближающемся ливне. Осень для каргалов начиналась скверно.

Глава 3. Пещеры стенаний

Сознание возвращалось медленно, теряясь в бесконечных лабиринтах кошмаров. Где-то недалеко журчала вода. От этого сладкого слова пересохло во рту, а язык превратился в потрескавшийся такыр. Телом овладел холод, и даже мысль о движении причиняла боль. Свет, пробивавший сквозь сжатые веки, тряс за плечо, силясь разбудить. Но мне было слишком тяжело пошевелиться, а тело требовало отдыха. Следовало бы перевернуться на левый бок, — пронеслась мысль, и я, всё-таки, открыл глаза.

Одинокий ручеёк, прогрызший крохотное отверстие в поисках свободы в гранитной скале, обжигал холодом. Повернувшись на живот, я окунул лицо в ледяную воду. Зубы мгновенно свело, но я продолжал жадно глотать воду, пока лёгкие не загорели огнём. Перекатившись на спину, какое-то время хрипло дышал, глядя на окно ясного неба сквозь решётку переплетённых ветвей. Ручейки ледяной влаги стекали по отросшей щетине, теряясь в волосах и заглядывая в уши.

Воспоминания прошедшей ночи набросились неожиданно, заставив меня подскочить. Мышцы пронзило болью и пришлось припасть на колено, хватаясь за голень. Приподняв штанину, облегчённо вздохнул — воспаления и гноя пока не наблюдалось.

Поблизости никого не было слышно, а щебет птиц дарил надежду. Смыв старую кровь холодной водой, я принялся тщательно промывать рядом с укусами, обдумывая, кто же стоял за нападением на нас той ночью? Следовало пожать руку этому смельчаку. Каргалы наверняка быстро расправились с напавшими, но теплилась надежда, что и их ряды обагрили кровью.

Недалеко возвышался кряж, и осмотреться с большой высоты мне бы не помешало. Одинокий кузнечик вовсю отдувался за своих братьев, работая на износ перед затяжной зимой. Синицы, дрозды и воробьи занялись во все голоса, и из-за них казалось, что в следующий момент спина моя окажется нашпигована стрелами. Но мгновения ужаса плавно перетекали в затяжные арии соловья, который словно пытался о чём-то предупредить, резко переходя с нежных нот на мощные стрекотания.

Подъём дался нелегко. Приходилось следить за каждым шагом, выбирая наиболее безопасный путь по крутому склону. Вопреки ожиданиям, кряж не дал ровным счётом ничего. Высокий сосняк не позволял рассмотреть дальше тридцати локтей, а забраться на голый ствол дерева с раненой ногой оголодавшему и больному на голову... Нет, увольте.

На севере кручи покрывались сплошными лесами, на востоке места беспокойные, и поэтому хорошо охраняемые. Наверняка не без помощи каргалов. На юге же много городов и поселений, где можно залечь на дно и через пару лет в какой-нибудь глухой деревне появится молодой подмастерье с безукоризненным прошлым. А если повезёт, добраться до Каменки, а там и в пустыни Остробережья можно направиться, или в Эренор... В общем, направление перспективное. Какой вывод? Правильно, идём на восток! Считать каргалов дураками нельзя, поэтому наверняка они в первую очередь будут думать о юге как наиболее вероятной цели моего бегства. А мы пойдём туда, где нас не ждут. Раненый пёс наденет шкуру льва и заползёт в клетку, чтобы ночью перегрызть глотки врагам.

Раньше мне казалось, что нет ничего утомительнее, чем подниматься в гору. Как же я

ошибался. При спуске нога нагружалась ещё больше, и я не был уверен, что к вечеру смогу нормально передвигаться. Оставалось только недоумевать, как за ночь каргалы меня не нашли? Ливень, конечно, вовремя грянул, но рано или поздно они возьмут след.

Посередине низины, куда я спускался, излучинами текла река, бравшая начало с Южных Гор. Низина, спустя десятка три беру, упиралась в высокий отрог. Далеко вдаль можно было заметить Южные Горы, которые и позволили определиться с направлением. Радость длилась недолго. К концу дня желудок прилипал к позвоночнику, а еды найти в таком состоянии было крайне сложно. Но самым скверным было то, что время неумолимо сокращалось. Казалось, можно было почувствовать струну времени, готовую вот-вот лопнуть от натяжения. Приходилось прислушиваться к ощущениям, каждый миг ожидая нападения. Дыхание при ускоренном шаге начинало сбиваться, вызывая одышку. Головокружение уже давно стало привычным, но когда я начинал шататься из стороны в сторону, приходилось ненадолго останавливаться.

Обычно в этих краях ночь длилась долго. В вечерних сумерках жизнь менялась, набрасываясь комарьём и другими насекомыми. В это время терпеть холод было уже очень сложно, но вскоре наступала ночь, дополнительно обжигая кожу равнодушным светом ледяных звёзд. Они зажигались ярко и горели долго, а их нестерпимо хотелось потушить утренним солнцем, которое зальёт этот мир теплом нового дня.

Как ни странно, ночь кончилась быстро. Солнце прибавило сил, позволив идти весь день, а к вечеру совершенно неожиданно встретилась дорога. Выйдя из кустарника, сдирая с себя репей, из-за недосыпа не сразу заметил, что вышел на ровную поверхность. Ежели не репейник, маячивший передо мной, дороги бы и не заметил. Я не знал, куда она вела, но рано или поздно она должна была кончиться в населённом пункте. В тот момент мне не пришло в голову, что идти по дороге — наивысшая глупость, ведь патрули каю проверят дороги в первую же очередь.

Поздним вечером дошёл до города Селакгасе. Находясь в холмистой местности, древний острог Селакгасе существовал ещё в самые первые года Эпохи Второго Солнца. Кто-то утверждает, что он был построен для обороны от тварей Гиблых Земель, а кто-то, что город существовал ещё во времена Эпохи Первого Солнца. Но Большая Вода стёрла древний город оставив лишь базальтовый фундамент, на котором уже и строили сепакхийцы. Сойдя с дороги, присел у дерева, пытаясь не замечать жалящих насекомых.

Раньше, со снаряжением и будучи здоровым не составило бы труда попасть в город, но сейчас меня одолевали сильные сомнения. От такого быстрого темпа по пересечённой местности боль в ноге начала кусаться безумным пауком, а голова, как и всё последнее время, гудела. Но отдых являлся слишком большой роскошью, ведь стоит прилечь на боковую, и можно уже не проснуться.

Опасность приближалась, и следовало бы поскорее что-то предпринять. За раздумьями чуть не пропустил телегу, выехавшую из города. Наверное, что-то случилось, и, развернувшись, люди подались назад. Заросли репейника отбрасывали хорошую тень, и скользнуть по ней до телеги труда не составило. Спрятаться под телегу было не сложно, но проделывать подобные выкрутасы на ходу мне доводилось впервые. В итоге больно ударился затылком, спиной и копчиком. Причём последним далеко не один раз. По бокам телеги прошагали две пары обуви, и пришлось задержать дыхание.

— Ты чего это воротился?

— Да по его милости!

Звонкий подзатыльник вызвал смех у уставших стражей, а мне пришлось поспешно закрывать глаза и отворачиваться в сторону. Надо мной кто-то пошевелился, осыпав пылью, застрявшей между досок.

— Ладно, езжай давай!

Несмотря на столь короткий разговор, пальцев я уже не чувствовал, держась на упряместве. На каждой кочке телега осыпала пылью, забивавшейся в нос и попадавшей за шиворот. Приходилось незаметно отфыркиваться, мечтая, что комки грязи и пыль должны вот-вот закончиться. Но время шло, а под одеждой образовались уже завидные островки грязи, словно бы издеваясь надо мной. В какой-то момент начало казаться, что вся телега был загружена исключительно землёй и грязью.

Было трудно понять, куда они едут, и где я нахожусь. В какой-то момент цокот копыт по мостовой прекратился, и это стало последней каплей для моих пальцев. Больно приложившись спиной и многострадальным затылком о каменную мостовую, я перевернулся на живот. В гудящие руки возвращались силы, а голова, наконец, принялась нормально соображать. Выкатившись из-под телеги, я на четвереньках скрылся за углом здания, отряхиваясь от пыли. Избавляться от земли пришлось долго, а чесаться захотелось со удвоенной силой.

Вечерело быстро. Звёзды одна за другой загорались на тёмном покрывале неба, ожидая появления худого месяца. Улица наполнилась отдаляющимся шумом колёс и звонкими подзатыльниками.

Город спал, встретив меня светящимися глазами кошки. Тень шикнула на неё, и та, словно почувствовав незримую защитницу, зашипела, скрывшись за забором.

Патруль появился неожиданно, прошагав мимо укрывшего меня ступка тени. Я маленький. Меня здесь нет. Тень скрывает меня одеялом тьмы, словно заботливая мать спящее чадо. Я не дышу, ведь стена не умеет дышать. Она способна лишь застыть, как застывает податливая глина на солнце. Никто никогда в жизни меня здесь не найдёт. Старая, как мир, техника скрадывания, помогла и сейчас. Патруль прошёл в двух шагах от меня и даже не обратил внимания.

— Что это?

Один из них остановился, принявшись оглядываться по сторонам. Желания узнать, что именно привлекло внимание стражника, не хотелось, и я скользнул в переулок.

Вскоре запахло солоновато-горькой сикерой. Где-то рядом послышались пьяные голоса, стук кружек и стульев. Теплый ветерок принёс дразнящий запах еды, от которого рот наполнился слюной, а желудок заворочался, скребя по позвоночнику. Дорога уходила наверх, как и большинство улочек Селахгасе.

Распахнулась дверь, и сестрёнке пришлось наскоро меня прятать. Из корчмы вышел недовольный толстенький мужик в сопровождении двух амбалов.

— Чертов Аурелий, ох, тварь забугорская!.. Думаешь, под себя подождёшь?! Убью, сволочь поганая...

Сон придётся отложить в сторону, — подумал я, следуя за людьми. Такая удача подворачивается крайне редко.

— Нет, сейчас этого делать нельзя ни в коем случае, — приходилось напрягать слух, чтобы слышать их перешёптывания. — Это будет слишком предсказуемо.

— А что тогда?..

Некоторое время они молча шагали по пустой улице. Даже находясь совсем рядом, было

очень трудно расслышать их шёпот.

— Надо начать с его приближённых. Катар сегодня задержится... Да, точно! Он сегодня с западного склада поздно возвращается. Надо, чтобы всё выглядело естественно.

— Да, сейчас же сообщу...

Схватив за локоть, мужчина зашептал с угрозой:

— В этот раз чтобы без лишнего шума. На этого карлика сил много не надо.

— Понял...

Удаляющиеся быстрые шаги наёмника ознаменовали конец разговора. Вести преследование в темноте было не впервой, к тому же целью являлся обычный человек. Приходилось сдерживать зеवоту и с силой сжимать веки, прогоняя сон. Впрочем, нарастающая боль в ноге прекрасно отгоняла сон.

Играть в догонялки пришлось до другого конца города. Несколько раз он останавливался, и, перебросившись с кем-то, мчался дальше. Скорее всего, о тылах заботился, на случай отступления. Опытные ребята, ничего не скажешь. Вскоре мы добежали до небольшой рощи на краю улицы. Некоторое время пришлось ждать. Затаившийся в кустах наёмник слишком шумно дышал, и пошёл на дело в неудобной одежде, в которой что-то гремело при каждом повороте. К тому же он явно не умел отвлекаться и замирать, а то и дело разминал затёкшие конечности.

Шелест доставаемого из ножен кинжала резанул по ушам, заставив затаиться. Идущий уверенной походкой Катар появился из-за угла, неся подмышкой какие-то бумаги и книги. Над ним на три головы возвышался мужчина явно боевой наружности. Не то, чтобы он был столь здоров и могуч, а просто Катар действительно оказался очень невысоким. Следом за ними из подворотни выплыл ещё один персонаж. Двигался он заметно проворнее, но что-то насторожило охранника, и тот крутанулся на пятках, останавливая стремительный выпад незваного гостя. Нож проткнул ладонь охранника насквозь. Взревев от боли, он навалился на убийцу и одним могучим рывком откинул того в сторону. Сидевший всё это время в кустах не спешил помогать, видимо, подыскивая удобный шанс. Между тем карлик замер от страха, наблюдая за схваткой.

— Уходите! Быстрее!

Крик его отрезвил, и он опрометью бросился по улице. Цокнув, затаившийся наёмник понял, что больше ждать нельзя. Достав арбалет, он некоторое время прицеливался и спустил курок. В этот момент Катар остановился, пытаясь разглядеть, что же случилось с неудавшимся убийцей. Мужчина стрелял на ход, поэтому болт с громким треском ударил в стену дома. Это подстегнуло карлика ещё сильнее, и через пару шагов он забыл обо всём, убегая прочь. Как же по-дилетантски всё это проделано, — рассуждал я, двигаясь вслед за карликом. Кто же идёт на мокруху без плана? Набросав его на коленке? Не изучив местность, отходы...

Вскоре перелез через каменную стену, оказавшись во дворе дома, куда вбежал опарашенный карлик. Ни собак, ни приличной охраны здесь не наблюдалось, что удивительно. Но когда я заметил открытое окно на первом этаже, сперва показалось, что это какая-то ловушка. Называются такие «на дурака». В намертво защищённом жилище оставляют лаз, якобы, по неосторожности. Злоумышленник полезет, а тут медвежий капкан под окном, за дверью собаки, а в спину уже тычут копыя.

Некоторое время потратив на поиск ловушек, я змеёй вполз в дом. Холодный коридор оказался пуст и только где-то из-за угла был слышен истеричный голос запыхавшегося

карлика. Не замолкая, он сбивался с одной мысли и перескакивал на другую, пытаясь рассказать о произошедшем. По дому бегали люди, понявшие из его рассказа хоть что-то. По коридору с жирником в руках кто-то промчался, закрывая окна и тут же устремляясь в другую сторону. Я ошибся, полагая, что собак здесь не было. У открытого окна, видимо, унюхав незнакомца, лаяла собака.

Выбравшись из комнаты, я подкрался к углу. В доме стало заметно светлее. Из голоса карлика пропала истерика, и он уже без запинки пересказывал в четвертый раз. Похоже, покушение для него было в новинку. Некоторое время кто-то спокойным голосом что-то ему внушал, а потом они стали подниматься на второй этаж.

Немного приоткрыв дверь, я сквозь щелку наблюдал приближающиеся огни. Комната, в которую я нечаянно заглянул, оказалась как раз кстати, а щелочка открывала хороший вид на коридор. Вскоре за убежавшим слугой комнату покинул охранник, побрякивая оружием. Удобнее перехватив длинную спицу, на которую я столь удачно наткнулся в комнате, плавно выскользнул в коридор.

Утро встречало торопящихся людей осенней свежестью и прохладой. Редкие посетители таверны разбредались по залу, занимая места поближе к огню. Мне же приходилось наблюдать, лениво ковыряясь в тарелке. Ворвавшийся через какое-то время человек двумя широкими шагами оказался у столика, тотчас рухнув на стул. Им оказался тот самый наёмник, участвовавший в покушении.

— Я слышал, всё сорвалось... — половина слов проглатывалась другими звуками, поэтому приходилось додумывать самостоятельно.

— Да кто ж знал, что так получится!

Собеседник оказался спокойнее, и, судя по всему, выше по статусу.

— Ганс, ты уже сообщил ему?

Ганс скривился, словно лимон проглотил:

— Да. Отправил весточку.

Неожиданно к ним подошёл слуга и принялся что-то тихо втолковывать.

— Кто? Кто это был?!

— Не знаю, не знаю я! Он сзади подошёл, клинок к шее, сказал то, что я должен передать вам и отпустил! Честно!

Болтавшийся в мощной хватке слуга рассказал правду, как она есть. Мне незачем было светить себя. А вот мальчишке не повезло. Наверняка позже его попробуют потрясти, но даже под пытками он всё равно ничего не сможет сказать.

— Что значит, всё будет кончено к полудню?!

Трясти слугу не переставали.

— Да откуда же мне знать-то! Сказал, что всё будет кончено ближе к полудню, и чтобы вы оставили плату мне, а...

Тут его затрясли с еще большей силой, и он осёкся:

— Тебе, мелкий гадёныш?! Тебе?! Что, решил по-лёгкому жёлтых срубить?!

— Оставь его, — ответил более спокойный Ганс, — Не врёт он. Подумай сам. Ну, обманет он нас и что? Где его семья мы знаем, где он сам живёт, тоже. Глупости. Плату дадим, но только если действительно всё будет так, как сказано.

— Он так и сказал — оставить плату, как только всё будет кончено. Потом мне надо это отнести в старую часовню. Вот только что именно будет кончено, я не понял.

— Ладно, иди-ка, погуляй.

Мужик отпустил мальчика и присел обратно за стол. Немного пошептавшись, один из мужчин вышел на улицу, а второй остался сидеть, постукивая пальцем по столу. Скоро часовню окружают и станут ждать меня. Как всё просто читается. Никто так и не обратил внимания на одинокого постояльца, медленно вкушающего завтрак за одним из столиков в углу. Техника отложенной смерти — великолепный инструмент в моей работе. Цель уже мертва, она просто об этом не знает. Представив, как с виду полный жизни мужик ни с того ни с сего вдруг стал задыхаться, выпучил глаза и завалился на пол с остановленным сердцем, я покачал головой. Тот, кто придумал эту технику — гений. Или больной на голову безумец.

А мужик-то не идиотом оказался. После оплаты попробует проследить за мальчишкой. Или, может быть, ты вынашиваешь планы как бы половчее ничего не отдавать?

Ждать пришлось долго. Глаза слипались со страшной силой, и частенько приходилось ловить себя на том, что клюю носом в тарелку с недоеденным завтраком. Погоня, раненая нога, бессонная ночь — всё это сильно измотало, но надо было подождать. Совсем немного подождать...

Стукнув дверью об косяк, в забегаловку ворвался бледный взъерошенный мужчина. От громкого стука я чуть ли не подпрыгнул, с досадой поняв, что просто-напросто заснул. Заметь подобное учителя, давно бы уже в наёмниках чалился. Быстро пересказав страшную смерть Катара, мужик отхлебнул из стакана, даже не заметив, что пьёт чужую сикеру. От Ганса волнение собеседника не укрылось:

— Это может быть какой-нибудь изошрённый яд?

— В том-то и дело, что, как говорят его слуги, он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера! Первое покушение в его жизни сильно того напугало, потому и кусок в горло не лез! А только что в окружении охраны он ни с того ни с сего взял и издох! Колдовство какое-то, не иначе!

— Чушь не неси, какое ещё колдовство!

— А тогда как он вдруг скопытился?!

— От дротика в шею и дюжина охранников не спасёт.

— Так он не ранен! Никаких травм, ничего! Просто за грудь схватился, покряхтел чуток, да помер!

Некоторое время они молчали, потом один другому что-то долго очень тихо втолковывал, а тот только и делал, что кивал.

— Слышь, малой!

Слуга едва успел подпрыгнуть к столику, как в его руки переключал тугий кошель.

— Этого должно хватить. Как с этим человеком связаться-то? Может, работку какую подкинем, такому-то умельцу?

— Так он не сказал, дядь! Сказал только пойти к старой часовне, да между этажами, за старой лавкой кошель оставить...

Дальнейшего разговора я уже не слышал, выйдя на улицу. Их мысли были мне понятны от и до. Послать кого другого вместо служки они не посмеют, опасаясь силы такого колдуна. Подождут моего появления в часовне и тогда попробуют скрутить. Во всяком случае, оставалось надеяться на их благоразумие.

Потерев сонные глаза, я вклинился в толпу людей, следуя в сторону местного торгового ряда. Где-то недалеко хлопнула дверь и две фигуры быстро побежали в сторону той самой часовни. Наверняка по пути ещё людей возьмут, а там и встретят меня, как подобает.

Впрочем, наверняка часовня уже давно окружена. Жаль только, что ждёт их там лишь записка от «колдуна», как прозвал меня один из них.

Как и ожидалось, неподалёку от пацана с кошелём в руке следовал какой-то мужик, буравя спину исключительно пареньку. Мальчишке мной было приказано идти прямо через торговую площадь. И чтобы осуществить задуманное, надо лишь дожидаться удобного момента...

Мужик ускорился, когда мальчишка скрылся за углом, нырнув в подворотню. Но кроме лежащего мальчишки с растекавшейся лужицей крови под головой, никого не обнаружил. Иногда, чтобы выжить, кого-то приходится приносить в жертву. Впрочем, парень был жив, а с его молодым организмом, на ноги уже через седмицу встанет, а через две забудет, куда именно его стукнули. Если эти наёмники его до смерти не запытают...

Деньги мне не так сильно были нужны, ибо ещё ночью из усадьбы успел небольшой мешочек стащить, но показать зубы местным было необходимо. Теперь на несколько дней следовало залечь на дно. Хоть после побега и прошёл ливень, от каю с собаками так просто не скрыться... Поскитавшись по городу весь остаток дня, кое-как сдерживая зевоту, я старательно запоминал местность. Даже кое-что прикупил на будущее. Тревога, постоянно скребущая острыми когтями по затылку, заставляла постоянно озираться, с замиранием сердца представляя застывшего сзади Бритву со стилетом в руках. В такие моменты в ногу вселялись все демоны бездны, раздирая её изнутри.

Из-за раны первым делом хотелось отправиться к целителю, но вовремя остановился. Погоня прекрасно осведомлена о моём увечье и первым делом станет проверять целителей, цирюльников, да лёжки с тавернами, где можно отдохнуть и зализать раны. Лёжку долго выбирать не пришлось. Таверны, постоянные дворы и остальное для каю были под запретом, потому я решил долго не мудрить и пойти по старой дороге — в усадьбу Катара. Благо, успел обзавестись вещами из его дома, и для собак от меня должно было пахнуть своим. Понятно, что каю первым делом станут узнавать об обстоятельствах странной смерти Катара, и довольно быстро сложат дважды два. Однако что-то меня останавливало, не давая бежать из города прямо сейчас. Возможно, это из-за недосыпа, а возможно из-за страха...

Вечер опускался медленно, заставляя меня дрожать от холода. Озноб только усилился. Голова стала тяжёлой, не позволяя нормально соображать. Каждый шорох казался звуком вынимаемого из ножен кинжала, отчего я проклинал себя за страх и обнимал за плечи, пытаясь согреться. Несмотря на приобретённую тёплую одежду, прохладный ветер давал знать о приближении осени. Томительные ожидания тянулись очень долго. По злой иронии судьбы, до темноты в подворотне ни один из каю так и не появился.

Выйдя на дело, я несколько не удивился вновь чуть приоткрытому окну. Глаза уже совсем слипались, но я уговорил себя потратить некоторое время на наблюдение. Убедившись, что всё в порядке, перемахнул через ограждение и скользнул внутрь, замирая на несколько мгновений. Где-то были слышны шаги обслуги, но паники не наблюдалось. Часто приходилось таиться в тенях, забывая о дыхании, когда очередной стражник делал обход. Некоторые слуги убирались, таскали какие-то вещи, переговаривались на ходу, иногда останавливаясь посреди коридора и сплетничали о смерти Катара. Чердак оказался настолько пыльным, что, наверное, тут не убирались никогда. Нога разболелась столь сильно, что я чувствовал, как она скрипела на каждом шагу, отзываясь стуком в голове и сильным головокружением. Стараясь не шуметь и не поднимать пыли, насколько это было

возможно в подобном состоянии, устроился в углу. Из дыр в крыше тянуло холодом, но я быстро оградил уголок какими-то ящиками, защищаясь от холода.

Наконец, мне удалось сбежать. Почему же тогда на душе столь гадко? Потому, что Инзелла обменяла мою плоть на жизнь каю? Может, потому, что наступила неопределённость? Кто я теперь? Беглец, который никому не нужен в этом мире. А надо ли было убегать? Возможно, в штабе меня бы выслушали и... Бездна, и почему они должны мне верить? Им проще свесить на меня всех собак, закрыв дело о мёртвом каргале. А если каргалы более справедливы? Может, убегать и не надо было? Ведь если раньше я очищал во имя и по приказу государства, то теперь занимаюсь тем же самым, но только для... для кого?

Найти ответы на многочисленные вопросы не удавалось, а голова снова загудела. А ещё эта нога... Как же больно... Из-за раны, в которой сейчас, наверное, когтями ковырялись все демоны мира, сон никак не шёл. Порой казалось, что мгновения растянулись, словно кусочек расплавленного золота. Прошое и будущее поменялись местами. Впрочем, если от прошлого оставались воспоминания, то будущее терялось в едком тумане вечности.

Темнота сгустилась, и вдруг в ней проступили силуэты Крохи и Гаййара. Они смотрели на меня с лёгкой улыбкой и печалью во взгляде. Гаййар, которого я видел последний раз в 14 лет, возмужал. Он возвышался на пол головы, его плечи стали шире, но лицо терялось в тёмном омуте бездны. Мгла не желала делиться со мной своими тайнами. В 14 лет Гаййар сильно заболел неизвестной хворью и лучшие врачи Гильдии много месяцев не могли ничего поделать. Гаййар с ног до головы покрылся красными язвами, прерывисто дышал, часто терял сознание и бредил во сне. Стояла середина зимы, когда нас отправили в поход на пятидневку. По приезде, выяснилось, что сердце Гаййара не выдержало, и он отправился в последний путь по Реке Жизни. На момент прощания, мы боролись с горбатыми сугробами, норвящими нас поглотить, и не успели с ним проститься. Нам показали место, откуда начался последний путь нашего друга.

Иногда, стоя поутру на скалистом берегу Океана Царей, мне чудится догорающий чёлн с телом Гаййара. Он теряется в густом тумане, как и всё побережье, но мне почему-то кажется, что я его вижу отчётливо. Вместе с ним появляются запахи курильниц и едкого дыма, от которых льются слёзы. Приходилось их вытирать одним резким движением. Кроха подобных чувств никогда не испытывала. А может, она просто не делилась со мной своими переживаниями, как и я не делился ими с ней?

Бывшая подруга отвела взгляд. Она знала, о чём я думаю, и не хотела злить меня ещё больше. Однако к подруге сейчас я не испытывал ничего. Скорее даже... жалость? Тьма скрутила мираж в тугой узел, развеяв его в пустоте. Они стали дымом, который разогнал порыв ветра. Мир снова оказался жесток, ведь и в этот раз я не успел попрощаться с Гаййаром. Плавный поток мыслей прервали новые видения.

Водоворот пустоты захлестнул, унеся прочь из прошлого и выплюнув в ненавистное настоящее. Казалось, меня заживо похоронили в глыбе льда — холод стискивал сердце, не позволяя дышать. Лёд, вросший в кожу, сотрясал тело, отчего хотелось лишь поджать ноги поближе к груди и обнять их ледяными непослушными пальцами. Следом накатывал жар, но, несмотря на льющий градом пот, холод по-прежнему сдавливал грудь.

День? Ночь? Уставшие глаза открывались с трудом и изредка, лишь на мгновение, чтобы следом смежить тяжёлые веки и сменить день на ночь. И снова. И снова... Пока не наступало спасительное небытие.

Волнами накатывало прошлое и приходилось терпеть слёзы, сами собой катившиеся по щекам. Слёзы сменялись гневом и обидой на каргалов, а особенно — Гончую. Следом накатывала волна спокойствия и умиротворения. В такие моменты я терялся в пространстве и не мог понять разницу между сном и явью.

Мелкая чехарда ножек, пронёсшихся по ладони, не смогли вырвать меня из царства снов. По щеке разминулись какие-то насекомые, затерявшись в складках одежды. Кто-то долго носился вокруг рта, чувствуя ещё не выветренный запах еды. Длинные усики ощупывали щетину, шарили по губам, вызывая мурашки и мерзкие чувства. Кому-то не понравилось бродить в носу и маленькое тело выползло наружу, затерявшись в сальных волосах. В них уже давно копошились полчища насекомых, что-то выискивая среди сала и грязи. Внезапно ряды мокриц, муравьев и клопов завладели всем моим телом. В этот момент я проснулся... или уснул?

— Мне нужно наружу...

В пустом чердаке слова должны были эхом отражаться от стен, но тьма проглатывала их. Оказывается, здесь был кто-то ещё.

— Тебе нельзя на свет. Он тебя погубит.

— Я устал... Мне надо на улицу...

— Там враги...

— Мне плевать! Я хочу на свежий воздух...

Слова давались с трудом, но я чувствовал брешь в обороне собеседника.

— Каргалы схватят тебя...

Некоторое время я молчал.

— Там ведь... дождь идёт? Я чую его. Влажно...

Разговоры вслух с самим собой придавали сил, и я не чувствовал себя одиноким во мгле. Хотя, я и так не был один. Родная сестрёнка всегда оставалась рядом, однако в этой тьме, она, похоже, вышла куда-то по своим делам... В сознание я пришёл мгновенно. Вонь немытого тела, кровь и грязь — всё смешалось во тьме чердака, заставляя меня морщиться от омерзения. Даже дождь и ветер, просачивающиеся сквозь многочисленные щели, не смогли полностью освежить это помещение. Кое-как приподнявшись на локте, заметил валявшиеся тут и там пропитанные кровью и мазью тряпки, которыми обматывал ногу.

Я совершенно не помнил, когда приходил в сознание и менял повязку. Сколько же я бредил?.. Судя по пахнущим гнилью повязкам, какая-то гадость всё-таки в рану попала, потому меня то знобило, то в жар бросало... Пошевелив ногой, отметил, что боль почти прошла, а под повязкой провоняло до такой степени, что и крысы бы поморщились. Судя по запаху, рана загноилась, но каким-то образом мази помогли. Выглянув в щелку на улицу, убедился, что уже смеркается и следовало бы привести себя в порядок. Едва представив, во что превратились мои волосы за время, что я пробыл в беспамятстве, скривился. Стоявшее совсем недалеко ведро налягало, но заглядывать внутрь я не стал, понимая, что воняет именно оттуда.

На ногах стоял сносно, ощущая небольшую зудящую боль в местах укуса. Ощупав на свету раны, облегчённо вздохнул — воспаления не наблюдалось, и, похоже, от заражения я избавился полностью. Размяв деревянное тело, пролежавшее в неудобной позе неизвестное количество времени, спустился в дом. Сумерки уже почти наступили, вот-вот слуги светильники пойдут зажигать.

Стараясь не думать о том, насколько сильно провоняет дом, я пробрался к кухне. Все

мысли пропали, едва я учуял запах горячей похлёбки. К сожалению, на кухне собралось слишком много людей, и не было никакой возможности перехватить пару тарелок супа.

Пришлось пойти в старую добрую харчевню. Ганс оказался той ещё сволочью, в чём, впрочем, я и не сомневался. Кошелёк, который мне пришлось отнять у слуги, оказался набит медными монетами, что точно никак не соответствовало нормальной оплате. Ну а чего же ещё от обычных прихвостней местного барыги ожидать? Или кем он тут приходится? В любом случае, пару дней безбедно питаться на эти барыши мне хватит.

Послушав разговоры местных, оказалось, что провалялся я двое суток. Все как заведённые рассказывали про смерть Катара. И в каждом разговоре версия о его гибели менялась с банальной «упал, шею поломал», до «пёрышком под рёбрышко». Пришлось потратить изрядную часть добытых монет на вонючую мазь от вшей и других насекомых, а так же на стрижку у местного цирюльника под ноль. Вымывать насекомых пришлось долго, зато теперь я чувствовал себя заново родившимся.

Перед входом в харчевню некоторое время пришлось помёрзнуть на холоде и зайти только вместе с какими-то работягами, возвращавшимися с вахты. Как выяснилось, меры предосторожности оказались не напрасны — за столиком вместе с Гансом беседовали двое незнакомых мне мужчин. Они лишь мельком глянули на группу из четырёх человек, среди которых втиснулся я, и вернулись к разговору.

Пришлось занять место близ работяг, которые, судя по громким голосам, скоро вовсю начнут горланить. Народу набралось много, и прислушиваться к разговорам почти невозможно. Слышны были лишь отдельные фразы, слова, да интонации. Обслуги было уже двое, но ко мне подбежал тот самый мальчишка. Сунув ему с десятков медяков, заказал обильный ужин, едва-едва не подавившись слюной, пока перечислял. Мой голос он не мог узнать, потому волноваться не стоило. Каждого каю в совершенстве учат владеть своим речевым аппаратом и изменять голос. В тот раз мальчишке в ухо скрипел низкий спотыкающийся голос человека, страдающего обезвоживанием. У страха глаза велики, особенно если он подкреплён ржавым гвоздём у сонной артерии, потому мальчишка даже глазом не моргнул, когда я заговорил.

Так и не услышав почти ничего нового, я решил закончить трапезу. Как раз подвыпившие работники заголосили песни, посему пора было и честь знать. Долго ждать не пришлось, и вскоре в подворотне нарисовалась фигура одного из тех, кто беседовал с Гансом. Было ясно, что ждал он мальчишку, возвращавшегося домой. Наверняка следят за ним все эти дни и меня подкараулить хотят. Вскоре показался служка, и мы двинулись друг за другом след в след. В наиболее тёмном углу я сказал наёмнику всё тем же низким голосом:

— Не шевелись.

И для убедительности дал ему почувствовать холод стали на шее.

— Не меня ищешь?

— Э-э, ч-что?..

— Аурелия знаешь?

— З-знаю... — осторожно ответил он.

— Мешает вам?

— Есть такое...

— А если он вдруг умрёт, как тот карлик?

— Колдун? Это... ты? Это ведь ты его убил?..

Он почти пропищал, из-за чего клинок пришлось вдавить сильнее.

— Тише, тише... А то всех разбудишь. Людям ведь спать надо... — едва слышно хохотнул я. — Отвечай. Если он вдруг умрёт? К примеру, на празднике Златой Девы?

Последнюю фразу я специально растянул, наслаждаясь каждым звуком. Обычно это ещё сильнее бьёт по нервам.

— Если он вдруг умрёт, — мужчина выделил слово «вдруг», — все будут очень рады...

— В таком случае, для дела нужно оттянуть ремень. Ты меня понимаешь?

— Да... — протянул сутулый мужичок, затараторив: — А можешь сделать так, чтобы поплохело ещё и его помощнику, Микару? Узнать их легко! У них длинные бороды, а у нас с такими никто не ходит! Не здешние они!..

Помолчав немного, я сказал:

— Хорошо. Приведёшь хвост — ляжете здесь все. Снова обманете...

— Понял!.. — поспешно произнёс он и умчался в темноту.

Неожиданное головокружение заставило меня прислониться плечом к стене, считая круги перед глазами и пытаясь не потерять цель. Преследовать постоянно оглядывавшегося мужчину было немного труднее, чем наёмника на последней мокрухе. Этот чуть ли не вприпрыжку бежал, сворачивая на бегу шею.

Вскоре он стремительно влетел в один из обычных домиков на окраине. Хлопнувшая дверь разбудила собак, принявшихся лаять на несправедливую судьбу. Отмораживать пятки пришлось недолго. Как и ожидалось, он обманул, показавшись с двумя широкоплечими мужиками. Они следовали на приличном расстоянии, делая вид, что умеют скрываться. Заметить их смог бы и ребёнок. Дубинки в руках однозначно намекали на скорое завершение сделки. Вырубить одного за другим особых проблем не составило, и оставалось надеяться, что тихих ударов тупым предметом по затылку сутулый мужик не услышит.

Однако он увлечённо шептал в темноту, не заметив возникшего за его спиной человека. Ударом ноги в сгиб колена я заставил его опуститься на одну ногу. Оттянув мочку уха, прошептал:

— Лучше не шевелись.

Однако он не послушался, дёрнувшись в сторону сразу после того, как я чуть надрезал мочку уха снизу. Она осталась в моих пальцах, а мужик ещё долго завывал, зажимая рану грязными руками. Опомнившись, он стал звать своих дружков, но быстро заткнулся, получив пару ударов в живот.

— Я ведь предупреждал. Дружки твои кормят червей. И если ты не заткнёшься, одним ухом не отделаешься.

Пугать меня научили хорошо. Особенно, когда жертва уже подранена. Пододвинув к нему ногой выпавший кошель, я приказал:

— Руку в кошель.

— Э-э, что?..

Ну не объяснять же мне этому придурку, что те же монеты можно смазать ядом или снотворным, впитывающимся через кожу, или подложить внутрь мешочка ядовитую змею или лягушку?

— Засунул руку. Живо.

Послышалось торопливое копошение и вскоре звяк монеток друг об дружку.

— Пальцами монеты потри.

Подождав некоторое время, я убедился в том, что с ним всё в порядке и подхватил

кошель.

— Передай, что на ярмарке они сильно захворают.

После следующего удара в живот он согнулся, не в силах произнести ни звука. Бегло обшарив его карманы, не нашёл ничего ценного. Благо, заранее успел подчистить карманы незадачливым дуболомам, которые уже приходили в себя, постанывая от головной боли.

Необходимо было как можно быстрее сваливать из этого города. Но не до конца зажившая нога, отсутствие какого-либо нормального снаряжения, снеди, да средств к существованию, вынуждали ненадолго отложить побег. Совсем недавно казавшаяся зажившей икроножная мышца, после непродолжительной нагрузки снова заныла, отзываясь в голове пульсирующей болью. И что-то подсказывало, что долго на своих двоих мне не походить. Благо, каю довольно неплохо натаскивают на взломе замков, кражах, да и щипачи из нас получают неплохие... Однако от обворовывания богачев пришлось сразу отказаться — ну не держали они большие деньги ни при себе, ни в своих усадьбах. Для этого сберегательные участки существовали. Брать их на штурм не было ни сил, ни здоровья, ни нормального плана, ни времени на подготовку. А начини обворовывать что у зажавшихся богачей, что у обычных людей — облаву устроят. Себе дороже. А вот после убийств опомнятся не сразу. Как раз будет время смыться.

Приготовление началось этой же ночью. Частая работа по ночам быстро вызывает привычку, потому долго приспособливаться не пришлось. В доме нашлись обычное серебряное кольцо, иглы с нитками, толкушка, миска, перцы черный и красный, металлическая стружка, соль, несколько яиц, молоко и настойка календулы. По пути сюда успел обжиться смолой агатисового дерева, а вот за некоторыми другими травками придётся с утра сходить. Сейчас же, пока все спят, да редкий стражник обходы делает, можно приступать.

Проделав иглой в яйцах небольшое отверстие сверху, я слил содержимое и поставил их сохнуть у печи. После, зажав яйцо в небольших деревянных брусочках с четырех сторон, с помощью воронки засыпал внутрь соль, перец красный, затем стружку, и под конец перец черный. Наконец, страх, душивший всё это время, отступил в тень. Теперь у меня было, что противопоставить каргалам.

С рассветом пришлось забежать к портному, прикупив более подходящую одежду с маскарадной маской, далее пробежаться по рынку за корнем ратмы и жуком-листоедом. Следом позаботился об отходах, выкупив тапмана и наказав держать его в готовности сутками. Кошель вновь оказался набит медяками вперемешку с обычными металлическими кругляшками для веса. Карманы тех дуболомов оказались чуть богаче, но было ясно, что как сыр в масле кататься я не смогу. На покупке хорошего ремня с обувью кошель совсем облегал.

Слоняясь по улицам Селакгасе, то и дело приходилось воровато оглядываться, подмечая чей-нибудь внимательный взгляд. Не исключено, что у страха глаза велики, но всё же...

Вечером состоится ярмарка в честь праздника Златой Девы, потому надо поскорее подготовиться. Праздник отмечался на следующий день после первого упавшего желтого листа, и готовились к нему второпях. Говорят, что Дева успокаивает природу и наводит спячку на зверей и насекомых, а так же помогает пережить зиму деревьям и травам.

Забравшись в первую попавшуюся комнату усадьбы, зашипел от боли, задрал штанину. Нога отчего-то заболела пуще прежнего, передав боль коленному суставу. Наверное,

подсказывает, что обо мне уже догадываются обитатели дома. Несколько раз слышал шепотки, мол, кто-то здесь завёлся в доме. Пока что слуги списывали всё на мышей и разыгравшееся воображение сплетниц, особенно на фоне убийства Катара. Впрочем, не так давно воняло от меня знатно, возможно, многие учуяли запах, да не знали, откуда он.

Немного отдохнув, пробрался к кухне. В доме тоже готовились к ярмарке, потому она оказалась свободна. Много времени на то, чтобы с помощью смолы скрепить между собой иглу и кольцо не понадобилось. Поднявшись на чердак, взялся за толкушку. Довольно быстро справившись с корнем ратмы, превратил крылья жука в синеватый порошок. Сделав из этого бело-синюю кашу, осторожно смазал ею иглу. Смертельный яд из крыльев жука-листоеда и корня ратмы назывался «Взглядом Пустоты». При попадании в кровь, вызывал паралич сердца и лёгких. Человек находится в сознании, чувствуя всю боль, а зрение начинает тускнеть, постепенно растворяя разум в пустоте. При правильном смешивании, можно было управлять временем, через которое яд начнёт действовать. Сейчас острая кромка иглы на среднем пальце торчала в сторону ладони, что заставляло кончики пальцев покалывать. Стоит сжать кулак и к утру кто-то найдёт человека, заблудившегося в пустоте. Игра со смертью всегда завораживала своей близостью. Она всю жизнь ходила совсем рядом с каю и заглядывала через плечо, ожидая нашей ошибки.

Чтобы не беспокоиться о самоотравлении, пришлось приготовить молоко и настойку календулы. Мало кто знает, но при правильном смешивании и нагревании смесь является противоядием от одного из самых смертельных ядов в мире.

Ночь опускалась мучительно долго. Столь же медленно загорались огни звёзд, словно оттягивая наступление сумерек. Всё это время приходилось таиться, выискивая в тенях притаившихся каргалов. Почему-то в эти мгновения страх напал с новой силой, а невидимый ошейник сдавливал всё сильнее.

Опустившиеся сумерки я встретил уже на подходе к ярмарке. Темнота только усиливала громкий весёлый гогот и пьяные крики. Добираться до ярмарочной площади пришлось сквозь плотную толпу, где от каждого пахло таким количеством благовоний вперемешку с вонью немытого тела, что хотелось сбежать из города, чтобы только вдохнуть.

Показалась площадь, затопив улицу громкими криками и звуками арфы со скрипкой. Меж деревьями протянулись красно-жёлтые ленты, разные украшения и разноцветные светильники. Играли музыканты, люди веселились и танцевали. Народ кучками облепил лавки со сладостями, невольно смешивая свои вычурные наряды друг с другом. Как же занятно смотрелись яркие броские наряды на фоне серого города.

На языке расцветал запах молока, тягучего золотистого меда, толчёных ягод и яблочной пастилы. От манящих пряностей пришлось сглотнуть, чтобы не захлебнуться слюной и с силой заставить ноги шагать в другую сторону. Чтобы лучше ознакомиться с местностью, пришлось проделать несколько кругов по праздничной площади. Нога разболелась с такой силой, что мне пришлось к стене прислониться, прогоняя тянущую боль. Вытерев со лба пот, отметил, что у меня снова жар, несмотря на холодную погоду и пар изо рта. В таком состоянии как бы на ровном месте не свалиться...

На ярмарочной площади пару лет назад возвели три фонтана, к которым вела пара дюжин мраморных ступеней. Именно там и заняла места знать. Они разительно отличались от обычных людей как красочностью нарядов, так и количеством охраны в масках и несколько надменным поведением. Даже раскачивающаяся походка выдавала в них элиту. Прохлада фонтана и веселящие напитки располагали мужчин к беседе. Обойдя фонтаны по

кругу, наткнулся на бородача и присел на скамью недалеко от него, старательно делая вид, словно по пьяни рассматриваю свои невероятно интересные ботинки. Благо, скамья находилась за декоративными кустарниками и заметить меня было сложно.

— Как вам вечер, уважаемый Микар?

— О-о-о, почтенный Рейхан, прекрасный, прекрасный вечер и замечательный праздник! Первоклассные факиры творят с огнём чудеса, благородные инструменты музыкантов играют на струнах моей души, а на точёные талии танцовщиц заглядываются даже мои охранники. Так ведь, Сахам!?

Звонкий подзатыльник прилетел отвернувшемуся от Микара широкоплечему мужчине, и он тотчас поклонился:

— Прошу простить меня, господин!

— У своей жены просить прощения будешь, когда она узнает про ту белокурую девчушку, с которой ты уединился на целую ночь в прошлом году.

— Господин! Прошу вас!..

Но жалобно скулящего охранника перебил чуть поклонившийся Рейхан:

— Прошу простить моё невежество, но где же почтенный Аурелий?

Оторвавшись от воспитания охранника, Микар улыбнулся:

— К сожалению, сегодня моему господину нездоровится, и он решил остаться дома.

— Понимаю, понимаю... — покивал Рейхан, а после поманил за локоток собеседника: — Друг мой, может, нам следует прогуляться? Такие вечера редки в наших краях!

— Не откажусь! Сегодня замечательный день, чтобы обсудить наши дела!

Заметно выдохнув на этих словах, Рейхан забегал маленькими глазками вокруг, кого-то выискивая. Приходилось молиться, чтобы этот палевный бездарь не засветил всю мокруху.

Танцующие люди, похоже, даже не заметили появления среди них мужчин с охраной. Врубившись в толпу, невольно им позавидовал. Перед своими хозяевами охрана отодвигала людей, прокладывая безопасный путь. Вокруг же меня мелькали самые разные лица. То пьяный мужик, то девка навеселе, то дородна баба, которую легче перепрыгнуть, чем обойти.

Неожиданно сильная рука дернула в сторону и я нос к носу столкнулся с кашгарийкой третьего десятка лет. Обветренное её лицо отметилось оспинами, грубая кожа выдержала не один морской шторм или натиск самума, а глаза... Они приковали к себе надолго. Безжизненные белки глаз были отмечены белыми шрамами, как будто по ним провели ножом.

— Тебя здесь быть не должно! — горячий шёпот у щеки оказался очень громким.

— Что?.. — я попытался дёрнуться, но пальцы её держали крепко.

— Мы знаем, кто ты! Надо уходить. Иначе нельзя! Они сделали это с нами! — женщина приблизила лицо, дав мне в полной мере рассмотреть её глаза.

— Кто сделал? О чём ты?

— Надо уходить!..

Кто-то врезался в плечо, заставив меня упасть на спины группы людей. Они этого даже не заметили, за что я был им благодарен. Слепой кашгарийки уже и след простыл, и пришлось выкинуть её из головы, возвращаясь к поискам подходящего момента для нападения. Безумцев везде хватало, особенно на праздниках, когда разливали вино всем, кому ни попадя.

Через какое-то время толпа стала редеть и мы вышли к небольшим берёзкам, росшим по

краям площади. Если народу и стало меньше, то ненамного и мне постоянно приходилось следить, чтобы не задеть кого-нибудь кольцом с отравленной иглой. Оставалось ждать нужного момента, ведь я знал — этот шанс для меня устроил именно Рейхан. К тому же они взяли себе лишь по два охранника, и оставалось найти хорошую возможность.

Присесть было негде и пришлось ходить из стороны в сторону мимо них, выискивая слабость в обороне. Ждать пришлось довольно долго, и, в очередной раз проходя мимо, заметил, как двое собеседников поднялись и пошли в мою сторону. Охранники чуть-чуть не успели за Микаром, который уже врубился в толпу, когда его плечо обжёг короткий укол. Он дернулся, почесал зудящее плечо, но не смог разглядеть обидчика, а Рейхан потянул собеседника за собой. Похоже, никто из них так ничего и не понял. Но я стоял уже в тридцати шагах от жертвы, в крови которой в скором времени начнётся настоящая война за жизнь. Которая неминуемо будет проиграна. Пустота не прощает тех, кто посмел заглянуть ей в глаза. «И тебя она тоже не простит, Мангуст...», — шепнула тень, испортив настроение.

Шум толпы внезапно утонул в тихом омуте ночи. Снующие всюду люди превратились в надоедливых мух, застрявших в вязкой патоке. Время остановилось, а стоящий рядом толстячок оказался статуей с поднятой ногой. Человек в жёлтом костюме и красной карнавальной маске появился неожиданно. Он чем-то неуловимым отличался от обычных людей, а я всё никак не мог понять, чем именно. Прямая спина, носки ног смотрят в мою сторону, глаза впились точно в мою маску, но без каких-либо признаков агрессии. Лишь незримая нить связывала наши взгляды с незнакомцем. Я моргнул. Время вновь потекло со своей скоростью, обрушив оглушительные водопады звуков и запахов. Передо мной промелькнула девушка, на мгновение закрыв незнакомца. Словно повинувшись чуду праздника, незнакомец исчез, забрав с собой тяжёлый взгляд. Оставалось надеяться на то, что это ударил в голову витавший в воздухе хмель.

Окунуться в холодную ночь после разогретой весельем толпы было блаженством, которое оказало отрезвляющее действие. Благо, успел заранее выведать местоположение усадьбы Аурелия, потому в переулках не запутался.

Каждый шаг в безмолвной ночи напоминал шёпот крадущегося зверя. Спина почему-то взмокла, а сердце стучало с удвоенной силой. Шелест ветра напоминал вынимаемый из ножен клинок врага. Вот-вот он должен отведать крови Мангуста, но, когда я сворачивал в очередной переулок, чувство исчезало. Чтобы с новой силой навалиться на плечи и вдавить в землю спустя несколько мгновений. В какой-то момент спокойный путь до очередной цели превратился в бег от неизведанного врага. Подворотни мелькали одна за другой, к прежде спокойному дыханию добавились нотки хрипотцы. Нога постепенно наливалась тяжестью, отчего приходилось скрипеть зубами. Не выдержав, я резко остановился, вжавшись в стену дома.

Темноту ночи освещали искры из глаз, кровь стучала в ушах, а нездоровые мурашки страха пробежали по телу, заставляя пальцы судорожно гладить ножны. Время шло, но тьма тщательно хранила свои тайны. Лишь шёпот ветра и музыка тишины в тёмном омуте царили. Не сразу заметил, что перестал дышать. В следующее мгновение вместе с прохладным воздухом, до ушей донёсся шёпот лезвий. На краткий миг почудилось, словно этот звук поглотил все звуки мира, оставшись наедине со мной. Ноги сами собой сместились в сторону и согнулись в коленях. Что-то прошелестело в ночи, жалобно ударившись о стену дома. Кинувшись наугад, я умудрился сбить кого-то с ног и покатился комком колошматящих друг друга теней. Сестрёлка бегала вокруг и то и дело подбадривала, приговаривая ударить

«вот так» или «вон туда». Порой до меня доносились её досадные «мазила, кто же так бьёт! Дай я попробую!». Приходилось мысленно приказывать ей заткнуться.

В борьбе противник явно проигрывал. Весь бой проходил в полной тишине, но сейчас пленный крикнул, уткнувшись лицом в пол. Послышался сдавленный всхлип и шёпот:

— Когда умирает свет, возрождаемся мы.

Откинувшийся во время борьбы капюшон больше не сдерживал ухоженных волос человека. Недобрые мысли одна за другой принялись перебивать друг друга. Голос я узнал, и это мне, почему-то, не понравилось. Прошное не должно было сталкиваться с настоящим.

— Воистину, Сестра...

Ответил я в раз пересохшим горлом, и с плеч словно скала рухнула — я снова почувствовал себя псом государя, прикоснувшись к сокровенным тайнам Гильдии. Пёс опять ощутил свою значимость перед хозяевами.

— Мангуст?..

От неожиданности вдавив пленника в пол ещё сильнее, я процедил сквозь зубы:

— Кто ты?.. — но давно догадавшийся разум не смог сдержаться и выпалил: — Кроха?..

Догадка стала настолько ошеломительной, что я попятился, чем и воспользовалась подруга:

— Тебя легко узнать. На занятиях ты всегда скручивал одним и тем же способом.

Девушка отряхнулась, и её лицо слабо осветилось луной. Подколка же пронеслась мимо моих ушей:

— Что... Как...?

— Я тут проездом. Шла на праздник, думала, какой-то пьяный, а ещё так громко дышал... Извини. Я слышала, что случилось. Это правда?

— Смотря, что ты слышала...

В тёмной подворотне оглушительно скрипнули мои зубы.

— Ты убил каю...

Либо она спутала каю с каргалами, либо правду тщательно скрывали. До меня только сейчас начало доходить, что меня не собираются убивать, брать в плен или что-нибудь подобное. Никто из нас не ожидал встретить друг друга в подобном месте. Конечно, ведь она моя лучшая подруга. Она поймёт. Она не может не понять. Однако треклятая голень разболелась так сильно, что пришлось перенести вес на другую ногу.

— Ничего не помню. Потерял сознание, а когда очнулся, уже был связан и передо мной лежал труп карг... каю.

Подувший ветер качнул дротик, от которого я не так давно уклонился. Он начал было катиться по улице, но ударился о деревянный ящик, да там и застрял. Это заставило нас обернуться, а на моём лице сама собой появилась улыбка.

— Классический кисляк сделала? Или мяты добавила?.

Кроха хохотнула:

— Ага, мята.

Повисло неловкое молчание. Случилось слишком много, что можно было бы обсудить, но почему-то в голову не лезла ни одна нужная мысль.

— Что собираешься теперь делать?

— Не... Не знаю. Я запутался. Я слишком сильно был привязан к Гильдии и теперь, даже будучи... — это слово застряло в горле, но я всё-таки выпалил: — будучи предателем и изгоем всё равно занимаюсь тем же, что и раньше. Не хочу больше чувствовать себя

привязанным к Гильдии. Но я больше ничего не умею, — мои плечи поникли. — Я не Тень, как ты, а всего лишь Стиратель, который только и умеет махать руками и убивать...

Правдой это было лишь отчасти, так как нас учили разным профессиям, хоть и на довольно среднем уровне. Тем не менее, оказавшись оторванным от Гильдии, я действительно занялся старым... Кулаки с каждым словом сжимались все сильнее. Эти мысли постоянно металась в моей голове, а в спорах с самим собой я всегда пытался найти оправдания. Но оправданий не существовало. Так же, как не существовало возможности вернуться в свой родной дом, будучи не растерзанным своими же близкими.

Вдруг я почувствовал тепло и скосил взгляд на подругу, прижавшуюся ко мне. Это стало последней каплей и, не имея больше сил сопротивляться, скупые мужские слёзы поползли по щекам, попадая на макушку Крохи. Медленно подняв руки, я прижал к себе друга, что никогда не оставит меня одного. Так мы стояли некоторое время, пока я утирал слёзы и злился на самого себя — мужчина не должен реветь. Надеюсь, этого позора не заметил мой друг, потянувшийся за спину. Но зачем она тянется за спину?..

— Крошечка?..

Рука девушки дернулась, и от кинжала, вспоровшего одежду, меня в очередной раз спасла сестрёнка, дёрнувшая за плечо. Боли я не почувствовал даже когда кровь побежала по руке и меня осенило — снотворное!

— Твою мать, Кроха, ты что вытво...

Договорить она мне не дала. Пронёсшаяся рядом со щекой сталь заставила заткнуть рот, а блеснувшие лезвия похолодеть. Снотворное уже делало своё дело и затягивало в блаженную пучину сна. Сейчас я похвалил себя за то, что перед заданием выпил укрепляющий отвар, что сейчас боролся со снотворным. Иначе лежал бы уже с перерезанным горлом. Времени не оставалось, и я разорвал дистанцию между нами после первых выпадов девушки. Кинжалы в её руках превратились в танцующие молнии, метящие в горло и грудь. От былой неуверенности не осталось и следа. И в узком пространстве переулка у неё бы получилось меня одолеть, если бы не моя рука, дернувшаяся за подол плаща. Хрустнула скорлупа, и я наотмашь расплыл перед собой содержимое, кинувшись прочь. Вслед донеслись гневные ругательства. Долго же тебе придётся избавляться от слепоты, подруга. Стало не до злорадства, когда в спину полетели ножи, а один из них впился в пальце от моего плеча.

Псы на улице уже не знали на кого лаять, поэтому просто проводили меня удивлёнными взглядами. Но мне было не до них. Снотворное в крови неумолимо побеждало. Тем не менее, я благодарил девчонку, которая намешала в яд больше мяты. Хотя о какой благодарности могла идти речь, когда меня снова предали? Та, которая мило улыбалась мне, на самом деле всегда прятала за спиной нож? Неужели все мои друзья и знакомые такие? «А чтобы сделал ты, Мангуст, окажись лицом к лицу с тем, кто обречён на очистительную смерть?», — как всегда, тень попала в точку. Сжав зубы, я заставил сестрёнку заткнуться. У меня не хватило решимости ответить на её вопрос. Потому что я давно знал ответ.

Не понимая, становится ли на улице темнее, или это мои веки моргают всё медленней, я каким-то образом всё ещё оставался в сознании. Спустя какое-то время нос уловил запах сена, навоза и пота таппанов, а в голове вспыхнула радость. Но тут же угасла, перемежающаяся успокоительным действием снотворного. Наугад найдя своего жеребца, я отмахнулся от чьего-то назойливого голоса. Оказавшись на спине таппана, помню, что начал очень медленно моргать. А когда открыл глаза, таппан уже нёсся галопом за стенами

Селахгасе в неизвестном направлении. Это радовало. Начинало светать, но мне было на это плевать, так как я решил поудобнее устроиться на мягкой шее таппана.

Мир возвращался неуклюже, выстраивая мозаику образов по частям. Сначала появилось солнце, лизавшее моё замёрзшее тело. Следом ворвались стрёкот птиц и завывания заверти. Что-то кольнуло щеку, заставляя открыть глаза. Мирно чавкая травой, рядом со мной возвышался таппан. Застрявшая в поводьях кисть затекла, а руку прожгла боль, когда я попытался подняться. Вправить вывих оказалось проще, чем терпеть боль в голени.

Жёлтое блюдце осеннего солнца кое-как, словно больной старый дед, взбиралось вверх по мягким белым ступеням облаков. Оно больше не дарило тепло, а скорее нагло издевалось над людьми, делясь исключительно светом. Ледяной северный ветер решил окончательно измотать, подув в спину и едва не отправив в полёт с высокой кручи.

Передо мной, вплоть до тускнеющего в зыбкой дымке горизонта, простиралось плоскогорье, поросшее хвойным редколесьем. Вредный ветер, заставивший покрыться мурашками от холода, уже добрался до следующего покатого холма и принялся играть с высокими елями, отсюда казавшимися не больше муравья. С этой высоты я почувствовал себя той самой одинокой елью, которую терзает хладнокровная длань ветра. Сравнение мне не понравилось и следовало поскорее избавляться от подобных мыслей. В этот момент вдалеке что-то мелькнуло. На зрение я никогда не жаловался, и заметил далеко вдали несколько точек, движущихся в моём направлении. Пока что нас разделяло довольно большое расстояние, но, зная каргалов, они наверняка имели запасных таппанов.

«Ловушка медленно захлопывается, Мангуст», — послышался змеиный шепот сестрёнки. — «Выхода нет. Что же ты собираешься делать? Может, думаешь последний бой каргалам подарить? О! Да я угадала!».

Замолчи! Тебе не давали слова!

«Правильно, дай им то, чего они хотят!», — не унималась подруга. — «Заставь их умыться собственной кровью!.. Или хотя бы подольше повеселиться с тобой, беглая крыса!».

Дослушав собственную тень, я принялся обшаривать карманы и снова выругался — на этот раз крепче и дольше. Хрупкие скорлупки не выдержали погони и пришлось вытряхивать слезоточивую смесь из кармана. Из всего снаряжения сохранились несколько метательных ножей, кинжал и мешочек с травами. Зло вогнав в ножны оружие, я вскочил на таппана. Уставшее животное робко сопротивлялось, но подчинилось, перейдя на рысь. Преследователи, как ни прискорбно, никуда не делись и погоня продолжилась. Пологий склон холма помог таппану набрать скорость, но дальше приходилось выбирать удобные участки, чтобы он не переломал себе ноги. С каждой новой кручей становилось холоднее и сумрачнее — двигались мы напрямиком на север и близость гор отбирала тепло.

Вскоре перед нами открылся вид на хвойный лес, разросшийся до самых гор. Животное повернуло уши назад, и в следующий миг до меня донёлся далекий ястребиный крик. Но почему-то я был уверен, что издала его совсем не благородная птица. Если это каргалы, то что они делают? Если подают знак, то кому? Другой группе, идиот!

«Ха-ха-ха, какие мы догадливые!», — эхом рассмеялась тень.

Ты на чьей стороне, дурёха?!

Не став слушать ответ, снова пришпорил уставшее животное. Потерпи, осталось совсем чуть-чуть! Жеребец выдержал, хоть и с трудом донесся седока до опушки сосняка. Едва я слез с таппана, сзади снова послышался клич ястреба, испугавший меня до дрожи в коленях.

Сзади никого не оказалось, однако я чувствовал, что погоня совсем недалеко.

Ноги то и дело заплетались в старых корнях, а опавшие листья редких берёз хрустели, заставляя постоянно оглядываться. Угроза чувствовалась отовсюду, поэтому пришлось немного сменить курс, подавшись ближе к горам. Близость гор не радовала, но холод клинка у горла заставляла забыть о предрассудках. Раздвигая ветки перед собой, я торопился, не забывая про местных тварей. Не хотелось бы случайно набрести на мишку, не успевшего запасти достаточно жирка на зиму.

Через какое-то время повезло выбраться к старым упавшим ёлкам, и бег резко ускорился. Деревья оказались свалены беспорядочно, словно здесь прошёл кто-то огромный. Сохранился даже запах ёлочной смолы. Однако это тлен, по сравнению с уставшей ногой, разболевшейся не на шутку. Вместо ястребиного крика теперь каргалы подали сигнал свистом. В ответ тоже просвистели. Похоже, обменивались сообщениями. Они уже совсем близко — меньше пары вёрст.

Холод злых скал опутывал мое правое плечо и словно бы говорил, что мне здесь не место. Быстрый взгляд вверх только подтвердил мои мысли. Нависающие костлявые изогнутые пальцы хотели раздавить наглеца. И ведь загнанная жертва бежала точно в загребущие лапы скалы. Неожиданно справа словно из ниоткуда появился темный зёв пещеры. Высотой в два с половиной моих роста и шириной в четыре оскаленная пасть возникла предо мною, приглашая войти внутрь.

«Пещеры в горах редко бывают незаняты», — пронеслись в голове слова учителя по выживанию. Выхватив нож, я ступил в открытую пасть пещеры и замер. Стояла звенящая тишина, заглушаемая моим хриплым дыханием. Что-то тёмное в углу привлекло внимание. Попавший камень не пробудил спящего зверя, а значит — это что-то иное. Попятившись к выходу, я досадливо поморщился — вдали уже были слышен треск веток. Времени не осталось, чтобы... Не успел я закончить мысль, как услышал дикий рёв зверя. Рык, которого испугался бы любой шатун, разнёсся по округе, заставив птиц со страху взмыть в воздух. Пятки приросли к земле, а глаза лихорадочно искали обладатели рыка. Тем временем каргалы внезапно затихли, но вместо них появилась мощная поступь. Неведомая тварь приближалась. Раздавшийся очередной рык заставил ступить вглубь пещеры.

Плюнув на осторожность и на все правила безопасности, я скользнул в зияющий липкой мглой каменный коридор. Конца этого ответвления пещеры не было видно, и оттуда повеяло леденящим сердце холодом. Вытянутая ладонь исчезала в темноте, словно провалившись в омут. Затаившись, я принялся ждать.

Сперва показались руки. Нет. Это были чудовищно огромные, в человеческий рост, лапы. Впрочем, всё тело твари отличалось огромнейшими размерами. Стоя на четвереньках, оно пугало длинными и здоровенными передними лапами, на которые и опиралось при ходьбе. И необычная походка бочком, и почти безволосая тварь не вызывали и подобие улыбки на моём лице. Существо с короткими ножками внушало лишь ужас, особенно если заметить его несоразмерную челюсть с выпирающими клыками. Чуть пригнувшись, существо забежало в пещеру и схватило тушу кабана, в которую я кидал камни и нечаянно принял за затаившегося хищника. Донёсшийся до меня запах гнилого мяса и внутренностей заставил скривиться. Серо-зелёное существо с глубоко посаженными маленькими глазками замерло, словно прислушиваясь, и тотчас сорвалось к зёву пещеры. Выплюнув из пасти кабана, тварь принялась махать руками и оглушительно орать перед собой, словно отстаивать перед кем-то место в пещере. Надеюсь, на неё нарвались каргалы, и они

уничтожат друг друга.

Но моим планам не суждено было сбыться. Поорав ещё некоторое время, тварь успокоилась, рассевшись посреди пещеры. Послышались чавкающие и утробные звуки, словно замурыкала здоровенная кошка. Когда от туши кабана остались лишь гнилые кишки, которые тварь всасывала в себя словно длинную лапшу, появилась ещё одна. Вторая выглядела меньше, но почему-то казалась куда свирепее своего чавкающего собрата.

— Заг!

— Заг! З-з-заг! Закаур!..

Обменялись они фразами и та, что поменьше, ударила себя в грудь здоровенными лапами. Влетев в пещеру, мелкая тварь одним резким движением сбила собрата и отобрала добычу. Но не успела она отведать вкусных внутренностей, как стала принюхиваться. Её широкие ноздри расширились, и тварь безошибочно перевела взгляд на то место, где затаился я.

— Жухра-а-ам! — победно вскинулась она, изобразив подобие улыбки.

Схватившись за плечо, я выругался — свернувшаяся кровь впиталась в одежду и осталась сухой коркой на коже, приманивая хищников. Издав душераздирающий рык, хищник двумя здоровенными прыжками добрался до тёмной пещеры со вкусной и живой добычей. От неожиданности я провалился в вязкий кисель тьмы. Первой показалась лапа, когти которой оставили в камне узкие бороздки. Представив, что от меня останется после хотя бы одного взмаха этих когтистых лап, я сглотнул. Следом показалась клыкастая морда безошибочно посмотревшая на добычу своими сверкнувшими глазами. Почувствовав хрипкое грудное дыхание урода, от страха я упал на пятую точку и, трясаясь, стал отползать от неё. Но вдруг как-то легко принял тот факт, что убежать от этой твари я был не в силах. В животе стало как-то пусто и холодно, несмотря на дергающееся в конвульсиях сердце. Ноги не смели сделать и шагу, зубы крошились, а трясущиеся пальцы кое-как сумели выудить нож. И на что я надеялся, запуская его в тварь? Шутя, уродская морда отклонилась и металл, чиркнув по камню, с лязгом покотился по полу. Тут в дело решила вступить вторая тварь, и из-за угла послышалось вопросительное:

— Жухрам?!

Голос у них был почему-то высокий, натянутый, словно неудачно настроенный музыкальный инструмент. Не в пример их грозному рыку, оглушающему своей яростью.

Тварь, хоть и была по грудь собрату, толкнула его, что-то зло рыкнув. И медленно, словно растягивая удовольствие, потянулась ко мне лапой. Вскрикнув, что было скорее похоже на вялый комариный писк, я бросился на тварь, но та в страхе отпрянула. Ага, испугалась, гадина, когда увидела столь отчаянную жертву?! А хочешь ещё раз услышать мой яростный вопль царя зверей!? Однако после повторного писка придушенного зайчика, урод не отреагировал, уставившись испуганным взглядом куда-то вглубь тёмной пещеры за моей спиной. Спину лизнуло холодом, заставив меня прирасти к земле. Армия мурашек пробежала военным маршем по телу, затерявшись где-то на затылке. Из глаз потекли слёзы, а лёгкие отказывать вдыхать воздух.

— Ке-ке-ке-ке... — эхом, словно из колодца, донеслись сзади тихие клокочущие звуки, словно кто-то злорадно смеётся в предвкушении забавы. Этот звук казался невероятно далеко и одновременно прямо у уха. Твари опрометью отбежали, застыв на выходе из пещеры. Спрятав оружие, я немного отступил от тьмы и прислонился к холодному граниту. В поле зрения попал нож, пущенный мной в тварь, и я решил его подобрать. Однако мне не

дали хищники, с опаской начавшие подбираться ко мне бочком. Зверь обиженно оскалился, когда я поспешно отбежал обратно.

Тьма лихорадочно металась по коже, обдувая ледяным холодом. И хотя я давно уже выкинул из головы чужие души, возникавшие в самое неудобное время, очередное появление умершего оказалось неожиданным. Несмотря на сгустившуюся тьму, бездонная фигура тьмы выделялась отчётливо, основательно меня напугав. Она ещё долго смотрела мне в глаза, раскачиваясь на пятках, пока я рылся в мешочке с травами. Укрепляющий отвар обнажил чувства и прогнал усталость. Оставалось надеяться, что сердце выдержит столь частое использование наркотиков. Впрочем, уж лучше боль и кровать, чем гранит и оградка. Когда последний глоток провалился в желудок, я попытался не замечать нарастающего звона в ушах и укоризненного взгляда мёртвецов. Путь в бездонную тьму должен начаться со спокойного сердца и умиротворённой души.

Из-за первого же камня, подвернувшегося под ноги, пришлось нащупать стеночку, держа в свободной руке нож. Тёмная пещера преобразилась. Посторонние звуки вдруг исчезли, словно боясь потревожить мглу. Темнота превратилась в вязкое болото, в котором утопало моё тело, пытаясь сдвинуться с места в робкой тишине. Пробежавшая по позвоночнику молния стала причиной внезапно прижавшего к земле страха. И только моё учащённое дыхание, эхом гуляющее по пещере, говорило о том, что я всё ещё жив.

Кожа чувствовала на себе холодные прикосновения темноты, которая казалась иной. Чужая темнота изучала человека, словно придирчивый пёс обнюхивает свою косточку. Вот мокрый нос ткнулся в спину. По ней пробежались мурашки. Вот холодный язык лизнул кожу, и затылок неприятно обожгла сырость, от которой передёрнуло. Мне начинала надоедать игра чужих теней. Посторонние звуки исчезли, напоминая о реальности только моим сопением и пыльной крошкой под ногами. Поэтому я продолжал двигаться, не останавливаясь ни на миг. Оставаться наедине с безмолвием пустоты пугало до дрожи в коленях. Наркотик разогнал кровь по телу, обострив все чувства, но по-прежнему я не слышал ничего, кроме собственного дыхания.

Сколько так шёл, до онемения сжимая кинжал, я не знал. Но когда под ногой что-то оглушительно хрустнуло, я замер на целую вечность. Это был новый звук, кроме каменной крошки, хрустевшей под ногами. Медленно присел, шаря по полу пальцами. Найденная находка оказалась скелетом человека, а хруст — раздавленными рёбрами бедолаги. Несмотря на то, что с трупами мне доводилось сталкиваться не единожды, сейчас я всё же не на шутку струхнул. Поблизости со скелетом не нашлось ничего, кроме отсыревшего факела и пары гнилых тряпок. Дальше кости мертвецов стали попадаться всё чаще, но на хруст под ногами я уже не обращал внимания.

Шаг... Хруст... Шаг... Хруст... Страх постепенно отступал, спина выпрямлялась, а руке уже подумывала о том, как бы ловчее вдеть кинжал в ножны. Что-то хрустнуло позади, заставив меня замереть на месте. Сиплое дыхание за моей спиной, появившееся довольно давно, не было иллюзией. Нечто шло позади с самого начала, подражая моим шагам. И это что-то сейчас там, дышит мне меж лопаток. Словно кусок льда, что медленно, по крупицам, входит в спину, кромсая мышцы и дробя кости. Лицу стало холодно. Похоже, я перестал дышать. Сердце, наконец, вспомнило, что должно работать и забилося в конвульсиях. Оно, словно испуганный воробей, заметалось в клетке. У него было два выхода — либо остановиться в жалких попытках сбежать, либо дожидаться смертельной хватки зверя по ту

сторону клетки. У меня же выбора не было.

Позади повеяло ледящим холодом, от которого затылок превратился в лёд. Уши уловили очень тихое дыхание. Не моё дыхание. Мысли о том, что это очередная душа, развеялись сами собой. Мёртвые дышать не умеют. Сейчас я был благодарен темноте за то, что в ней не были видны мои обезумевшие глаза. Не выдержав, я кинулся в бой, размахивая коротким кинжалом, словно тот был здоровенной дубиной. Я что-то кричал, тщетно пытаюсь рассеять безмолвную мглу, но в ней никого не было. Оступившись, я угодил тем, чем думал последнее время, прямо на камень, но даже не почувствовал сильного ушиба. Пещера молчала, а я так и продолжал сидеть на хрупких костях, в ужасе вдавив спину в холодную стену пещеры.

Пугающий смех, больше похожий на шёпот, исходил одновременно отовсюду. Он был слышен совсем близко и столь далеко, что я на некоторое время застыл от страха. Шёпот повторился прямо у уха, хрустнули кости, и я не выдержал. Прямо в затылок доносился хохот забавляющегося с добычей хищника. Оно бесшумно бежало прямо за моей спиной. Иногда высота голоса понижалась, превращаясь в натужный кашель больного старика, отхаркивающего последние лёгкие. А потом снова каркающий, непохожий ни на что смех возвращался. Порой казалось, что тварей здесь было несколько. Холодный хохот издевался над испугавшейся запертой птицей. Скоро зверь настигнет воробья, и хрупкая клетка его не спасёт.

Долго так бежать мне не дала пещера. Кости, устилающие пол, вдруг сменились здоровенными булыжниками, об один из которых я и споткнулся. Даже бездушная пещера хотела смерти двуногого.

Голова раскалывалась. Очнувшись, я застонал от каскада боли. В пещерной тьме, где нет ни капли света, мне удалось рассмотреть разноцветные круги перед глазами. Что-то липкое коснулось ладони. От неожиданности я дёрнулся, больно ударившись затылком. Снова тихий каркающий смех на некоторое время затопил пещеру. Мрак пожрал свет, и я не понимал, когда находился в сознании, а когда — нет. Но одно помнил наверняка — чьи-то сырые пальцы сжали ногу выше колена, и я взбрыкнул ногой. Но она утонула в тёмном киселе, не почувствовав ничего. Может, я давно вижу сон и всё это иллюзия? Каркающий смех доказал обратное. Но мне было не до этого, так как я снова пытался убежать. Однако птице некуда было лететь. Клетка оказалась заперта.

Смех раздавался прямо над ухом, а потом обгонял и смеялся в лицо. Я отмахивался, кричал, умолял, но тьма наслаждалась моими страданиями. Её липкие жадные прикосновения сдирали кожу, словно я находился в желудке гигантской змеи. Она переваривала нас заживо. Сравнение мне не понравилось, а в следующее мгновение...

Похоже, я снова упал. А возможно, уже давно умер, попав в руки к тем, кого умертвил за все эти годы. Из носа капала кровь, во рту ощущался горький металлический привкус, а пугающий смех прекратился. Темнота притаилась, с интересом наблюдая за своей новой жертвой. Игра начинала её забавлять. Это позволило мне немного тщательней выбирать путь, огибая булыжники под ногами. Темнота что-то шептала мне в ухо, но я ничего не понимал. Нож проходил сквозь неё, и мне начинало казаться, что я схожу с ума. Надо же, каю, живущий во тьме, сходит в ней с ума. Какая злая ирония...

Ненужные мысли прервал камень. Свалившись на землю, я отмахивался уже из лежачего положения. Что-то мощным ударом выбило оружие из рук, и его жалобный звон оборвал последнюю нить с жизнью. То был замок, который зверь сломал одним небрежным

взмахом. Дверь в клетку оказалась открыта. Но выхода по-прежнему не было.

В следующее мгновение хищник должен вцепиться в горло испуганного воробья. Конец был как никогда близок и... желанен.

Тварь стала прикасаться, хватать за конечности, а я тщетно пытался отбиваться руками, которые тонули в тёмном омуте пещеры. С тем же успехом можно было бы ловить комариный рой растопыренными пальцами. Когда я смог подняться и вновь побежать, тварь быстро нагнала меня и уже стала безбоязненно шупать моё тело. Жалкие попытки сопротивления существо словно и не замечало, ловко обходя защиту. Что-то рвануло за волосы, потом потянуло за ноги, поставило подножку, потащило в разные стороны за руки и ноги. «Это души», — подумал я. — «Я попал к ним в руки, а они мстят мне за свою преждевременную гибель».

Вдруг хватка ослабла. Оно чего-то испугалось. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Кто... кто ты?!

Мне необходима была передышка и я решил попробовать поговорить со мглой, насколько бы глупо это не звучало. Однако вместо слов вырывался жалкий писк. Впрочем, на что была способна птица, загнанная в угол? Хрипкое дыхание смешивалось со слезами, а я зачем-то широко открывал глаза, силясь рассмотреть хоть клочок света. Дышать становилось сложнее. Но пещера затаилась, а света я так и не увидел. Наступила тишина, сдавливающая грудь, от которой стало не по себе. Я знал, что это затишье перед бурей. Чужие пальцы, сомкнувшиеся на горле, мешали дышать.

«Меня душат», — как-то спокойно пронеслось в голове, и боль исчезла. Она исчезла, чтобы через мгновение обрушиться водопадом. Мерзкий хохот сверху и на спину сверзилась какая-то тварь. Она обладала четырьмя конечностями и была невероятно лёгкой, но более я узнать не успел. Едва я начал орать и махать руками, как тварь спрыгнула и снова растворилась во мгле. Ощувив что-то липкое и вонючее на шее, я скривился — оно меня облизало. Эхо тихого дыхания и мерзкий хохот дули мне в спину, пока я испуганно бежал вперёд. В очередной раз больно ударившись головой, передо мной возникли краски сна.

Трясаясь от холода, я скукожился на снегу в тщетной попытке согреться. Ледяной наст легко выдерживал вес моего тела, и только поэтому меня не засыпало снегом. Откуда здесь снег, ведь только-только началась осень? — пронеслась мысль, но порыв борея унёс её, забрав с собой ответ. Из-за него пришлось вдохнуть так, что лёгкие едва ли не заоченели от холода. Только сейчас я догадался открыть глаза, и передо мной возникла снежная пустыня, окутанная бурей. Ветер нещадно хлестал каменные валы неподалеку, а тёмные низкие облака говорили только об одном — скоро станет совсем худо.

Ладони обожгло холодом, когда я принялся подниматься на ноги. Подувший ледяной ветер нашёл каждую лазейку в одежде, и кожа стала гусиной. Обняв себя за плечи, я тщетно пытался осмотреться. Разыгравшаяся буря не давала такой возможности, разрешая ориентироваться лишь на расстоянии дюжины локтей, если не меньше. Я уже не чувствовал губ, щёк и ушей. Пальцы ног давно стали ледяными сосульками, а руки превратились в бесполезные ветви умирающего дерева.

Из-за большого валуна передо мной послышался хруст. Щуря от ветра глаза, я пытался взглянуть в бело-серую массу из снега передо мной. Но лёд, выросший на ресницах, словно издевался надо мной. Наконец, из-за валуна показалась чья-то фигура. Здоровенное существо замерло, медленно повернувшись в мою сторону. «Если бежать некуда — нападай, ведь лежачего не бьют. Лежачего убивают», — шёпот учителя, как ни странно, придал сил. Когда

существо начало поднимать переднюю конечность вверх, трясущимися руками я выхватил кинжал и кинулся на врага. Промелькнула только одна мысль — меня сейчас уничтожат. Раздавят, как блоху между ногтей. Как жука, заползшего не в ту тарелку с супом. Но перед этим я сделаю всё, чтобы тварь запомнила двуногое существо по имени Мангуст.

Глава 4. Надежда

Первым пришёл озноб. Холод кусал, отгрызая последние крохи тепла. Прикрытые от слабости глаза находили нечёткие блики скупого света. Из рта валил пар, а лёд на усах и ресницах нарос крохотными сосульками.

Холодно... — как-то вяло пронеслось в голове. Протянутая рука наткнулась на шерстяное одеяло. Ворсистая поверхность покрылась крохотными ледышками от моего дыхания, которые при прикосновении превращались в воду и стекали по пальцам. Непривыкшие к свету глаза пришлось закрыть — они нещадно слезились.

Спал недолго. Как уснул на левом боку с подогнутыми к груди коленями, так и проснулся. Холод принялся атаковать с новой силой, как только я вылез из-под одеяла. Перед глазамиплыли неровные очертания, а пустой желудок оказался где-то в районе горла. Жирник дарил частичку бесполезного света, играя на потолке желтоватыми бликами. Беспощадный холод заставил вцепиться в плечи, и слабое тело качнулось. Грохот низенького стола, спасшего меня от падения, наверняка был слышен далеко за пределами помещения. Прицелившись, я метнул себя туда, где, как мне казалось, был выход.

Холод был безжалостен. Но меня преследовали каргалы, следили чужие души и... и пещерная тьма. Эта мысль даровала силы, а в следующее мгновение я оказался на улице. Ветер обжигал, кусая щёки и нос. Он по крупцам забирал жизнь, процеживая её через сито вечности. Тренировки в далёком прошлом не шли ни в какое сравнение с этой стужей. Разболелась голова, а следом плечи обожгла боль. Ах да, это мои пальцы вцепились в них до крови.

Мрак. Меня снова окружал пещерный мрак. Внезапный страх заставил сердце биться быстрее и напомнил о том, что в спину снова дышит тьма. Она ждёт, когда я выбьюсь из сил и упаду. До меня снова донёлся каркающий сиплый смех твари. Оно стояло позади, дожидаясь бесславной кончины двуногого. Затылок чувствовал её ледяное дыхание, но сил драться не осталось. Уставший от борьбы разум хотел только одного — расслабиться и уснуть. Во мраке одна за другой чёрной мглой вспыхивали души, чёрными провалами глядя сквозь меня.

Холод неожиданно пропал. Его промозглые пальцы больше не царапали кожу ног, утопавших в снегу по колено. Он сменился теплом. В какой-то момент шевелить пальцами на руках стало невыносимо трудно. Я устал и мне надо поспать. Лечь в сугроб и поспать. Он больше не холодный, а словно тёплая перина, ведь мои ноги больше не чувствуют мороза. Надо лечь и укрыться снегом. Нет! Сперва убежать от твари, а потом можно и поспать...

Снежная буря этой ночью разыгралась на славу. А я медленно переставлял оледеневшие ноги, уходя в неизвестность. Нельзя, чтобы тьма догнала меня. Я слаб, а она ждёт. Ждёт, когда я упаду в её скользкие объятия.

Я очень, очень медленно моргнул и мир вдруг затрясся. Дышать стало труднее. Чей-то голос раздавался отовсюду, но слышал я так, словно давным-давно оглох. Меня как будто опустили под воду и заставили слушать разговор людей на берегу. Похоже, тьма дождалась, когда моё тело ослабнет и сейчас несёт меня в своё логово. От этой мысли стало не по себе. Проснувшийся солдат собрал последние силы и обрушил на существо страшный удар коленом. С единственным ударом надежда, забрав последние силы, исчезла, а заледеневшие

глаза закрылись.

Тепло мягкой женской рукой гладило замёрзшие ноги. Оно медленно перерастало в жар, словно меня подогревали изнутри. Неожиданная смесь из боли и счастья пронеслась по ногам. Пролезла под коленками, спустилась к икроножным мышцам и затерялась где-то на кончиках пальцев. К ногам возвращалась жизнь, а теплую кровь, стучащую в ступнях, можно было потрогать. Она щекотала, напоминая, что я ещё жив. Очередная щекотка невольно вызвала улыбку на лице. Как же давно я не улыбался.

Полился пот, впитываясь в одежду. Оранжевые зайчики мирно играли с полумраком у белоснежной крыши, сложенной из больших кубов льда и снега. Пошевелиться не удалось — я оказался завален кучей разных одеял со всех сторон. Наконец, до ушей донеслись звуки чьих-то шагов.

«Наверное, это тьма за мной пришла», — пронеслась мысль, заставив меня задёргаться. В этот момент из узкого лаза вылез... Ну, человеком назвать это заросшее волосами существо я не мог. Смуглая кожа и длинные чёрные маслянистые кудрявые волосы, завязанные в маленькие косички у ушей. Такая же чёрная кучерявая борода доставала до мускулистой волосатой груди. Сквозь заросли угадывались выпученные наружу глаза и низкий лоб. Его руки, шея и ноги оказались оголены. Из одежды угадывались шерстяной нагрудник, по пояс перевязанный кушаком, да кожаные сапоги шерстью наружу. Мужик возвышался в два моих роста, а всё его тело расплылось под внушительным слоем жира, но, судя по нему, я бы не осмелился назвать его толстым. Было понятно, что жир приходился ему обычной защитой от холода, впрочем, оставалось гадать, почему он тогда просто тепло не оденется?

Время шло, а мы буравили друг друга изучающими взглядами. Когда я поднял бровь, подивившись своим мыслям про его жировую прослойку, он сделал тоже самое. Я уже хотел было поприветствовать странное человекоподобное существо, как влезло ещё два человека. Один из них был облачён в то же самое, что и этот здоровяк, но выглядел старше и намного ниже ростом. Впрочем, на вид ему можно было дать не больше 60, а могучая сила в движениях всё ещё угадывалась. Второй походил на человека больше, чем эти двое. Обычного роста, в дохе, с коричневой шапкой, двухнедельной щетиной и рукавицами. Приглядевшись в его смуглое лицо, я воскликнул:

— Ты! Ты же...

Темнокожим оказался тот самый ловкач, исчезнувший на наших глазах перед встречей с узкоглазыми каю.

— Ведаешь ли ты, чьих он будет? — голос здоровяка оказался грубым и сиплым, но не таким уж и громким. Старосепахийский с немного иным произношением резанул слух — так говорили лет, эдак, триста назад. Немного подумав, темнокожий отрицательно помотал головой. Мои попытки вырваться из одеял, наваленных на меня, наконец, увенчались успехом. Оказавшись на морозе, я тут же скукожился и попробовал залезть назад под одеяла. Костёр, горевший в середине помещения, почему-то совсем не согревал.

— На, срам прикрой.

Дважды уговаривать не пришлось и спустя некоторое время меня грела тёплая коричневая доха. Шапку и рукавицы я решил пока не одевать.

— Бать, — обратился к старшему тот здоровенный мужик. — Не кажись ли те, яко два совпадения, чай, уже не совпадение?

— Во всяко намерени, днесь потчевать следует его, — голос морщинистого сухого

мужичка также был довольно груб, но без сиплых ноток. — Глянь, елико утл, аки ветошь. Хоть прятаясь за ним! У нас молодухи и те ширше будут!

— Эт точно! — хохотнул здоровяк и обратился уже ко мне: — Пошли!

Первым выскользнул молчавший темнокожий, следом тот, что постарше, а здоровяк задержался у входа. Смотрел он на меня одновременно любопытно и недружелюбно.

Протиснувшись в сияющий белизной проём, я зажмурился. Бескрайняя заснеженная полонина отражала полуденное солнце, заставляя прикрываться от света руками. Как ни странно, небо было полностью затянуто, но свет каким-то образом всё равно пробивался повсюду. Вдалеке угадывался низкий заснеженный горный хребет, очерчивающий белую пустыню по кругу.

— Полно зенки пялить! Ходу!

Грубый оклик заставил меня обернуться. Жилище, откуда выполз я, действительно оказалось сложено куполообразно изо льда и снега. Постройка называлась иглу, насколько я помнил из курсов по выживанию. Нас натаскивали строить нечто подобное, но называлось это снежная баня. Чтобы переночевать, нас учили выкапывать глубокие ямы на подветренных склонах. Потом внутри надо хорошенько утрамбовать стены и прокопать небольшую траншею для отвода холодного воздуха. Желательно было ещё сделать спальное место в стене выше пола и обложить его еловыми ветками или чем-нибудь иным. Хорошая времянка, однако эта постройка была куда больше и с отверстием в крыше, куда выходил дым от огня.

Тут и там обнаружались похожие постройки, а я сбился на третьем десятке, пытаюсь их сосчитать. На меня, как на какую-то диковинку, пялились полуголые мужчины и старики. В отличии от этого здоровяка, остальные ростом и шириной плеч не выделялись, и редко обгоняли меня в росте на две головы. Их полуголые тела словно не замечали мороза, в то время как мне, всё-таки, пришлось надеть рукавицы и шапку.

Вдруг мой взгляд наткнулся на облачённую в такую же тёплую доху женщину, голову которой украшал шарф, хотя, скорее, даже платок. Пока меня вёл здоровяк, оказалось, что все женщины одевались в тёплые одежды, а мужчины ходили налегке. Даже мальчишки ходили так, как мужчины, а девочки уподоблялись матерям и одевались по погоде.

Как ни странно, холод здесь стоял такой, какой я не испытывал даже в горах Яксарда. Не спасали даже рукавицы. Щёки за столь короткий срок на морозе покраснели, а нос стал бесполезным наростом. Новое жилище оказалось не в пример больше иглу, где лежал я, чему я несказанно удивился. Иглу всегда строили небольшими, так как согреть большие постройки в условиях таких морозов невозможно.

Длинный стол посередине оказался накрыт на четверых. В воздухе витал аромат рыбы, яиц, жира, мяса и чего-то ещё. В животе заурчало, и я поймал себя на мысли, что не помню, когда ел последний раз. Не дожидаясь меня, хозяева расселись и молча начали уплетать за обе щеки. Мне ничего не оставалось, как уподобиться им и вгрызться в аппетитную рыбу. Косясь на новых знакомых, я, наконец, понял, что не давало мне покоя. Затылки у них были ненормально вытянуты назад и вверх. Не так сильно, но где-то на длину ладони, или на половину ладони точно.

— Что ж, — закончив с едой, бросил мужчина лет пятидесяти. — Ну, здрав будь, харип. Меня Хушем кличут, это, — он кивнул в сторону здоровяка, — сынку мой — Менги. А его, — Хуша хлопнул по плечу темнокожего. — Захаром. А днесь поведай, харип.

С трудом я вспомнил, что харип на старосепахийском означает «незнакомец».

— А что рассказывать-то? — прикидываться дурачком я ещё не разучился.

— От кого о Захаре ведаешь, кто таков, да как к нам угодил. Всё поведай.

— Славом кличут, — представился я своим взрослым именем. — Насчёт Захара обознался! Он на моего друга очень похож, один в один! Только Захар старше будет, — ложь обжигала язык, но лилась из меня сладким нектаром.

Судя по их немного напряжённым лицам, они пытались перевести на старосепахийский, и им это удавалось не без труда. Впрочем, как и мне.

— А как я здесь очутился — ума не приложу!

— Вертеп помнишь? Темень, да тварь поганую? — придвинулся поближе Хуша, прищурившись. — По глазам сужу, яко помнишь. У Захара подобно было.

Отвечая на мой невысказанный вопрос, Захар снял шапку, показав свои белые короткие волосы.

— Я что, тоже?.. Поседел?

— Да нет, полно в твои глаза глянувши, абы уразуметь, — улыбнулся Хуша. — Захару меньше везения, он паче и белее снега очутился.

Это сравнение почему-то рассмешило отца и сына, что нельзя было сказать о нас с Захаром. Отсмеявшись, Хуша задал вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке:

— Гадаешь, яко сие тварь такая, чьих мы будем, да где ты очутился? Всему своё время, об сим мы дале разговор держать станем. Поведай паче, як ты с поганью совладал? Доднесь вы першие, совладавшие со злобою худую. За неполные два десятка зим мы многих потеряли, кто хаживал в поганый вертеп.

— Это из-за той... — я попытался подобрать слово, но не успел.

— Мы его тварью кличем. Просто тварью, — закончил за меня Хуша. — Вы единственные, кого оно в живых оставило. Аль нашли вы способ хитрый? — Хуша даже придвинулся ближе, заглядывая мне в глаза. — Яко ты силу одолел его?

— Да я убегал просто... Но как бы быстро не убегал, оно всегда догоняло, — пожал плечами я, держа себя за малоумного дурачка. — А что было дальше... не помню.

— А дале услышал я крик со стороны гор, да тебя приметил, — сказал Менги. — Взгляд твой злобою пылал, да отчаянием, егда ты напасть на меня попытался. Сперва подумал, яко ты и есть погань лютая.

— Благодарствуй сынку моего, Слав. От сих до закатных гор сутки пути, а Менги тебя втрое быстрее донёс. С Захаром проще стало. На него наткнулось несколько охотников, и они быстро донесли его к Надежде. Что ж, вёл ты сказ о том же самом, что и Захар. Но я никак не уразумею, что заставило тьму отступить... Сначала Захар, а спустя неполные сутки появляешься ты...

Хуша сосредоточенно дёргал свою бороду, а от меня не укрылись его последние слова. Ведь я помнил, что темнокожего я видел последний раз точно не вчера. А слова одного из безликих о том, что они потеряли его и не могут найти и следа, наводят на странные мысли.

— Ты здесь совсем недавно? — спросил я Захара.

— Ага, руки отморозил совсем, — голос его был мягок, высоковат и говорил он в нос. — почти не чувствую их.

— А...

В этот момент незаметно подошедший сзади Менги положил свою тяжеленную руку мне на плечо. Я попытался дернуться, но его клинок застыл у шеи.

— Что всё это значит, Хуша?

— Ответы должно тебе держать на наши вопросы.

— А это, — покосился я одними глазами на кинжал у горла. — Обязательно?

— Обязательно, — подтвердил Хуша и взял мою руку, нащупав пульс. Пальцы его отличались невероятной сухостью и теплотой, даже жаром. Прикосновение этого человека напомнили мне высохшую до звона корку такыра под беспощадным солнцем пустыни Балхаш.

Выждав некоторое время, Хуша закрыл глаза и начал медленно задавать вопросы, словно пробуя на вкус каждое слово.

— Как тебя зовут?

— Я ведь уже говорил!

— Отвечай на вопрос моего отца! — немного встряхнул меня Менги, от чего клацнули зубы.

— Сын, буде ласковы, — мягко проговорил Хуша, не открывая глаз, словно прислушиваясь к чему-то. — Итак, назови своё имя.

— Слав.

— Ты один из тех, кто охотится на Захара?

— На кой чёрт мне он нужен! Нет, конечно!

— Тише, тише. Не лютуй. Ответь ещё раз. Ты один из тех, кто ищет Захара?

— Нет.

Тут Хуша нахмурился, словно споря с самим собой.

— Зададим вопрос по-другому. Ты один из тех, кто искал его? — отец Менги кивнул в сторону Захара.

— Нет.

— Ты каю?

Это был опасный вопрос. Хождение по острому лезвию ножа всегда вызывало необъяснимый азарт и трепет. А играть со смертью в последнее время приходилось всё чаще...

В голове вдруг одна за другой начали метаться мысли, просчитывая разные способы побега. Самым опасным был Менги, а перцовок, как назло, под рукой не оказалось. Как и оружия. Темнокожий неизвестен, но, судя по простоватому лицу и тонким пальцам, оружия он никогда не держал. Хуша опасен не менее, чем Менги, а его жилистые руки и узловатые пальцы говорили о большом опыте обращения с оружием. Несмотря на то, что он охотник и, наверное, с людьми сражался мало, силы в нём было немеренно. Но от этих безумных мыслей меня отвлек неожиданно созревший в голове ответ. Ведь Слав действительно не является каю.

— Кто-кто? — изобразил я непонимание. — Нет, я не каю.

Оставалось надеяться, что вживаться в роль за эти годы я научился на отлично. Переходить к убийствам с помощью подручных средств, вроде ложки, зажатой в правой руке, совершенно не хотелось. Однако, похоже, ответ оказался удовлетворительным.

— Чем ты занимаешься? Твоё ремесло?

— Обычный рабочий. Я задолжал одному человеку, и должен был... ммм... вернуть долг немного противозаконными способами.

Вот тут я не соврал, ибо действительно всё ещё должен был вернуть должок одному знакомому из Гильдии. Хуша покачал головой, а сзади я услышал ухмылку Менги. Им были не по нраву воров, впрочем, как и всем нормальным людям.

— Ведал ли ты о существовании сего места, Слав?

Мои доселе напряжённые плечи вдруг расслабились, и я едва заметно выдохнул. Обмануть их оказалось проще, чем я думал.

— Никогда не знал.

— Яко путь держать чрез пещеры?

— Я не знаю, Хуша.

Мне уже наскучила это проверка, и я даже осмелился проверить остроту кинжала ногтём. Причём сделал я это, совершенно не задумываясь о последствиях. Похоже, Менги тоже не нравилась игра его отца, так как за пленником он следил невнимательно.

— Как ты в пещерах очутился?

— Меня настигли какие-то огромные твари, издающие странные звуки. Вглубь они не осмелились идти, поэтому у меня был только один выход — идти в темноту.

— Что ты там делал?

— Мне надо было схорониться. Сами понимаете, я ведь немного должен.

— Понятно. Какова твоя дальнейшая цель, Слав?

— Выжить и уйти от врагов.

— Что ж, — Хуша открыл глаза, отпустив мою руку и кивнул сыну. — Прощения прошу я, но мне потребно было ведать помыслы твои. Теперь и ты должен кое-что узнать.

Сунув мне в руки лыжи, Менги, не задерживаясь ни на миг, вышел на улицу. Лезвие у горла пропало столь же неожиданно, как появилось, заставив меня едва заметно выдохнуть. Разговор вызвал гадкое чувство, словно меня искупали в выгребной яме. Однако, стоит отдать должное учителям, вдолбившим в меня искусство перевоплощения и мастерство лжи. К моему стыду, раньше эти уроки я недооценивал.

На лыжах, насколько помню, последний раз катался лет, эдак, ммм... много назад. Никогда в жизни не чувствовал себя большим придурком, нежели сейчас. Краснея на глазах у пялившихся в нашу сторону поселенцев, я тщетно пытался правильно надеть лыжи. В очередной раз неодобрительно покачав головой, Менги сжалился и помог мне.

— Ты с ними управляться-то хоть умеешь? Аль мне опять твою тушку на себе нести придётся?

— Справлюсь! — буркнул я, запоздало поняв, что здоровяк надо мной потешается. Несмотря на его подколки, от Менги исходила некая... злость? Он мне сразу не понравился, особенно его взгляд. Дерзкий, спокойный, можно даже сказать, затаившийся перед броском. Взгляд удава. Этот человек был способен свернуть мне шею при любом удобном случае, и от этого становилось не по себе.

Первое время приходилось барахтаться в сугробах, пытаясь не замечать любопытных взглядов на своём затылке. Вскоре ноги приновились, и падения стали куда реже. От постоянного движения холод уступал, а через некоторое время организм двигался как единый механизм. Ноги вспомнили, что такое лыжи и довольно уверенно шли лыжня в лыжню с Менги. Тем не менее, обморожение я получил знатное — ноги ещё покалывало, и чувствовал я их плохо, а почти зажившая рана на голени добавляла мороки.

Полуденное солнце никуда не делось и щедро разливало свет в океане снега и льда, заставляя щуриться. Мышцы вокруг глаз уже изрядно устали, но если я расслаблялся, то глаза буквально-таки выедало кислотной белизной снега. Менги надел на нос нечто, похожее на очки с узкими прорезями для глаз и сейчас влеготку переносил все тяготы пути.

— Куда мы двигаемся?

— Узнаешь, — еле слышно прозвучало спереди.

Монотонное движение продолжалось долго. Вырывающийся из носа пар оставлял на отросших усах и щетине жгучую изморозь. Сосредоточившись на лыжне, я выпал из окружающего мира, и не сразу услышал окрика здоровяка.

— Стой ты, куда прёшь!

Затормозив в последний момент, я воззрился на Менги.

— Дошли, снимай лыжи.

С первого взгляда мы находились всё на той же ярко-белой полонине с низкими горами слева и справа. Приложив ладони ко лбу, защищаясь от солнца, я смог рассмотреть синеватую гладь моря перед собой. А в тридцати локтях от нас снег словно бы кончался и таял. Столь резкая смена местности меня сильно удивила — словно кто-то рубанул гигантским ножом, создав снежную полонину позади и бесснежное пространство спереди. Со стороны снежной пустыни, вдалеке между деревьями кто-то натянул сшитые шкуры, создав временные убежища. Подобных убежищ мне удалось насчитать не то два, не то три. На фоне слепающего снега сосчитать точное количество было очень трудно.

— Это край нашего мира, — объяснил он, когда мы вместе перешли разделяющую линию.

Тяжесть ушла, а дышать стало легче. Нежданный тёплый воздух окутал, заставив вспотеть. Переступить разделяющую линию снова я не решился, заспешив за Менги. Там, вдалеке, где я заметил постройки, уже на этой стороне тоже что-то виднелось. Присмотревшись, я с удивлением узнал клетки, и, вроде как, распаханную землю, на которой что-то росло. Здоровяк присел на валун, устремив свой взор на беспокойное море. В пяти шагах перед ним оказался крутой обрыв, откуда доносились звуки штурмующих берег волн. Родные звуки живого океана растеклись в воздухе манящей музыкой, а волнующие запахи соли невольно всколыхнули воспоминания Гилима. Жаль, что там меня больше не ждут.

— Присаживайся, — как-то грустно проговорил Менги, не отрывая взгляда от вод.

— Где это мы? А там что за клетки? И скажи, тебе что, не холодно на том морозе? И что с солнцем? Вроде, солнце яркое, но небо облаками затянуто.

— Присаживайся, — Менги пропустил мои вопросы мимо ушей. — Люблю здесь иногда посидеть. Ты замечал, что снег похож на соль? В качестве приправы соль незаменима. Но её хочется выплюнуть, высыпав хотя бы щепотку на язык. Белая пустыня обжигающе холодна, словно бесчувственная блудница в твоей постели. Она никогда не ответит тебе взаимностью, ежели ты полюбишь её. Наш новый дом непостижимо белый и прекрасный, словно полная луна. И столь же чужд и недостижим, как звёзды.

Менги говорил тихо, цедя каждое слово через свои волнения и боль, но вдруг осёкся и замолчал. Я тоже молчал, не зная, что отвечать.

— А чего вы сюда не переедете? — наконец, нашёлся я. — Здесь куда теплее, и места на всех хватит, если расположить постройки вдоль оврага.

— Посмотри вниз, — он кивнул в сторону обрыва.

Внизу, в тридцати сажнях, оказался скалистый берег, на котором белели скелеты.

— Мы называем это место погостом прошлого. В конце Эпохи Первого Солнца множество из нас было разбито о скалы. После того, как мы обжились в вечных снегах, смельчаки спускались вниз, пытаясь найти выход из этого места. Но всё было тщетно. Жить близ кладбища не хотелось никому. Тем паче, мы почему-то плохо переносим воздух по эту

сторону мира и не в силах здесь долго находиться.

— Постой, ты сказал Эпоха Первого Солнца? — улыбнулся я. — Ты ничего не путаешь?

— Захар тоже дивился, когда отец мой вещал ему сию быль, — Менги устало вздохнул, глядя под ноги равнодушным взглядом. — Всё началось очень давно...

Молодой неокрепший мир, словно не вставший на ноги ребенок. За ним нужен уход, нежность, ласка... но порой с ним необходимо быть строгим, нужна сильная твердая рука и изредка стоит наказывать. Рождённый ползать летать не может. Нет, не так... Рождённый ползать всегда грязный.

Когда-то давно, когда еще сам мир только-только учился самостоятельно ходить, когда молодые Боги ещё не ступили на святую землю, бескрайними полями и неприступными горами правили Первые. Легенды о них оставались на устах у единиц самых старых и самых умудрённых... Сказания потомков Первых, гласят:

...Они были одарены мудростью Богов. Они видели вблизи и вдали. Знали всё, что происходит в мире. И изучали все стороны света, небесного свода и лика земли. Их мудрость вызвала зависть молодых Богов, которые не хотели, чтобы Первые с ними сравнялись. И тогда Сердце Небес плюнуло мудрецам в глаза и загуманило их. Отныне они могли видеть лишь то, что вблизи. Так было покончено с мудростью и знанием Первых.

И, сменяя Эпоху за Эпохой, потомки давно позабыли свой род и могущественных предков, которых Творцы наделили невиданной властью. А после и вовсе запамятовали, какова их истинная цель. Они были заняты выживанием в агрессивной окружающей среде после очередной Большой Воды, вызванной бесчисленными противостояниями молодых Богов...

Когда языки солёной смерти вместе с проливными дождями обрушивались на неприступные горы, те не имели права противостоять разрушительной мощи стихии. И скалы невольно склоняли головы, пропуская Большую Воду вглубь материков. Уничтожая страны, стирая с лика старушки земли древние континенты, прокатываясь невероятной силой по скалам, Потоп, невольно подчиняясь Богам, создавал новый мир, новые острова, новые континенты. И новую Эпоху. Эпоху Второго Солнца. Семь недель безостановочно длились варварские набеги морской смерти, и каждый раз оставшиеся в живых двуногие существа, знали, что со следующей волной станет только хуже. Будут новые жертвы, новые крики и новые страдания. Каждый ждал своей смерти, как чего-то неизбежного, но где-то глубоко внутри всё-таки теплилась надежда. Поэтому из последних сил народ киров цеплялся мертвенными пальцами за очередной выступ острых скал, нащупывал ногами во тьме ступень и брёл. Не зная куда, они шли и пытались выжить целых семь седмиц. И выжили, найдя новое пристанище в высокогорьях.

...Было темно, потому что ещё не было Солнца. Молодые Боги разожгли на вершине горы большой костёр. В него должен был броситься тот, кто пожелал стать Солнцем, дабы очиститься пламенем и взойти на небо. И тогда Боги сказали потомку тех, кто выжил: «Попробуй ты, Утун». И Утун закрыл глаза и бросился в огонь. Языки пламени взметнулись до неба. Грянул гром. Боги преклонили колени и молча стали ждать восхода Солнца. Спустя три беспросветных дня, люди увидели, как горизонт окрасился в алый цвет. Но когда Солнце взошло, никто не мог на него смотреть, ибо оно слепило глаза, низвергало и щедро пускало свет, который разливался во все стороны. Так началась Эпоха Второго Солнца.

— Вы что же, получается, Потоп пережили? Это же легенда! Да и он, по слухам, лет 400 назад случился.

— Время по ту сторону движется иначе, — он махнул рукой в снежную пустыню. — Одни сутки в снегах равны примерно 15–20 суткам здесь, на этом овраге. Как я подозреваю, и в остальном мире тоже. Ты, верно, уже заметил те постройки у границы? Это времянки тех, кто следит за здешним садом, зверинцем и банями. Очень удобно, когда звери и овощи растут не по дням, а по часам. Так вот, 25–30 суток в снегах равны одному яру здесь. Так и выходит, что для нас Потоп произошёл не более 19 зим назад. Гнев Богов встретил я, будучи 17-летним сопляком.

Теперь мне пришлось посмотреть на Менги по-другому. В 17 лет он потерял свой дом, народ, обычную жизнь, и мир, в конце концов. По сравнению с ним, мои проблемы казались высохшим плевком на мостовой. Продолжать неловкую тему не хотелось, поэтому я задал вопрос, давно созревший на языке:

— Менги, так всё-таки, тебе не холодно?

Некоторое время он молчал, погружённый в свои мысли, но потом вздрогнул:

— Что? Ах, да... Несмотря на подлость снегов, они даровали мужчинам нашего народа это, — он ткнул пальцем на свой ненормально вытянувшийся затылок. — Он начал расти с первых дней. Из-за этого наши мужчины легче приспособились к зимним условиям. Здесь наши тела покрылись волосами и стали запасаться жиром, подобно медведям. Женщины же похорошели и не могут заболеть никакой хворью. Даже простудой. Старики говорят, наши боги благословили свой народ, даруя возможность выжить, — вдруг Менги треснул кулаками по коленям. — Но все они выжившие из ума глупцы! Боги, коим мы молились, не уберегли свой народ от Большой Воды, и заперли в вечных снегах! Эти лжецы давно отвернулись от нас!

Здоровяк немного успокоился, а его морщины разгладились.

— У нашего народа там, в былой жизни, существовала богиня Айжигаш. Она олицетворяла собой луну и её чтили как богиню мудрости. Когда мы попали сюда, в эти проклятые места, Айжигаш отвернула от нас свой лик! Луна, Слав! Даже луна здесь чужая, ты понимаешь?! Из-за завесы облаков, наши дети никогда не познают, что такое луна!

Я тут же поднял взгляд в небо, силясь рассмотреть её, но вовремя вспомнил, что ещё только вечер.

— Не стоит искать эту предательницу, харип! — рявкнул Менги. — Она того не стоит!..

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — тихо сказал я.

Ответ последовал незамедлительно:

— Кто старое забудет, тому оба глаза.

Помолчали.

— Менги, — медленно начал я. — Откуда вы родом?

— С архипелага под названием Канахусада, но это уже давно не имеет значения.

Я даже слухов о таком месте никогда не слышал. Большая Вода сделала своё дело, и островов давно уже не существовало.

— Признаюсь, до этого момента я считал Большую Воду чем-то вроде сказок. Впрочем, как и большинство людей в мире.

Моих слов Менги не слышал. С горящими ненавистью глазами, он неотрывно смотрел вперёд, силясь рассмотреть что-то за горизонтом.

— Нам пора, — поднявшись одним движением, процедил Менги.

Не став дожидаться, пока я надену на себя тёплые вещи, сын Хуша шагнул на сугроб и исчез. Снег блестел, но Менги исчез, словно его и не было. Разволновавшись, я быстро запахнул доху, надел рукавицы, подтянул повыше шарф и тоже шагнул следом за Менги, тотчас натолкнувшись на него.

— Твою же!.. Я же сказал, что тут время замедлено! Для тебя там прошло полдня, а для меня едва ли миг!

Половину слов из его тарабарщины я не понял, поэтому приходилось догадываться.

— Извини, не привык...

Похоже, ему надо было просто выпустить пар, так как он не слушал моих оправданий, ворча что-то себе под нос. Солнце снова нещадно играло бликами на снегу, отчего пришлось натянуть шапку пониже. До Надежды добрались быстро. Либо действительно дорога назад всегда короче, либо передвижение по своей лыжне сказывается. К этому времени щёки успели превратиться в ледышки. У поселения нас уже ждал Хуша.

— Как твои ноги? Егда тебя к Надежде мой сынку принёс, они были паче обморожены. Мы сделали всё возможное, и ты шёл на поправку. Но когда ты по дурости своей нагим вылез в ночную стужу... Благо, вовремя спохватились, и ты недалеко ушёл. Ноги шибко скверно выглядели, даже подумывали, уже не спасём.

— Так это мне не привиделось!? — удивлённо воскликнул я, незаметно для себя краснея до ушей.

— Нет, дурья твоя башка. Даже полумёртвым ухитрился садануть сынку моего так, что он дале сутки дышать привычно не мог.

Я с удивлением покосился на Менги.

— Не-е-ет, — протянул мужчина, — То был не Менги! Чаво этому лбу станется от твоих затрещин! — Хуша небрежно махнул рукой на здоровяка, гордо скрестившего руки на груди.

— А кого я тогда?..

— Кумекаю же, сынку моего! Эвилулу! Но ты не беспокойся, всё с ним нормально! Чай, не бабёнка, а мужик! Ну ладно, хватит трепаться. Идём, вече ждёт.

— Не удивляйся, у меня пять братьев, харип, — промолвил Менги, когда мы поспешали за спиной Хуша. — Себба, Эвилулу, Сабаф, Даарг и Савтех.

— А вы не путаетесь в их именах? — ляпнул я, сохраняя легенду глуповатого рабочего по имени Слав.

Менги как-то странно посмотрел на меня, но ничего не ответил. Я же не решился продолжать натянутый разговор. В иглу, где мы завтракали, собралось несколько человек, расположившихся вокруг заставленного низкого стола с яствами. Едва нос уловил запах еды, живот подал признаки жизни. Несмотря на недавний приём пищи, желудок снова хотел есть.

Надышали в иглу так, что впору снимать верхнюю одежду, что давно сделал Захар, сидевший на дальнем углу стола близ Хуша. Для меня оставалось загадкой, каким образом столько отапливались помещения эти необычные иглу с дырой в крыше, но времени изучить мне пока не представилось.

— Так вот каков новый харип, — сказал старичок, приоткрыв веки и уставившись в меня своими живыми блестящими глазами. — Я — Хам, сын Йерида, отец Хуша и дед Менги. Тебя Славом кличут?

— Точно так, — растерявшись, я даже чуть поклонился дедушке здоровяка.

— Отец, — продолжил прерванный разговор Хуш, — всё же на своём слове стою я,

дабы мы оставались в Надежде. Негоже нам совать носы в этот вертеп поганый. Ложиться брюхом кверху твари на радость я не собираюсь.

— И что же ждёт нас, сын?

— Уверен, Боги в скором времени...

— Богам плевать на нас, отец! — не выдержал Менги, а его мощный голос эхом отразился от ледяных стен. — Мы трясёмся здесь, как испуганные кролики, уже 19 яров!

От негодования Хуш резко подался вперед, облокотившись на стол:

— Мы неоднократно высылали киров в пещеру, но никто так и не воротился! Ты предлагаешь пустить под нож весь наш род? Нас осталось совсем немного, Менги! Каждый кир на счету!

— Но Боги не защитят нас здесь, отец! Нас оставили медленно подыхать, как больную свинью!

— Тишина, — как-то вяло проговорил Хам своим тихим голосом с хрипотцой, но неожиданно озеро тишины затопило помещение. — В словах Хуша слышу я водопад истины, — в этот момент Хуша приосанился. — Но и мысли твоего сына подобны ветру — столь же остры и неумолимы. Мы не можем принести на жертвенный алтарь весь наш род, но и медленно гнить больше нельзя.

Он сделал небольшую передышку и с продолжил:

— 19 зим мы жили, надеясь на милость Богов. Уверен, они делают всё возможное, дабы спасти свой народ. Но возьми слово для меня, сын, что есть число 19?

— Оно означает количество воплощений Бургана в мире смертных... — тихо произнес Хуша.

— Это знак, сын. Бурган подаёт нам знак, что пришло время действовать.

— Но что мы можем?

— Именно поэтому здесь присутствуют Захар и Слав, — на нас тут же скрестились взгляды собравшихся. — Поведайте, что же нам делать.

Простым пересказом нашего злоключения не ограничилось. Наперебой кiry задавали уточняющие вопросы, такие, как «сколько ударов сердца прошло между касаниями твари?», или «тварь хохотала, или стрекотала?». Были совсем уж глупые, вроде «какая на вас была одежда?» и «вы шли справа или слева?». Как и следовало ожидать, наши ответы не удовлетворили любопытства киров, которые хмурили брови и разочарованно чесали вытянутые затылки.

— Отец, это безумие, — наконец, нарушил тишину Хуша. — Может, погань не трогает людей и чует только киров?

— М-м-м-м... — сросшиеся брови Хама сдвинулись к переносице. — К сожалению, у меня нет ответов...

Снова наступила тишина, в которой был слышен тлеющей фитиль жирника и потрескивающий костёр.

— Значит так, — проскрипел Хам. — Длань Бургана благословит в последний поход отроков наших, — при этих словах зубы Хуша скрипнули, а кулаки сжались. — Вместе с двумя харипами в вертеп отправятся Менги, Даарг и Литос.

— Отец, сие сумасшествие! Не собираюсь я посылать двоих сыновей на погибель верную!

Хам медленно перевёл взгляд на Хуша и прищурился:

— Сын, ты меня слышал. В поход отправляются Менги, Даарг, Литос, Слав и Захар

Харипы должны помочь вам осилить поганую силу твари.

Как я понял, мнение старших здесь было непререкаемым. Взгляды вдруг снова скрестились на нас с Захаром, а нам очень сильно захотелось спрятаться под стол. Мне не нравилось, что на нас повесили такую ответственность, даже не спросив. Мы и понятия не имели, как это получилось и что делать теперь. А может, отказаться? Отказаться и остаться в этих бесплодных снегах на всю жизнь? А то и на всю Эпоху Второго Солнца?.. Вдруг закралась подлая мыслишка. А почему нет? Каргалы меня здесь точно не достанут, а спустя пару месяцев по ту сторону пройдет несколько лет и все обо мне позабудут. Подожди пару лет в снегах и Ингул с Бритвой умрут от старости. Не успел я развить мысль дальше, как меня прервал Хуша:

— Я понял, отец.

— Кхм... — я прокашлялся и на мне тут же скрестились взгляды всех присутствующих. — Думаю, следует переждать какое-то время, — губы обжигал яд лицемерия, но слов уже не вернуть. — Те люди, что охотились за мной, просто так от своей цели не отступают. К тому же, по вашим словам, я понял, что Захар тоже кто-то преследует?

— Дюжины суток, думаю, хватит, — после небольшого раздумья, ответил Хуша. — На той стороне пройдет, по меньшей мере, пол яра.

Я задумчиво покачал головой — этого мало, однако чувствовалось, что на большее рассчитывать не стоило.

— Что ж, считаю вече оконченным, — проскрипел Хам.

Вопреки ожиданиям, никто не встал из-за стола и не полез в маленький лаз наружу. Наоборот, все поудобнее устроились и потянули руки к заранее приготовленным курительным трубкам в центре стола. Я один удивленно переводил взгляд с одного кира на другого, когда заметил скривившееся лицо Захара. Его словно заставляли съесть суп из вонючих жуков и плавающими в нём ещё живыми червями. От такого сравнения лицо само собой скривилось, и в этот момент трубку в мои руки сунул Менги.

— Первыми отведать должны гости. Это традиции наши.

Что на запах, что на вкус, было похоже на перегнивший болотный мох. Спустя некоторое время на языке расцвёл сладковатый аромат калужницы, сменившийся обычной древесной корой. Едва гости отведали местное курево, хозяева выпустили клубы ядовитозеленого дыма.

— Ничто не может так скрасить вечер, как дородная женщина, добрая чарка шоги и сладкий шаркис! — с закрытыми глазами пробормотал Хуша, выпуская зловонные пары.

Если это они называют сладким, то мне страшно предположить, что, по их мнению, значит горький. Впрочем, Захар был такого же мнения и давно уже отложил трубку от себя подальше. Начало церемонии, какой бы странной она ни была, положено. Дальше — дела хозяев.

Время пролетело незаметно. Настроения в Надежде витали разные, но большинство надеялось на нас, как на посланников Бургана. Называть нас стали не иначе, как «ыдык», что означало «святой» или «благословлённый». Так же выяснилось, что здоровались кiry совсем необычно для меня. При встрече, младший по возрасту протягивает руки ладонями вверх, в то время, как старший кладёт сверху ладонями вниз, пожимая у локтя. Однако здоровались подобным образом они лишь при первом знакомстве и на новый год, который

они называли Шагаа. В остальные же дни касались левой рукой своего живота. Этот жест означал, что ты уважаешь кира и готов угостить его у себя дома в любое время. Еда, живот, тепло и костёр у киров играли наиглавнейшую роль в быту. К примеру, живот сравнивали здесь с теплом и огнём. Объяснялось это тем, что, насытившись, живот согревал кира, отчего внутри него начинал пылать костёр жизни. Восход же означал начало новой жизни. Костёр киров тоже называли «ыдык», и считалось, что нельзя делать никаких похабных вещей, если огонь на тебя смотрит. Плевать, бросать что-либо в огонь, что может его оскорбить, считалось грехом почище воровства или убийства. Вместо этого киров проводили интересные обряды. Перед охотой, зачатием ребёнка, каким-либо начинанием, в общем, перед чем-либо значимым, они разжигали большой костёр и кидали в него еду и пахучие растения. Иногда просто выкладывали всё это рядом с костром, не бросая в него ничего. В воздухе начинали витать тяжёлые ароматы и тягучие запахи еды, что должны были задобрить духов и благословить киров в их начинаниях. Часто во время обряда пели песни или выбивали ритм на дхолах. Но все эти традиции появились относительно недавно, а на их родном архипелаге Канахусада они были немного иными. Эти стойкие люди не жили прошлым, понимая, что нужно двигаться дальше, несмотря ни на что.

За первые месяцы после конца Эпохи Первого Солнца, они занялись самым главным — добычей еды. Горные козлы, медведи, олени и зайцы стали хорошим подспорьем в выживании, а мех животных спас детей и женщин. Улыбчивые рыбаки, жилистые скотоводы и мирные землепашцы превратились в суровых охотников и собирателей. А милые краснощёкие матери и умелые пряльщицы войлока в прекрасных хранильницах домашнего очага. С каждым днём узнавая о кирах, я убеждался в том, что мои проблемы — ничто, по сравнению с тем, что довелось пережить этим стойким и невероятным людям. На первую зиму жизни, они сочинили стихи в память о своей земле. Назвали предание соответствующе — Сказание о потерянном крае.

Тысячелетиями жили мастера
В архипелагах странных, недоступных взору.
Не знали бед, несчастий, зла.
И мчались брату на подмогу.
Со златистым солнышком смеялись,
Да с луною под ручку ходили.
Со врагами знать не знались,
Краснощёких дев любили.
Рыбаки и скотоводы,
Землепашцы и их жёны —
Всех любили духи, боги.
Едва костры были сожжены.
Но не вечен оказался край.
Бурган, их молодец, защитник,
Не смог он отстоять свой край.
И шли враги! Всё ненасытней!
И поднялась волна большая!
И пошатнулись горы-исполины!
Сказали люди: «Пришёл конец этому краю.

Но не укрыться нам среди долины». И победили бы чужие боги, Отдав людей на растерзанье буре! Не окажись у бога силы воли, Чьей мощью скал он остановил море. Разгоралась битва, подобно танцу змей. Исподтишка водой хлестали злые боги. Им вторили другие, что позлей. Бурган, ты защитил нас всех, убогих. И не отдал на растерзанье тех, кто послабей. Отрадны сердцу были реки, горы. Цветы, что пахли, аки девичья коса. И море, когда уходят все невзгоды. И дети, что ручки тянут в небеса. Теперь пред нами бела пустошь, И серо небо над главой. Когда же мы увидим речки-златоусты, И дом, что уничтожен был волной?

Каждый кир знал это предание наизусть, передавая его потомкам. Они верили, что у народа, забывшего своё прошлое, нет и будущего. Признаться, первый раз услышав его, было очень трудно прийти в себя. Каждое слово предания несло в себе боль, высекая раны на сердце. А Захар ничего не стеснялся и по его щекам текли слёзы всегда, когда он слышал эти строки.

Первые дни, дабы не быть обузой, мы с Захаром пытались помогать кирам. Менги, взявший нас в оборот, долго ругался на двух оболтусов, не умевших пользоваться своей бестолковкой и клешнями. Да, не умеем мы свежевать на таком морозе тушу оленя, чтобы та не успела замёрзнуть, но ведь не живём мы здесь 19 яров! В итоге, Менги показал нам замёрзшее озеро и с тех пор мы каждый день рыбачили, отмораживая задницы.

Захар оказался неразговорчивым и замкнутым. Разговорить его оказалось сложнее, чем заставить рыбу прыгать прямиком в подставленные руки. Смуглый мужчина на любой вопрос отвечал либо односложно — «да» или «нет», либо расплывчато, либо не отвечал вовсе. Захар явился с востока, откуда именно — говорить не хотел. Обмолвился только, что был богатым, а потом что-то случилось и ему пришлось убежать от наёмных убийц. Не зная правды, никогда бы не усомнился в его словах. Лгать он умел великолепно.

— А сам ты откуда?

— Из деревушки на севере, — решив придерживаться легенды, начал я скармливать очередную ложь. — Пару седмиц назад наш дом сгорел, и пришлось переезжать. Влезли в долги, а там ты всё уже знаешь...

— Ага...

В такие редкие разговоры мы напоминали двух сладкоречивых гиен, что хотят вцепиться друг другу в глотки, но вынуждены ждать подходящего момента, переглядываясь друг с другом. Мы оба понимали, что врём друг другу, и часто встречались взглядами, пытаясь что-то в них отыскать. Наверное, правду.

Покрутив в руках нож для разделки рыбы, я скосил взгляд на Захара. Он о чём-то

задумался, не моргая, глядя на лунку, из которой торчали еловые ветки. «Я очищу тебя не колеблясь, если ты начнёшь меня в чём-либо подозревать», — пообещал я в пустоту.

С тех пор приходилось быть настороже и спать вполглаза. На четвертый день мы приспособились к суровым холодам и познакомились со всеми кирами. Для них мы были сродни свежему воздуху в накуренном помещении, и они не оставляли нас ни на мгновение. Всего в поселении насчитывалось 114 киров, из них 57 пережили Потоп, а остальные были уже рождены в Эпоху Второго Солнца и просто-напросто не знали иной жизни. Тогда Хам пояснил нам, почему мы говорим почти что на одном языке. Оказалось, кирвит являлся предком сепакхийского и за четыре столетия претерпел совсем небольшие изменения. Из чего Хам сделал вывод, что кто-то из их народа не разбился о скалы, а смог выжить на более приветливых берегах. Правда, все они давно уже умерли, неоднократно перемешав кровь с аборигенами и другими выжившими.

Каждый вечер нас с Захаром приглашали на посиделки у костра, раз за разом выслушивая одну и ту же историю о похождениях в пещерах и жизни в ином мире. Обкуренные сладким шаркисом и выпившие не одну чарку шоги, кiry изo дня в день изумлялись нашим приключениям, словно слышали их в первый раз. Захар завоевал большую любовь у киров своей посеребрённой головой, и тем, что он сильно на них походил. Та же смуглая кожа, та же бородка завивкой, те же чуть выпученные чёрные глаза и кучерявые волосы. Впрочем, мне это было только на руку — привлекать внимания я не любил, предпочитая слушать и втираться в доверие. Потолкавшись среди киров, собрал данные, послушал, поговорил, кинул удочки и вёл себя просто как обычный человек. Ну что ценного они могли мне сказать, живя в узком кругу в отрыве от других народов? Поэтому, как только Захар начинал рассказ, в красках описывая все свои злоключения, я потихоньку смывался.

Вечерело в царстве снега слишком быстро даже для сепакхийской зимы. А какие наступали холода с уходом солнца, и говорить не стоило. Именно в такую погоду я надевал лыжи и уходил от лагеря на версту на север. За озером высилась в десяток саженей древняя каменная лестница с небольшой ровной площадкой на вершине. Менги показал её мне на второй день, сказав, что Большая Вода уничтожила всё остальное. Город ли это был или какая-то башня, уже никто не скажет. Использовать её не решились, опасаясь злых чар, что уничтожили Эпоху Первого Солнца. Я не верил в духов прошлого, и мне было плевать на суеверия киров, поэтому я не опасался приближаться к башне. В плоском мире снегов она словно позволяла мне достать звезды, ведь в эти редкие моменты я возвышался над всем белым миром. Мои руки были способны коснуться холодного света звёзд, позволяя чувствовать себя немного всемогущим.

С башни открывался великолепный вид на море, напоминая мне о доме. Мокрый снег оседал на ресницах и отросшей бороде, а пронизывающий борей заставлял вжимать голову в плечи и натягивать шарф на нос. «Закрой глаза и почувствуешь за спиной дыхание», — заманчиво прошептал ветер. Его молва соблазнительно окутала разум, и я подчинился. Каю не должен бояться какой-то твари во тьме. Тем не менее, воспоминания ещё слишком красноречиво дышали меж лопаток и скользили по горлу тонкими пальцами. Но порыв борей оторвал от горла пальцы твари, унеся с собой её дыхание. Сзади больше никого не было. Лишь только всё та же ледяная полонина, теряющаяся во мраке ночи.

По снежной равнине прокатился взрыв хохота из поселения, напоминая, что пора бы уже возвращаться. Завтра с утра мы выступаем, как бы нам этого не хотелось. Крепкий ветер изo всех сил пытался не дать мне найти собственную лыжню, кидая в лицо пригоршни снега

и задувая лёд в глотку. Похоже, с наступлением сумерек не засыпала только погода, выдавая шёпот заверти за разговоры людей.

— Ты снова играешь со мной, ветер? — прошептал я, отгоняя мираж.

— ...Захар его опознал. Не доверяй ему.

— Но отец! Ты ведь сам говорил: «Судите их по действиям их». К тому же, ты ведь проверял его, и в нём не было лжи!

Тихий разговор заставил меня неуклюже сбиться с лыжни и попробовать снег на вкус. Видимо, в эту ночь не спал никто, — думал я, отплёвываясь от снега за сухими ветвями какого-то растения.

— Ты иногда кажешься мне наивней дитя малого! Все имеют право на ошибку, сын. Я тебе позже всё растолкую. Где он?

— Как и всегда, на вечерних посиделках, байки с Захаром травят.

Надежда на то, что разговор вёлся не обо мне, растворилась, как сахар в кружке кипятка. Ветер хлестал по лицу тугими пальцами, искажая звуки, и приходилось напрягать слух, но подступающий холод отвлекал. Он уже окутал ледяными простынями пальцы ног и медленно карабкался выше.

— Следи за ним в оба, но действий пока не предпринимай, уяснил?

— Да, отец.

Судя по наступившей тишине, разговор был окончен. Вернувшись на лыжню, я медленно заработал палками. Настроение испортилось, и торопиться совсем не хотелось. Впрочем, эти игры масок уже изрядно затянулись. Оставалось недоумевать, почему же я до сих пор жив, если Захар знал обо всём с самого начала? В последнее время ответы стали для меня слишком большой роскошью. Беглец вновь был вынужден встать на четвереньки и оскалиться, превратившись в крысу.

Сон получился беспокойным, а продрал глаза я ещё до рассвета в отвратительном настроении. Когда шаги превратились в кряхтение Менги, пролезающего в иглу, я уже был готов к выходу.

— Добре, — буркнул Менги, оглядывая меня. — Идём, с семьёй надобно проститься.

Вокруг костра, где мы каждый вечер рассказывали, шутили и говорили о внешнем мире, собралось всё племя. Хуша и Менги упорно называли это семьёй, но никак не племенем. Последнее они считали унижением и оскорблением их народа. Спиной к костру стояли Хам и Хуша, чуть поодаль ещё трое старейшин. От костра тянуло тяжёлыми ароматами артыша, шаркиса, а также в воздухе витали слабые нотки молока, приятно обжигая ноздри.

— Дети мои! 19 зим назад Боги принесли в жертву наших благородных мужей, счастливых жён и краснощёких отпрысков! — воздел руки к небу Хам, увидев подошедшую группу смертников. — Боги отдали в лапы водной стихии наш дом, а ветер выкорчевал с корнем наше прошлое! Но ничто не делается в нашем мире напрасно! Боги все эти зимы испытывали нас, и, наконец, последнее, 19 воплощение Бургана даровало нам знак! Два харипа сделали то, что было не под силу ни одному киру доднесь! Они дали бой пещерной тьме и смогли одержать победу! — тут по семье киров пронёсся одобрительный возглас. — Отныне посланцы Бургана могут провести с собой троих киров! Вече выбрало Менги и Даарга, сыновей Хуша, а также Литоса, сына Шенуэй! — Снова рокот толпы на некоторое время заложил уши.

Интересно, сколько Хам готовился к этой речи? Мы с Захаром стояли красные до ушей,

пока он озвучивал чистой воды ложь. Впрочем, он-то как раз, наверное, и верил во всё это. За размышлениями я не заметил подошедших старейшин и пришлось в спешке склонить голову, когда они надевали нам на шеи какие-то обереги. По три чёрных треугольных камня с двух сторон встречались посередине, зажимая в тисках прозрачный камень, внутри которого поблёскивала зелень.

— Да сохранит ваши души священный яхонт нашего родного дома! Камни Эпохи Первого Солнца несут в себе неугасающую силу Бургана, и они не позволят тьме совладать с их носителями!

По толпе киров пронеслись шепотки и благоговейные вздохи. Они и не подозревали, что старейшины до сих пор хранили частицу их родной земли. Пока я был заморожен игрой пламени в сине-зелёном камне на шее, начался странный обряд. Вперёд выступили кiry с чем-то, похожим на дхолы и в ночи медленно зарождался ритм. Мужчин со странными инструментами в руках, стоявших позади барабанщиков, я сперва принял за обычных провожающих, но в какой-то момент они зажали в губах эти инструменты и в ритм барабанщиков добавился уникальный звук.

— Это хомус, — прошептал кто-то на ухо, но я не услышал, ведь теперь в странную смесь звуков вплетался голос Хуша.

Это не было похоже на пение. По упоённой музыкой снежной пустыне, разгоняя ночной мрак, разливались низкие протяжные горловые звуки. Играя губами, Хуша изменял звучание, вплетая новые мелодичные нити в арию льда. Надрывавшиеся музыкальные инструменты и горло Хуша были похожи на извивающихся змей — одна ошибка и мозаика ворожбы могла рассыпаться. Думать об этом не хотелось. Хотелось наслаждаться звуками, ведь один за другим кiry подхватывали незамысловатые звуки, подстраиваясь под ритм.

Крепёndo необычного обряда разгоняло сумрак, а оранжевые языки рассвета уже поигрывали на верхушках иглу. Музыканты на несколько мгновений стали играть громче, когда Менги прыгнул через костёр. По обычаю киров, священный огонь очищал душу и даровал защиту от злых духов. Наверное, так же думали все предыдущие смертники, которых посылали в пещеры?..

Следом пришлось прыгать мне. Под таинством необычной музыки, я не успел запомнить свой прыжок, как на другой стороне костра стояли уже все пятеро добровольцев. Хуша и ещё несколько десятков глоток, наконец, допели одну им известную мелодию и всё вдруг стихло. Только пронёсшийся ветерок колыхнул костёр, языки пламени которого принялись танцевать. Я ожидал продолжения, вглядываясь в непроницаемые лица Хуши и старейшин, но они словно замерли, а барабанщики продолжали навязывать снежной пустыне тихий, прощальный ритм.

— Нам пора, — бросил Менги, надевая лыжи. — Очистившись огнём, мы перестали принадлежать семье. Отныне пути назад нет.

Сборы оказались быстрыми, и вскоре нам в спину дул попутный утренний ветер. Ни один из провожающих не сказал нам во след ни слова. В свою очередь, никто из нашего отряда так и не обернулся назад. На душе почему-то было гадко.

До южных границ снежной пустыни пришлось добираться двое суток. За это время Захар своим нытьем достал всех. То он уставал и его чуть ли не должны были нести все остальные, ведь у него четыре богатые усадьбы, сотни слуг и столько же охранников. То он отказывался есть жирное или сухое, видите ли, без приправы и соусов вельможа есть

брезговал, а подавали ему мы вообще неправильно и неприлично. Что-то настораживало в его поведении. В Надежде он беспрекословно исполнял любые приказы, будь то порыбачить на холоде, отморозив сидалище. Мне почему-то показалось это очень подозрительным. Как будто он играет роль, но цель этой игры ускользала. Вспыльчивый Даарг хотел было наплевать на святость Захара, кинувшись с кулаками, но мы кое-как удержали кира. Негоже было начинать поход с драк.

После того, как он нажаловался на нас, пришла очередь жаловаться на снег, ветер, солнце, воздух, в общем, на всё остальное. Однако, когда не выдержал и Менги, Захару пришлось спрятать голову в плечи и целый день от него нельзя было добиться и слова. Но на следующее утро он продолжил, хоть и тихо, так, чтобы его не услышал Менги. А так как Захар шёл по лыжне за мной, слушать пришлось мне и замыкающему наш отряд Литосу. К слову сказать, Литос оказался самым молодым из киров — ему только-только исполнилось 22. Потоп он пережил, будучи трёхлетним пацаном, о чём говорила его старая травма — чуть вогнутый слева череп и неправильно сросшаяся бедренная кость, из-за чего он едва заметно прихрамывал. Парнем он оказался веселым, и располагать к себе умел. В общем, мне он понравился.

Как выяснилось, младший брат Менги, Даарг, во всём поддерживал старшего. Отличить их у меня бы не получилось никогда, не будь Менги выше нас на несколько голов. Впрочем, если Менги ненавидел богов и винил во всех невзгодах именно их, то Дааргу передалась набожность его отца, и он молился по вечерам неизвестным мне богам и духам. Менги лишь фыркал и отходил подальше, быстро придумав себе очередное важное дело.

Погода тоже подкидывала свои гадости. Двое суток злилась буря, отбрасывая нас с Захаром с лыжни. Кирам пришлось сцеплять нас к себе верёвками и усиленно молиться по вечерам, когда буря стихала. Сперва Даарг и Литос разжигали большой костёр, подкидывая в него кусочки еды, а также какое-то растение, постоянно приговаривая «оршээ-оршээ». Самое интересное то, что подкидывать нужно было снизу, иначе можно оскорбить костёр. После Литос доставал хомус и вечер окрашивался цветами музыки. Ни один кир не имел права называться киром, если не умел играть на хомусе и воспроизводить горлом звуки, называемые хомэй. Эти слова даже были однокоренными, что только усиливало их родство и неразлучность. Помогая Литосу, Даарг затягивал длинную ноту, из-за отсутствия барабанов хлопая в ладони или по коленям.

Наступивший вечер вторых суток открыл перед нами величественную серую скалу, горделиво возвышавшуюся перед нами. Затянутая белой поволокой снега и оранжевыми отблесками заходящего солнца, она словно говорила: «Ты не пройдёшь». Погода, наконец, угомонилась, однако я, как никто другой, знал, что это затишье перед новой бурей.

— Говоришь, тьма скрадывает эту тварь?

Скинув тюк у валуна, спросил Менги, разминая плечи. Он выглядел так, словно готов был прямо сейчас пойти на разборки. Витавшее в воздухе напряжение можно было потрогать. Даже занудный Захар подошёл к Менги, с которым у него немного испортились отношения, без тени страха. Его лицо не выражало былой важности и лицемерия, что так раздражало всех в их небольшом отряде. Брови его сошлись на переносице, а глаза буравили зияющий темнотой проход. Погода не властвовала над пространством близ этой пещеры, так как снег отсутствовал, словно соль, сметённая со стола заботливой хозяйкой. Даарг и Литос неотрывно смотрели в тёмный зев, словно вот-вот оттуда должен появиться монстр. Порыв ветра нежной рукой отодвинул хлопья снега с валуна неподалёку, обнажив плетёные из

какого-то растения причудливые узоры.

— Не трожь, — остановил меня Даарг, схватив за плечо. — Это эреге, они отгоняют тварь и других злых духов.

— Выступаем на рассвете, — отрезал Менги, стараясь избавиться себя от выслушиваний глупостей про духов, в которых он не верил.

Солнце в этих местах садилось рано и неожиданно. Вот только начинает темнеть, и не успеешь обернуться как покрывало тьмы уже обволакивает снежную пустыню. Костёр на этот раз оказался вдвое больше, чем раньше, и со всей своей мощью коптил два валуна, между которыми его разжёл Даарг. Наверное, он опасался твари, что могла наведаться в лагерь ночью. Я, почему-то, был уверен, что такая слабая преграда не станет серьёзной помехой для этой твари. Но разгадка пришла сама собой, когда в воздухе разлились ароматы артыша с молоком, а ночной мрак поддался под напевом Даарга. Он снова затянул длинную ноту, но на этот раз она казалась одинокой карликовой берёзкой, что мы встретили вчера по пути. Голос Даарга колыхался во мраке, подобно тонким веточкам берёзы под порывами борея. Бухнувшись рядом, Литос бросил:

— Негоже шуметь здесь. Волков шибко много, — он кивнул куда-то во тьму. — Благо, с зарницей мы покинем эти места.

— Волки!? — не на шутку струхнул я, принявшись оглядываться.

— Не волнуйся, они не нападут. Нас слишком много, к тому же рост Менги напоминает им бера, а к местным берам волки даже приближаться опасаются.

Берами кыры звали медведей, как я успел узнать за эти две седмицы. «Беры живут в логове бера, то бишь — в берлоге», — как некоторое время назад объяснил Менги, дивясь нашей глупости.

— И долго они нас преследуют?

— С первого же вечера, как мы начали духов задабривать. Обычно, на охоту мы ходим очень осторожно и тихо, но днесь следует соблюдать обычай.

— Надеетесь, что тварь сдохнет от ваших песен?

Первые мгновения думал, что шутка получилась неудачной, но вдруг Литос забулькал, захлопав по коленям:

— Разумеется, сдохнет, но не от песен, а от моего клинка! И между прочим, это не песня, а молитва.

Спал я плохо, просыпаясь от каждого дуновения ветерка или подозрительного шороха. С утра оказалось, что пещера, к нашему с Захаром огорчению, никуда не делась, а её тёмный зев теперь угрожал острыми зубами по бокам, которые мы не заметили в сумраке. Проход смердел чернотой, с которой совсем не хотелось знакомиться поближе. Надёжная опора в лице трёх здоровых киров вдруг показалась ничтожной попыткой путника защититься от сильнейшего урагана веточкой дерева. Чья-то рука, опустившаяся на плечо, заставила вздрогнуть.

— Не тревожься, на сей раз у вас будет свет.

Литос сунул нам с Захаром по факелу и кивнул Менги. Наверное, точно так же думал тот неизвестный, рядом с которым я нашёл факел в прошлый раз. Не успел я додумать, как своды пещеры, оказавшиеся над нами, вызвали толпу нервной дрожи.

— Ке-ке-ке-ке-ке...

Шея вдруг неистово зачесалась в том месте, где меня облизала тварь. Нервное сопение

неподалеку подтвердило мою догадку о том, что Захар испытывал схожие чувства. Сейчас мы надеялись, что звук нам лишь послышался. Яркий свет заставил зажмуриться, а когда потолок принялись коптить пять факелов, мы приободрились.

— Идём.

Властный голос Менги, эхом разнёсшийся по пещре, добавил нам уверенности, но всё равно что-то было не так. В тот раз я не чувствовал на себе обжигающего взгляда из темноты, как сейчас. Но Менги, вышагивающему первым, всё было нипочем. Мы с Захаром, как самые «важные», шли в середине, а замыкал отряд Даарг. На нервах играло шумное дыхание, а под ногами иногда хрустели мелкие камешки. Нос давно забился пылью и грязью, но никто не смел его очистить, нарушив безмолвие. Эхо оглушало. Темнота сгущалась с каждым шагом всё сильнее, и каждый из нас пытался её рассеять, махая факелом. Всем казалось, что факел медленно гаснет, однако огонь горел так же ярко, как и всегда. Просто сам мрак пытался потушить живительный свет, сгущаясь вокруг него облаком тьмы и уменьшая силу огня.

— Стойте!.. — казалось, громче этого шёпота, резанувшего по нервам, не могло быть ничего.

Все резко обернулись на Захара. Кто-то, перенервничав, даже выхватил оружие.

— Здесь что-то не так. В тот раз тварь забавлялась, словно для неё это игра. Но сейчас...

— Ненависть, — шипло проскрежетал не своим голосом я, а взгляды окружающих были способны прожечь насквозь. — Я тоже её чувствую. Лютую ненависть...

Все поёжились, принявшись оглядываться по сторонам. Однако смоль гасила свет факелов, и казалось, словно мы держим не по большому источнику света, а по маленькой свечке.

— Успокойтесь уже, — сказал Менги. — Надо путь держать. Огонь не вечный.

Вскоре мы вышли в просторную залу. Все немного расслабились, и даже дышать стало как-то легче. Мрак обнимал с такой силой, что стены пещеры появлялись только когда мы подходили к ней вплотную. Потолок утопал в тёмной бесконечности, словно над нами нависали не многие толщи камня, а бесконечное небо, на котором кто-то погасил звёзды.

Даарг и Менги охраняли Захара, а мне выпал жребий исследовать зал с Литосом. Пыль, поднятая нашими ногами, забивалась в нос, отчего все принялись кашлять и чихать. На какое-то время страх отступил.

Из зала вело четыре выхода, и, как всегда, кыры принялись бросать на нас с Захаром взгляды, словно мы обязаны были знать ответ. По недоуменному выражению Захара было понятно, что он, как и я, оказался в растерянности. Решив исследовать зал до конца, мы стали наткаться на останки. Нетронутые костяки в прогнившей одежде наводили на мысли о голодной смерти. Зал удивлял своей величиной, а скелеты встречались в разных позах: забившиеся в углы, распростёртые звёздочкой на спине, и скрюченные у стен. Иногда встречались уткнувшиеся лицом в пол люди, ржавый кинжал которых засел между рёбер. В пещере поселилась тишина, изредка нарушаемая трескающим огнём факелов, шагами и напряжённым сопением отряда. Очередные костяки не порадовали ничем, однако на стене над ними свет факела мельком вырвал часть рисунка. На уровне лица угольком было что-то написано. Но прочитать еле заметные штрихи из-за трясущихся рук смертника я не успел.

— А-а-а-а!!!!

Крик ударил по неподготовленным ушам громом, заставив меня подпрыгнуть. Не

помню, когда успел развернуться и выхватить кинжал, но Литос оказался быстрее и уже мчался в сторону криков. Огни Менги, Даарга и Захара почему-то пропали, но возня и бранные слова из дюжей глотки Менги перепутать было сложно. Видимо, они с кем-то сражались. «Как бы вы друг друга не зашибли», — подумал я и мой факел напоследок махнул оранжевым хвостиком. Брови поползли вверх, а глаза недоуменно косились на красные звёздочки, оставшиеся тлеть на деревяшке. Мир погрузился в липкое болото пустоты, в которое меня неумолимо засасывало. Прежде факел горел яростно, и гаснуть не собирался, а это значит...

— Только не это... — зашептал я срывающимся голосом. — Нет...Нет!.. Пожалуйста, нет!!!

Те ощущения, когда тонкие пальцы стискивали горло, захлестнули с яростью разбушевавшегося моря. Пальцы разжались, и упавшая на пол отныне бесполезная деревяшка заискрилась жёлтыми светлячками, а нападение твари оказалось стремительнее урагана. Колени вдруг подкосились, и пыльный пол поближе познакомился с моим подбородком, вышибая теперь уже искры из глаз. Голоса киров отдалялись с бешеной скоростью, а меня, как какой-то мешок, тащили за ноги.

— А-а-а-а!!!! Менги, Даарг!!! Помоги-и-ите-е-е-е!!!!

Попытки отбиться ногами ни к чему не привели, а тьма разразилась, как мне показалась, весёлыми стрекотаниями. Издалека донёсся ответный крик, и я понял — нас разделили и уничтожают по одному. Тьма оказалась хитрее двуногих обитателей внешнего мира. Воробей, всё-таки, не смог вырваться из лап хищника.

Дышать пылью больше не мог, и кашель выдернул меня из оков беспокойного небытия. В этом мире света не существовало, но тогда зачем я по привычке вертел головой в липкой темноте? Наверное, чтобы пропустить шорох, раздавшийся откуда-то слева. Сердце набатом забарабанило в грудную клетку, а я на целую вечность забыл, что значит дышать. Наверное, так замирают змеи, чтобы в следующее мгновение сомкнуть клыки на горле врага.

Сколько бы я не вслушивался, ничего не происходило. Наконец, вспомнив, что необходимо дышать, вслух выругался. Зря я это сделал. Тут же что-то заскребло по камню в том месте, где ранее появился шорох. На этот раз ждать я не стал и ринулся в противоположную от звука сторону. Выемка в стене так точно повторила контуры моей морды, что на некоторое время отправила меня в небытие.

Ощупав стену после пробуждения, пришлось ещё раз выругаться. Сзади снова послышались булькающие и каркающие звуки. Затем шорох чего-то в пыли и быстрое, прерывистое, кашляющее дыхание. От страха зажившая рана на голени снова заныла.

— Кто здесь?.. — не то от пыли, не то от страха сипло спросил я.

— А-ы-ы-ы-а....

Догадка зудела где-то рядом, словно надоедливый комар над ухом, но это было ложью. Это должно было быть ложью! Исследуя камень за камнем, я продвигался по стеночке круглой комнаты. Выхода из неё, как и надежды, не было.

Пот катился ручьём, и двигаться в толстой одежде было неудобно, поэтому пришлось снять с себя доху с перчатками, сложив их у стеночки. «И как же ты найдёшь их потом»? — запоздало задал вопрос самому себе, продолжая исследовать холодную стену. Отвлекаться в темноте не стоило. Камень, поставивший подножку, не прощает ошибок. Кое-как сгруппировавшись, приземлился на четвереньки, не сдержав ругань. Бульканье передо мной

переросло в мычание и нос познакомился с чем-то увесистым. Удар пришёлся по касательной, но мне этого хватило, чтобы на некоторое время забыть про дыхание через нос. Человек, а теперь я точно был в этом уверен, замычал сильнее, отползая от меня на четвереньках.

— Стой, блин! Это вы, ребята? Литос, Даарг, это вы? Эй!

В ответ человек только заверещал, словно его жрали все демоны подземного мира.

— А-А-А-А-Р-Р-РА-А-А-Г-Г-Х!! Ы-Ы-А-А-А-А!!!!

— А ну не дергаться!

Скрутить его оказалось нетрудно. Отмахивался он яростно, пару раз мне даже попало по уху и в лоб. Но опыт решил исход борьбы и вскоре мужчине удалось уgomонить. Во время борьбы пальцы неоднократно скользили по оголённой волосатой коже, но я не хотел соглашаться с чувствами, отгоняя навязчивые мысли. Пятерня медленно поднялась к голове, и с каждым вдохом мозаика страшной реальности складывалась в цельную картину ужаса. Короткие волосы Литоса изрядно пропитались потом, сажей и пылью, прилипавшей между пальцами.

— Литос! Литос, это я, Слав!!! Мы здесь одни, никого больше нету! Литос!..

Услышав своё имя, или, скорее всего, громкие крики над самым ухом, кир принялся со страшной силой извиваться. Сейчас я пытался воспринимать чавкающие, изредка прерываемые звуки никак не за расквашенное об пол лицо...

— Успокойся же ты! Хватит!!!

В отчаянии я схватил того за волосы, но кир лишь рванулся чуть сильнее, оставив в моём кулаке клочок волос. Очередная попытка остановить безумца стала ошибкой. Я потерял равновесие, а освободившийся кир опрокинул меня на спину, вцепившись в горло. Зачем-то открытые глаза пришлось в срочном порядке закрывать — капающая кровь уже обагрила часть лица и одежды.

— Ш-ш-ш-х-х-х-и-и-а-а-ы-ы-р-г-х!!

Посыпались остатки зубов, а также вязкая слюна и кровь пытались проникнуть в рот. Отпихнуть дюжего силача не представлялось возможным. Кир был на порядок сильнее, а все приёмы борьбы почему-то вдруг забылись. Нехватка воздуха сдавливала грудь болью и вновь всплыли воспоминания моего первого посещения пещеры и встречи с тьмой. Те же пальцы, те же ощущения, тот же смрад...

Но неожиданно хватка ослабла. Неужели к Литосу вернулся рассудок?! — взмолился я, судорожно вдыхая. Сейчас я старался не думать, что вместе с воздухом в лёгкие попадает пыль и каменная крошка, а в желудок сплошным комком проваливаются чужие слюны и кровь вперемешку с обломками зубов.

— Литос, ты как?

Горло еще сипело, но членораздельно говорить я мог. Сидевший сверху безумец не двигался, и, похоже, даже не дышал. Некоторое время я тоже сохранял неподвижность, пытаясь отдышаться.

— Ке-ке-ке-ке-ке-ке... — едва слышный смех взорвался эхом воспоминаний, и я вцепился в камень, истово мотая головой в разные стороны. Тварь была слишком близко! Видимо, кир тоже слышал голос, причём не первый раз, так как одним прыжком оказался у дальней стены, завыв раненым волком. Чужой взгляд, подобно ножу, скользил по коже, оставляя невидимые раны. Ты, тварь, от которой пришлось спасаться бегством в прошлый раз! Больше я не убоюсь твоего голоса, а твои прикосновения не высосут силы из моей души!

Пальцы больше не коснутся моей шеи, потому что они будут отрублены!

Услышав эти мысли, тьма надменно застрекотала. Все воинственные мысли, что я так долго вдалбливал в себя на протяжении двух седмиц, испарились, подобно воде в пустыне. Оклемавшись от столь быстрого поражения удалось очень просто. Похоже, я был готов к нему с самого начала. Что-то испугало Литоса, и эхо его завываний несколько раз пронеслось по круглой пещере. Ничего не было видно, но я знал — тварь внимательно следила за моими передвижениями.

Когда нога нечаянно пнула что-то деревянное, во мне вспыхнула надежда. Факел оказался приятной неожиданностью. Быстрее, ещё быстрее! Даже волосы на моём затылке ощущали медленное приближение твари. Шаря пальцами по земле, меня не заботили кровь, пыль и зубы, рассыпанные в том месте, где мы боролись не так давно. Бессмысленно потратив время, пришлось снова скрутить Литоса и выудить из внутреннего кармана огниво. В этот раз он не сопротивлялся, да и я обошёлся с ним без каких-либо нежностей. Странно, но сейчас я не почувствовал к нему ничего, кроме брезгливости. Пальцы тряслись, путаясь между собой. Первая же искра взбудоражила темноту, заставив меня ощутить её колебания. Темнота сотрясалась в экстазе, словно в предвкушении чего-то особенного. Комок мрака перемещался в самом себе, подобно ледышке в талой воде. Тьма ждала. Ждала следующего шага жалкого двуногого.

Паника с каждым мгновением одолевала, а спешка в подобных ситуациях не лучший советчик. Однако мне было плевать, и руки сами начали делать то, о чём я догадался только после случившегося. Сунув в руки Литоса факел, парой вспышек высек искры, и языки пламени тотчас высветили расквашенное лицо с кровавыми подтёками и безумными глазами. В них отражался огонь неотвратимости. Пламя залило небольшую пещерку оранжевым огнём, а небольшой круглый лаз, показавшийся сверху, поманил к себе загнанную крысу.

Всё произошло слишком быстро. Что-то толкнуло с такой силой, что каменная стена на некоторое время высекла из глаз яркие искры. Истошный вопль боли отрезвил, заставив зажать уши.

— А-А-А-А-А-А-А-А!!!!!!

Облако тьмы, в котором с трудом угадывались очертания четырех конечностей, окутало вопящего от ужаса Литоса. Давящий на барабанные перепонки звук твари на грани слышимости напоминал рычание волка. Тьма быстро гасила свет факела, а вопли Литоса становились всё страшней. «И как он ещё не сорвал горло?» — пронеслась совсем не та мысль. Двигайся! Необходимо двигаться! Света становилось всё меньше, но из рук выкачали всю силу, и они повисли плетью. Вкус собственной крови из прокушенной губы отрезвил, но первые движения всё ещё давались с трудом.

Никогда. Ещё никогда в своей жизни я не карабкался так быстро. А когда оставалось подтянуть ноги, я на мгновение представил тонкие пальцы, схватившие лодыжки, и меня пробкой вытолкнуло из лаза. Задыхаясь от страха, я нащупал стеночку и побежал. Вопли отдалялись, а я растирал мокрые щеки. Прости, Литос. Но что я мог сделать? Я понимал, что никаких оправданий моему поступку не существует, поэтому приходится загнать переживания поглубже.

Я снова в темноте, и меня снова преследует нечто. Пятки засверкали ещё быстрее, когда я представил, что со мной может случиться то же самое. Вдоль стеночки, вправо, вправо, вправо...

Мерзкий хохот и в лицо дохнуло смрадом. Нет, это всего лишь иллюзия! Хватит сходить с ума, это очередная душа! Они приходят, чтобы помочь уничтожить тебя, а потом насладиться твоими страданиями в Нижнем Мире! Бежать, бежать, пока могу! Сбившееся дыхание, топот ног и тишина, обжигающая почище раскалённых углей. Первый раз в жизни каю молился, чтобы тишина закончилась как можно скорее.

Слева пахнуло свежим воздухом. Сквозняка в замкнутом помещении не существует. Не успел я осознать столь простую истину, как ноги дали резкий поворот. Вязкий плотный комок ненависти, пронёсшийся за спиной, я ощутил кожей. Позади что-то недовольно заверещало, отчего из глаз сами собой брызнули слезы, а сердце спряталось в пятки. Лопатки вспомнили чужое дыхание и покрылись холодным потом. Впереди замаячил тёмно-синий свет, придавший мне сил, и из-под ног принялось вырываться каменное крошево.

— Кр-кр-кр-кр!!!

Недовольное бурчание неумолимо догоняло, но в следующее мгновение я прыгнул в комнату, уходя в перекат. Времени привыкать к свету не оставалось. Издав что-то между яростным рыком и писком загнанной букашки, я выхватил кинжал, нацелившись в зияющий темнотой проём. Он выплюнул в индиговую пещеру извивающийся комок мрака, заставив меня отшатнуться. Весь боевой дух куда-то пропал, руки предательски затряслись, а ноги сами собой принялись пятиться, пока спина не упёрлась в стену. Щупальцам бездны не нравились прикосновения даже такого скупого освещения, поэтому сгусток проворно вполз обратно. Погасить этот свет ему было не по силам.

Пещерка оказалась усеяна грибами, под большущими шляпками которых занималось синеватое свечение. По комнате медленно перетекала индиговая волна — каждый гриб на некоторое время угасал, а его сила словно бы перетекала в рядом растущий. В воздухе маленькими звездочками кружили сине-зелёные искорки, придавая пещере загадочную красоту. Потолок утопал в синеватых островках, издали так похожих на сверкающее ночное небо. Иногда казалось, словно где-то далеко играет музыка. Она подобна мягко стелящемуся ветру, что бархатными пальцами гладит траву. Непокколебимая, спокойная и умиротворяющая музыка похожа на островок жизни в смердящем трупами склепе. Жаль, что для меня здесь места нет...

Взять с собой светильник не получилось — срезанные шляпки затухали слишком быстро, а растения начинали мигать сильнее, возмущаясь потере брата. За большой семьёй грибов обнаружился скрюченный скелет. Побоявшись идти дальше, человек ждал неминуемого прихода безносой. Оставалось надеяться, его сплав к тем берегам оказался благополучен.

Не успел я проститься с неизвестным, как его руки окрасились чёрным, потянувшись к моему горлу. Отшатнувшись, я выхватил кинжал, но очищенная душа больше не шевелилась, извиваясь чёрными жгутами. Выругавшись, я помотал головой, стараясь отделаться от очередных иллюзий. «Последнее время они стали слишком частыми гостями», — подумал я, с опаской приседая к скелету.

Рядом обнаружился факел, ткань на котором по каким-то причинам отсутствовала. У меня ещё оставались огниво и тряпки, и сделать факел оказалось довольно просто.

— А-а-а-а!

Приглушённый крик донёсся до меня почти чудом, но струхнул я не на шутку. Даарг, или Захар? Продержитесь, прошу вас! Я уже скоро, только продержитесь! Признаваться в том, что это я нуждался в помощи, а не наоборот, было стыдно. Надежда — вот, что осталось

у измученного воробья.

Подходить к зеву, в котором меня дожидались, не хотелось. Всепоглощающее шипение в мою сторону послужило сигналом. Вспыхнувший ярким солнцем факел полетел в темноту. Что-то утробно заверещало, накинувшись на огонь, что означало только одно — я не ошибся. Тварь ненавидела свет. Но эти мысли исчезли так же быстро, как меня скрыла чужая тьма противоположного прохода пещеры. Я надеялся, что огонь отвлечёт тварь хотя бы на пару мгновений... Пещера в последний раз подмигнула индиговым глазом, и пришлось одной рукой держаться за стеночку справа. Из последних сил воробей смог-таки клюнуть хищника по носу, заставив его разжать пальцы. Оставалось проверить, насколько быстро может летать птица, оставшись с одним крылом.

Не думать о твари, что может напасть в любой момент было трудно. А камни, неровности и скелеты, о которые можно споткнуться, навевали панику и приходилось тихо ругаться. Чтобы не допускать мысли о том, что я потерялся, продвигаясь исключительно по правой стеночке, пришлось довериться удаче. Но стоит ли ей доверять после всего того, что со мной приключилось, я не знал.

Плыть в тёмном омуте чем-то напоминало топтание на одном месте. Без зрительных ориентиров казалось, что я не сдвигаюсь с места. Тем не менее, солоноватый привкус пота на языке и прилипшая к мокрому телу телогрейка говорили об обратном. Правая ладонь уже давно потеряла чувствительность — ручейки, стекавшие по запястью, не были похожи на пот. Неровный пол внезапно уходил из-под ног, заставляя меня ругаться в голос, сбивать дыхание и терпеть боль в отбитых пятках. Неожиданно в голове пронеслась гнусная мыслишка: «И почему же твой оберег, Хуша, болтающийся у нас не шях, не спас от этой погани?!»...

Хриплое дыхание, разбитый нос, кровоточащая ладонь, ушибленные пятки и натянутые до предела нервы — я думал, хуже уже быть не может. Как же я ошибался. Победный шипящий хохот обдал волной ужаса в тот момент, когда я кубарем покатился по острым камням. Наверняка это подстроила тварь, — в очередной раз ругался я, выпрыгивая вперед. Сделать больше одного шага не получилось. Под левой ногой треснуло, и она провалилась до середины бедра. Боль от острых осколков камней появилась только спустя несколько вдохов. Пещеру затопил мой истошный крик, сорвавший горло.

Вот и всё. Однокрылый воробей приземлился неудачно, сломав себе ноги. Теперь даже убежать у него не получится. Попытки выбраться только помогали острым камням глубже впиваться в податливую плоть.

Холодные прикосновения темноты на разгоряченном затылке я заметил не сразу. Поворачивал голову я настолько медленно, что можно было сосчитать до десяти. Ледяное дыхание темноты прямо в моё лицо, и оно бледнеет, а на ресницах оседает иней. Нечто стояло прямо передо мной. Его дыхание впитывалось в кожу, подобно яду. Мрак зубоскалит, прекрасно понимая, что деваться мне некуда. Сердце замирает, чтобы в следующее мгновение обрушиться на грудную клетку яростным самумом. Тварь не учла одного — загнанный в угол воробей может быть куда страшнее крысы. Ведь у птицы есть ещё клюв, которым так удобно выклёвывать глаза.

— Получай, тварь!!

Кричу я и наотмашь бью левой рукой. Но там уже никого не было. С шипением оно победно набросилось сверху и меня вдавило в пол. Боль в ноге на мгновение утопила в своих бурных реках, и я потерял сознание. От громкого треска заложило уши, и опора подо мной

вдруг пропала. Падение длилось недолго. Не успел я ойкнуть от камня, оставившего на лбу шишку, как надо мной сомкнулась вода. Ледяной кокон обжѐг разгорячѐнное тело, и из лёгких вырвалась половина запаса воздуха. Подводные камни успели не единожды сыграть с моим телом в мяч прежде, чем голова показалась на поверхности.

Провалившийся в лёгкие долгожданный воздух был подобен жаркому зною после холодной ночи. И сейчас мне было неинтересно, что воздух оказался затхлым, а наглотался я воды больше, чем чужой крови и зубов до этого.

Река змеилась самыми невероятными излучинами, и мне казалось, что это вовсе не река, а снежная лавина, что подмяла под себя глупого путника. На неожиданных порогах получать новые ушибы и глотать воду уже вошло в привычку, а камни, оставлявшие шишки, я уже не замечал. Всплески воды, отражавшиеся эхом от стен, из раза в раз сменялись подводной тишиной, и иногда я терял сознание, чтобы очнуться от очередного удара.

Бессмысленно барахтаться руками по воде я перестал уже довольно давно. Правда не знаю, из-за усталости или безысходности. Река поворачивает влево, бросая моѐ уставшее тело на камни справа. Сил поднимать руки и защищаться нету, поэтому плечо ловит увесистую оплеуху. Справа над ухом растекается боль — похоже, удар пришѐлся не только в плечо, и я на некоторое время отключился. Но времени вспоминать нету, так как меня окунает с головой после очередного порога. Жадно вдыхаю воздух, привычно глотая порцию воды. Кажется, кто-то схватил за ворот телогрейки, но сила водной стихии непоколебима и уж точно не прогнѐтся ни перед кем. Течение вырывает меня из чьей-то хватки, а веки помимо воли смеживаются.

Что-то заставляет меня на несколько мгновений открыть глаза. На потолке, что так быстро нѐсся мимо, играют редкие золотистые блики. Снова боль. Снова небытие. Вода, так сильно державшая до этого, неожиданно отпускает от себя, словно жена не оправдавшего надежд мужа. Тело окутывают покрывала лёгкости и невесомости. Брызги, попадающие на лицо и яркий свет, что бѐёт сквозь плотно сжатые веки, заставляют открыть глаза. Белые пены водопада, яркое солнце, играющее на редком снегу, и неумолимо приближающаяся вода добрались до единственной мысли в моей голове. Как же я не люблю воду...

* * *

— Почему остановился? Снова в горле пересохло?

Не дождавшись ответа, девушка поспешно вытерла тряпочкой кончик пера. Это был уже не первый раз, когда он не отвечал, погружившись в воспоминания. Однако сейчас молчание затянулось. В небольшой комнате, заставленной полками книг, воцарилась тишина. Восседавший вполоборота к девушке мужчина повернул голову в сторону высокого окна, и яркий солнечный свет скрыл его лицо. Еще какое-то время он не шевелился, неотрывно глядя в распахнутое окно. Только сейчас, когда у неё появилось свободное время, она заметила, что за окном уже давно поют птицы. Рассвет наступил слишком неожиданно. Недалеко журчал ручеёк, подыгрывая стрѐкоту кузнечиков. Это усыпляло молодую девушку, писавшую всю ночь напролѐт. Наклонив голову, он устало потѐр лицо руками.

— Стоит закончить, — голос его был скрипучий, соломенный, тихий.

— Мне тоже так кажется, — потянулась всем телом девушка. — Выспимся, а там и продолжим.

— Я имел ввиду... стоит совсем закончить.

Мужчина одним плавным движением поднялся на ноги. Резко подувший ветер принялся резвиться в его длинных волосах, поблёскивающих при ярком солнечном свете.

— Как это? Но мы ведь ещё не всё дописали!

— Извини, наверное, не стоило мне это начинать.

— Эй! Да почему же?

— Не могу дальше... — при этих словах он повернулся к яркому свету и коротко выругался.

— Зато я могу!

В окне внезапно возник широко улыбающийся мужчина, сидя на корточках. Девушка потёрла глаза — ещё мгновение назад там никого не было. К тому же на высоту в несколько сажень по отвесной стене не так просто забраться, не запыхавшись.

— Опять ты? — устало спросил черноволосый мужчина, несколько не удивившись столь внезапному появлению гостя.

— Но-но-но, попрошу! С кем говоришь!

— А ты-то откуда знаешь о том, что будет дальше?

— А вот это уже мои тайны, — хохотнул тот. — Ты ведь куда-то там собирался? Ну, вот и шуруй! — беззлобно хохотнул гость.

Из-за света, бьющего ему в спину, рассмотреть лица не удавалось. Голос был девушке незнаком, но в свете яркого солнца его улыбка напоминала оскал безумца. Она надеялась, что с ней играет её воображение, а недосып искажает реальность. Едва она подумала об этом, он повернулся к ней:

— Очень уж занятно было ваши сказки слушать, — чуть ли не промурлыкал мужчина. — Вот и я решил участие принять. А то как ни гулянка, так без меня! Произвол! А ты пиши, девочка, пиши...

Глава 5. Игра Богов

Воздух остывал, уступая место равнодушным звёздам. Под тяжестью холодной завети скрипели деревья, что-то нашёптывая друг другу. Посеребрённые лунным светом степные ночи отличались особой тишиной и загадочностью. Местные жители каждый раз с восторгом ожидали полнолуния, утверждая, что от погоды зависят настроения духов. Лия не верила в духов, предпочитая теплее одеваться, нежели гадать по погоде настроения каких-то там духов. Но её напарник был не согласен, часто припоминая старую поговорку:

— Убегай скорей, коль встретил в степи борей...

Она никогда не понимала, почему Шаккан столь серьёзно относится к суевериям, но говорить ничего не стала. Услышав голос, к ним вышел смуглый мужчина в потрёпанной одежде, лоб которого изрезали глубокие морщины.

— Здравствуй, Богдан, — поздоровались они.

Богдан кивнул, скользя взглядом по хмурым теням. Ветер давным-давно разогнал облака, показывая людей бледной луне, блестящей сегодня ярче прежнего. Друзья много спорили о месте встречи, но, когда Богдан заявил, что это место пахнет силой, вопросы сами собой отпали.

— Приготовьтесь, — приказал Богдан.

Некоторое время он сосредоточенно смотрел перед собою, не шевеля ни пальцем. Затем появился далёкий звук, больше всего напоминавший эхо треснувшего камня в глухой пещере. От громкого треска птицы с ближайших к ним деревьев взмыли в небо, распугивая тишину хлопаньем крыльев. Перед Богданом возникли переливающиеся жаркими струями потоки воздуха в виде вытянутого в человеческий рост овала. Земля оказалась вдавлена, словно на неё упало что-то большое, раскидав в разные стороны траву вперемешку с чернозёмом.

— Готово, — Богдан дышал прерывисто, вытирая с лица пот. — Только на сей раз вам придётся выбираться самостоятельно. Мои силы на исходе. Последний переход дорого мне обошёлся...

Обнявшись с девушкой, он крепко пожал руку мужчине. Когда Лия с Шакканом шагнули к переходу, позади что-то неожиданно треснуло, заставив Богдана обернуться. Но лес оставался безмолвным, и лишь где-то далеко ухнул филин. Тем временем жаркие струи воздуха испарились с негромким хлопком, поглотив в себе людей. Звенящая тишина ударила по его ушам, и Богдан замер, вслушиваясь в далёкое хлопанье крыльев улетающих прочь птиц. Его что-то беспокоило, и он ощущал это так чётко, как никогда. Сложная жизнь оставила в его сердце вечную тревогу, а лицо изрезала морщинами. Наконец, избавившись от иллюзий, мужчина облегчённо выдохнул. Он совсем не был уверен в своей ворожбе, словно играл в кости с самой природой. Впрочем, это было недалеко от истины.

Появившись у опушки леса, люди некоторое время приходили в себя. Если мгновение назад оба находились в тёмном редколесье, то сейчас снег Сумеречной Гряды на западе мерцал, провожая тяжёлое солнце.

— Пронесло и в этот раз...

— Да уж, пока что нам везёт, — задумчиво подтвердил мужчина.

— Думаешь, что-то может пойти не так, как и предупреждал Богдан?

— Да кто же знает? — пожал плечами Шаккан. — Даже он не понимает принципов, по которым переходы ему подчиняются, а ведь он с ними всю жизнь работает...

Оба напряжённо молчали, глядя друг другу в глаза. Первой отвела взгляд девушка, глянув на юг.

— Если Богдан ничего не напутал, то мы сейчас немного севернее Южного моря.

Проследив за взглядом Шаккана, в глаза девушке бросились чумные земли юго-запада. Завеса чёрных туч, точно обнимая, распростёрлась над огромной территорией узловатыми пальцами мглы. В разных уголках материка это место именовали по-разному. Но чаще всего — Гиблыми Землями. Леса и болота, степи и чащи, буреломы и холмы, горы и равнины — ничто не осталось нетронутым. Всюду чувствовались в этих землях зло и первобытный ужас, который ощущает разве что добыча перед могучим хищником. Странники как-то раз даже осмелились нарушить границы, и сапоги их коснулись запретных земель. Почва впитала в себя кровь сотен тысяч убитых в древней битве, а Боги ожесточили сердце земли, чтобы положить конец войне. Затем, по легендам, Боги обрушили огненный свой гнев, и земля навеки покрылась пеплом воинов, имена которых оказались преданы забвению.

Но они не побоялись. В попытке выследить Подчиняющего, они слышали его силу именно здесь, и долгое время пытались найти какие-либо следы, но все попытки оказались тщетны.

— Значит, ты на восток? Тогда я наведаюсь в Яксард, — очнувшись от мрачных воспоминаний, проговорил мужчина.

— Как знаешь.

На этом и порешили. Лия уверенно скользнула в чашу и шаги её тут же утонули в перешёптывающихся листьях. Мужчина, проводив её взглядом, взлетел вверх, и добрый попутный ветер сам понёс его на запад.

Спустя пять дней, летая над полуночным северным портом, мужчина вглядывался вниз, бегая глазами по опустевшим улочкам. Что-то бубня под нос, он описывал круги над городом, разгоняя с крыш влюбленных котов и редких птиц.

С каждым новым кругом, он сильнее вслушивался в разбросанную силу, но пока результатов не было. Терпеливо ожидая, он сделал очередной, наверное, уже сотый круг над портовым городом, но неожиданно раздался чей-то голос, заставив его вздрогнуть от неожиданности:

— Нашла тут одного, силу умеет контролировать, ведёт себя подозрительно, глазки бегают. Глянешь?

Связь на таком расстоянии сопровождалась чудовищной головной болью, отчего у мужчины засверкало перед глазами. Шаккан кое-как мог нормально поддерживать связь, хоть та и частенько проглатывала окончания слов.

— Подожди... Тут источник либо услышал моё приближение, и успел скрыть силу, либо в тот раз мне действительно показалось...

— Даже так?

— К сожалению, мне не удаётся найти ни единой зацепки...

Немного подумав, он, наконец, закончил:

— Ладно, тогда скоро буду, работай.

Зуд в голове пропал, и мужчина облегчённо выдохнул. Всё-таки, в тот раз ему почудилось.

Ветер не любил эти места. Он был подобен тапану — сильный, могучий и статный. Взобравшись на холмы, ветер набирал массу, обрушиваясь на леса и скалы. Очередной порыв разъярённой волной протаранил высокую гранитную скалу, с которой осыпались пыль и мелкие камни. На её вершине, высотой в две версты, высился человек. Плоская вершина едва-едва позволяла мужчине широко расставить ноги. Скрестив руки на груди и опустив на неё подбородок, мужчина о чём-то крепко задумался. Обветренное лицо его хмурилось, губы шептали что-то неразличимое, а в коротких русых волосах резвился ветер.

Распахнув глаза, он устремил взор куда-то вправо. Некоторое время взгляд его мелькал от одного дерева к другому, пока он что-то не разглядел среди чащи. Длинный прыжок в пропасть показался бы отчаянным шагом безумца, но только не для него. Ветер подхватил мужчину, словно пёрышко, и понёс на своих волнах к зубастым вершинам гор, обрамляющих долину.

Холодные языки осеннего солнца отсвечивали от утолщённых набалдашников парных клинков за спиной Шаккана. Больше не опираясь на сильное плечо женатого ветра, Шаккан ускорился. Цель находилась далеко, но это не было большим препятствием для того, кто летает быстрее орла.

Что-то не давало ему покоя. Странный звук на грани слышимости, непонятные ощущения, непохожие ни на что потоки сил в воздухе разливались, словно запах горькой сикеры. Шаккан знал — всё, что неизвестно — опасно. Но, несмотря на внушительный опыт, не успел вовремя различить опасность. Все вопросы исчезли с резким порывом ветра. Шаккану повезло, что на крайний случай он всегда держал защиту, спасшую ему сейчас жизнь. Оглушительный удар из молний и льда способен был стереть с лица земли любое существо этого мира. Русоволосый мужчина только слегка пошатнулся, словно попал в воздушный карман. Враг подобрался со спины незаметно, а удар его оказался коварен и беспощаден. Крутанувшись, Шаккан спиралью ушёл с линии атаки. Спустя мгновение земля в том месте, над которой он пролетал только что, вспыхнула после попадания молнии, а клинки в руках уже дарили хозяину чувство безопасности. Они готовы выпить кровь врага.

— Мне казалось, ты давно издох! — криво усмехнулся русоволосый мечник.

— Не дождёшься, Шаккан! — осклабился в ответ волшебник.

Подкрепляя свои слова, седоволосый чародей что-то выкрикнул и указал открытой ладонью на противника. Битва разыгралась на невероятных скоростях, и сейчас Шаккан с трудом мог рассмотреть силуэт врага на фоне солнца. Плечо обожгло холодом, и небольшие кристаллики льда блеснули слева. В следующее мгновение волшебница сформировалась в ледяную сферу, принявшуюся выплёвывать во все стороны ледяные стрелы. Сфера, словно заведённая, преследовала Шаккана, рассыпая вокруг грады осколков. От некоторых он уклонялся с помощью невероятной реакции, а от других ловко отбивался клинками. Сосредоточившись, он усилием воли уничтожил плетение врага. Идеальная воздушная сфера, исходящая от мечника, с каждым ударом сердца увеличивалась, пока не достигла чародея. Могущество Шаккана немного пошатнуло волшебника, и тот отстал на целый корпус.

Не желая продолжать битву, Шаккан ускорился. Противник оказался готов к любым неожиданностям и внезапно возник перед Шакканом в двадцати локтях. Мечник боролся с волшебником тысячи раз и знал о всех его умениях, но мгновенное перемещение оказалось для него неожиданностью. Клинки не успели блеснуть в смертельном танце, как колючий

ветер закрутил его в воздухе. Короткой задержки оказалось достаточно, чтобы волхв провёл серию из воздушных кулаков, подкрепляя оглушительными молниями. Одурающе запахло свежестью от ударов стихии, но все они также смердели ворожбой врага.

Конечно же, для того, чтобы убить Шаккана этого было недостаточно, но таких планов у чародея не было. Ему необходимо было лишь выиграть время, с чем он справился на отлично. Что-то сколдовав, волшебник ринулся в том же направлении, куда до этого следовал Шаккан.

— Врёшь, не уйдёшь!!!

Мечник до одури сжал рукояти клинков, застыв на месте. От исходившей немислимой мощи Шаккана оглушительно треснула скала. Далеко внизу заткнулись кузнечики и птицы. Ветер стих, осознав свою никчёмность. Облака тотчас закрыли собой солнце, словно спасая от гнева мечника. Волосы мужчины встали дыбом и приобрели золотистый цвет. Его доселе карие глаза сменили цвет на синий и лишились зрачков. В этом состоянии он мог находиться совсем недолго, и как только глаза изменили цвет, мечник растворился в воздухе. Его нынешняя скорость превышала обычную в несколько раз, и догнать волшебника особого труда не составило.

— Твою!..

Обернувшийся на звук седовласый выругался, когда узрел новое, доселе невиданное умение старого врага. Синие бесчувственные глаза чудовища способны были раздавить одним взглядом. Молниеносный рубящий удар сверху вниз двумя клинками пришёлся по вовремя выставленной защите. Но это не спасло от силы удара, которая запустила того в полёт, закрутив в воздухе, словно паука на своей паутинке. Удар оказался столь разрушающим, что земля пошла трещинами. Благо, защита волхва сработала на славу, и заклинание «каменной кожи» смягчило удар.

Но Шаккана уже и след простыл. Он был на полпути к Подчиняющему, которого они почувствовали одновременно. Он должен был достичь его первым, чего бы это ни стоило! Перед мечником взвилась огненная стена, от жара которой он попытался защититься руками. Выругавшись, Шаккан понёсся к врагу и на высоте ста сажений завязалась новая резня. Клинки высекали искры из защищённого «каменной кожей» тела, а заклятия или исчезали во вспышках силы мечника, или уничтожались его клинками.

Битва магии и меча продолжалась долго. Несколько суток с небольшими перерывами враги обрушивали друг на друга мощнейшие удары и заклятья, но никто не собирался уступать. Ведь уступить в битве означало уничтожить мир. Из-за безрассудства многих Богов, вступивших в битву четыреста лет назад было покончено с Эпохой Первого Солнца. Отныне этих ошибок они повторять не хотели.

На третьи сутки оба выдохлись, но всё так же истово атаковали друг друга. Они уже подлетали к горам, в лесах близ которых ощущался Подчиняющий. Произнеся доселе невиданное Шакканом заклинание, чародей опустил руки и тотчас из-под земли взвились столпы огня. Русский кое-как успел увернуться от нескольких, но жар сжёг некоторую часть волос, бровей и ресниц. Оскал ярости, появившийся на лице Шаккана, не предвещал его противнику ничего отрадного. Волхв пожалел о своём решении спустя удар сердца. Разъярённым ветром-бореем накинулся на него Шаккан, а защита начинала заметно проседать. Разорвав дистанцию, волшебник надеялся на свободное мгновение, но принявший форму золотоволосого воина мужчина достиг его сразу, обрушив град сильнейших ударов. Тому оставалось воспользоваться лишь каменной глыбой, но, едва

спрятавшись в камне, почувствовал ярость врага. Клинки рубили базальт, как засохшую глину. Тем не менее, нескольких мгновений чародею хватило, чтобы передохнуть и подождать, пока у Шаккана кончатся силы. Как только удары стали слабее, он переместился из глыбы за спину противника, обрушив «ветряной кулак». Шаккана бросило к земле, но он приземлился на четвереньки, показывая противнику качество своей подготовки. Желая добить, чародей влетел в лес, сквозь ветки которого не было видно врага. Дальше схватка продолжилась на земле.

В какой-то момент Шаккан дал слабинку и булыжник, вырванный волшебой из земли, врезался в его грудь. Переломав несколько деревьев, тот вылетел на поляну, пропахав землю. Волхв бросился следом, чувствуя, что где-то очень близко находился Подчиняющий. Шаккан успел взлететь, когда молния опалила землю в том месте, где он был мгновение назад. Изнуряющий бой продолжился высоко над деревьями. Воины находились в режиме битвы уже третьи сутки подряд, а за столетия практики для них это было сродни рутине.

Они давно заметили копошащихся снизу людишек, но не обращали на муравьев никакого внимания. Помешать битве Богов они не имели никакой возможности. Заметив Подчиняющего, выпады их стали свирепее, быстрее и кровожаднее. Лица обоих уподобились оскалу оголодавших волков, почуявших жертву. Вдруг чародей не выдержал и решил пожертвовать людишками. Сделав огромный огненный шар, он пустил его не в Шаккана, а в людей. Русоволосый в последний момент успел закрыть собственным телом людей, и, что самое главное, спас от взрыва Подчиняющего. Именно на это и рассчитывал чародей — Шаккан должен был подставиться, спасая Подчиняющего. Прогремел взрыв такой силы, что даже седовласый на некоторое время закрылся руками от жара и яркого света. Быстро пришедший в себя разъярённый воин снова сковал боем противника, не давая тому нормально развернуться. Так продолжалось ещё некоторое время, пока оба вдруг не остановились. Хрипло дыша, они буравили друг друга взглядами.

— Ну что, доволен? Безумец, ты его убил.

Шмыгнув, чародей вытер пот со лба и не остался в долгу:

— Сам дурак.

Оба одновременно почувствовали исчезнувшую силу Подчиняющего, что означало только одно — его больше не было в этом мире. Битва оказалась бессмысленной тратой времени. Медленно отдалившись от противника, волшебник развернулся и улетел. Вскоре его сила тоже исчезла. Наконец, волны слабости достигли уставшего воина, и плечи его поникли.

Бой окончен. Из 3229 боёв ни одной победы или поражения. Эта бессмысленная схватка снова оказалась ничьей. Они оба ходили на безмозглых мух, что из раза в раз бьются о стекло в попытке освободиться из плена. Мухи не догадываются, что им не пролететь через стекло, и тем не менее с прежним упорством продолжают таранить преграду.

Перехватившее пару часов сна и несколько глотков воды уставшее тело Шаккана требовало отдыха. С каждым разом их противостояние преподносило обоим подарки в виде новых умений и техник. И это Шаккану решительно не нравилось. Он не владел ворожкой, которой обладал его противник и не был способен быстро восстанавливаться или перемещаться в пространстве. В очередной раз воин пришёл к выводу, что выносливость у волхва куда выше, чем у него. А значит, был только один выход — надеяться не на выносливость, а на силу и скорость. Шаккан устало хохотнул — к этому выводу мужчина пришёл уже очень давно, но как к этому подступиться, до сих пор не догадывался.

Путь оказался долгим. Спустя три седмицы достиг он, наконец, мыса Четырех Ветров. Скалистый северо-восток материка отличался негостеприимным нравом, потому и слыл почти безлюдным местом. Пронизывающие ветра вкупе с недостатком пищи, труднопроходимыми крутыми утёсами и вечным холодом не способствовали выживанию.

Мужчина приземлился на вершину длинной лестницы, кончавшуюся где-то внизу небольшим причалом, и принялся приводить свою потрёпанную одежду в порядок. До сих пор Шаккан не знал, кто мог причаливать к этим местам, ведь на севере, в Океане Царей, никакой суши не существовало. Лишь бескрайняя морская гладь, кончавшаяся бездонным краем мира.

От раздумий его прервал борей, принёсший с собой тихие разговоры и постукивание камней о доску. В очередной раз поправив одежду, мужчина прошёл по гладкому камню широкой дорожки. По её краям склонили головы скрюченные карликовые деревья, сочетавшиеся с окружающей суровой природой странною красотой. Стены зданий, составлявших единый организм, были сложены из серого камня, а двускатная крыша из сандалового, окрашенного красным, дерева, смотрелась здесь довольно вычурно, но изящно. Крышу подпирали сосновые колонны, а с двух углов крыши над входом мастерами были сделаны искусные головы иноземных змеев с продолговатыми скалящимися мордами, длинными клыками и парой усиков. Весь комплекс отличался своей утончённостью на фоне негостеприимной природы.

— Всё играете? — усмехнулся мужчина, ступая на мягкую циновку и слыша за спиной бархатный перезвон колокольчиков.

Нагретое помещение ласкало уставшее тело Шаккана, весьма продрогшее после длительного перелёта. Он глубоко вдохнул, наслаждаясь кислыми ароматами красного чая, от которого защипало жаждой язык. За последнее время это были самые приятные для него запахи.

Даже не обратив внимания на вошедшего, темноволосый мужчина что-то объяснял мальчишке лет 11. Оба сидели прямо на полу друг напротив друга, поджав под себя ноги. Бронзовый оттенок их кожи выдавал в них загорелых обитателей пустынь или тропических лесов. Уникальный узкий разрез угольно чёрных глаз выделялся на фоне остальных людей мира, подобно нефриту в корзине со щебнем. Между мужчиной и мальчишкой стояла высокая, шириной в половину локтя, доска для игры. Бок доски украшали золотисто-сиреневые узоры, придававшие ей особый шарм, изысканность и красоту.

Игра, которой обучал Ляо Янкси, имела множество названий на непонятном для Шаккана языке. Но Ляо чаще всего называл её вейци, что с его языка переводилось как «дыхание камней». Реже — сюдан, что означало «общение с помощью жестов». Смысл и правила игры были настолько просты, что детей начинали обучать с двух лет. Сама доска для вейци размерами локоть на локоть, на которой пересечены 19 на 19 линий. Уже с этого момента Ляо обычно поднимает палец вверх и поучительным голосом твердит: «Игра означает год. Ведь перемножение 19 и 19 дает 361, что равно количеству дней в одном году».

Играют камнями двух цветов — чёрными и белыми. Первыми ходят чёрные, затем белые. За право первого хода чёрные жертвуют противнику несколько дополнительных очков. Камни ставят на пересечение линий, и единожды поставленный камень двигать уже нельзя. Игру называют «дыхание камней» потому, что у каждого поставленного на

пересечение линий камня есть четыре дыхания — четыре линии, которые входят в него с четырёх сторон, питая энергией. Обычно здесь Ляо Янкси второй раз поднимает палец и тем же менторским тоном произносит: «В свою очередь, камень означает человека, смотрящего в четыре стороны света и имеющего четыре пути. Это называется свободой». Если камень окружить с четырёх сторон камнями противоположного цвета, он снимается с доски и считается пленным. Общий смысл игры — отгородить на доске камнями своего цвета большую территорию, чем противник.

Глянув на доску, где уже было разыграно почти две сотни ходов, Шаккан изумился. Чёрно-белые змеи переплетались между собою, пытаясь сожрать друг друга. Похоже, на доске с первых ходов возникла нешуточная борьба.

— Зря смеешься, Шаккан. Игру Богов нельзя недооценивать. В древности, когда ещё Боги в неё друг с другом играли, по их партиям будущее предсказывали. Нет, ксяолун...

Ляо обращался к ученику уже на своём языке. На эринейском он говорил с заметным акцентом и с сильными странностями, которые иногда ускользали от мечника. Так, к примеру, он почти всегда ставил глагол в самом конце предложения. Воин не понимал ни слова из их шипящей речи, но, судя по всему, группа мальчишки погибла. Брови парня хмурились — он был полностью сосредоточен на игре. Зажав между указательным и средним пальцем камень, Ляо с лёгким стуком поставил на то место, где только что объяснял ошибку ученика. «Наверное, он сказал, что группе больше не спастись и вот-вот игра должна завершиться», — подумал Шаккан, оценивая столь сложную для него позицию. Склонив голову, ксяолун сдался, а Ляо его отпустил. Окинув взглядом Шаккана, мальчишка быстро поздоровался и выскочил в другую комнату, откуда доносились голоса других учеников.

Собрав камни в две чаши, Ляо с любовью провёл морщинистой рукой по доске. Сейчас он напоминал мужчину, ласкающего бархатистую кожу своей женщины.

— Ляо... — начал было мечник, но наставник Школы Четырёх Ветров перебил его.

— Хороший разговор наслаждения требует. Садись, сыграем.

Шаккан хотел было сказать, что вейци ему нравилась не так сильно, но вовремя сдержался. Да, играл он довольно неплохо, но не мог воспринимать глубокую философию и учение Ляо. Он считал это чем-то вроде увлечения, не более.

Из-за того, что Ляо играл лучше, Шаккан взял в руки чашу с чёрными камнями. Первый камень опустился в тёмную точку в правом верхнем углу доски. Этот ход назывался «под сердце противника». Мечник чтит традиции Школы Четырёх Ветров и не хотел оскорблять друга.

— Ты знал, что в Эпоху Первого Солнца доска для игры круглой была? — Шаккан скривился от странного построения предложений своим другом, но смолчал. — А ещё раньше кольца срубленного дерева доской служили.

Разговор начинался неправильно, но Шаккан решил его поддержать:

— И как же тогда играли?

— Кто знает, — вторым ходом белый камень опустился на один пункт левее тёмной точки под сердцем Шаккана в нижнем левом углу доски. — Единственное, что в вейци мне неведомо, так это вот эти звёзды, — указал он на точки на доске. — Всего их девять. Одна в центре, четыре по углам и четыре по сторонам. Для чего древние Боги их на доску нанесли?

— Может, это подсказки для начинающих? — пожал плечами Шаккан. — Доска для них слишком большая.

— Богам подсказки не нужны.

Повисло молчание, нарушаемое лишь шелестом занавесок от морского ветра. Он проникал внутрь, играя в волосах людей. Тяжёлый аромат лилий от курильниц ненадолго сменился солёным воздухом с улицы, чему несказанно обрадовался Шаккан.

Мужчины разговаривали, перейдя на язык камня. Редкими постукиваниями камней ознаменовалась разгорающаяся схватка в правом верхнем углу. Чёрные оказались в опасности.

— Ты помятый, — наконец, решил обратить внимание на подпалённые волосы друга Ляо. — Опять с ним поцапался?

Оценив позицию, Шаккан хмуро перевёл взгляд на другую часть доски, оставив сражение в верхнем углу до лучших времён.

— Как и всегда. Он убил Подчиняющего, представляешь?

— Неудивительно. Но ведь ты не для того пришёл, чтобы жаловаться?

Создав новую слабую группу, Шаккан перешёл в атаку.

— Ты смог перевести ту табличку?

Играя на слабостях в формах, Ляо ловко отражал атаку, отвечивая сопернику лёгкие подзатыльники.

— Не полностью. Вот, послушай.

Минут года, исчезнут нынешние власти,

И из тьмы веков, из снопа звезд,

С глубин болот других миров

Явится тот, кто станет сеять страх и ужас в сердцах своих врагов.

Кто не согнётся под ударами судьбы, хоть та неблагоприятна.

Кому неведом страх, а смерть своя лишь шутка словно...

— Не нравится мне начало, помяни моё слово, — нахмурился Шаккан.

— Как сказать, как сказать. Гляди, — Ляо ткнул пальцем в сердце их драки. — Здесь я просчитался, и спустя двадцать ходов это ошибкой оказалось, которой ты не воспользовался.

Сколько бы Шаккан не вглядывался в одинокий белый камень, не мог понять, каким образом использовать эту ошибку.

— А теперь сюда взгляни, — указал он пальцем на правый верхний угол. — Твоя группа в самом начале умерла. Но вот этот разрезающий камень из-за моей ошибки вдруг ожил. Теперь с помощью лестницы или сетки я не могу в плен его взять. Мертвая ранее группа ожила, хоть и в самом начале на смерть была обречена.

Шаккан беспомощно почесал затылок и изогнул одну бровь:

— Что ты хочешь сказать?

Руки Ляо утонули в широких рукавах его халата, и он задумался, прикрыв глаза.

— Покуда не попробовал забраться, неприступной скалу не называй.

— Сдаюсь, Ляо. Знаешь, мне настучали по голове так, что сейчас не до твоих загадок...

— Это потому, что ты слишком агрессивен, синлун, — неожиданно рубанул Ляо.

— Что это значит?

— Это значит яростный, кровожадный или безбашенный, — ответил совсем не на тот вопрос Ляо. — Как тебе больше нравится.

— Мне не интересно, как ты обзываешь меня на своём птичьем языке, друг.

Отхлебнув чай, Ляо принялся заново выставлять игру с самого первого хода. Несмотря на запутанную игру, мастер его уровня помнил все свои игры с первого до последнего хода. И это при том, что в каждой игре приходилось делать по меньшей мере две сотни ходов.

— Вейци глубокая игра, — как всегда издали начал мастер по прозвищу Ляо Сиджонг — Ляо Спокойный Хищник. — Игра Богов тактики война требует, точности математика, воображения художника, вдохновения поэта, спокойствия философа, а также величайшего ума... Каждый ход твою сущность, душу и характер отражает. Вот, к примеру, в этой позиции, — он указал на правый верхний угол, где через 15 ходов у Шаккана умрёт группа. — Ты дерзко ответил, в невыгодное положение себя загнав. Следовало немного успокоиться, и позиция бы выровнялась.

Несколько ловких ходов, показанных Ляо, и позиция стала в пользу Шаккана.

— Вейци — зеркало души. По первым ходам новичка, никогда в Игру Богов не игравшего, весь его характер и душу можно понять. Именно поэтому игра второе название имеет — сюдан. Общение при помощи жестов. На язык камня переходя, противники друг перед другом самое сокровенное раскрывают — душу свою. Подобное даже наедине с женщиной невозможно, — тут он не выдержал и улыбнулся.

— К чему ты клонишь? — устало вздохнул Шаккан.

— Умерить свой яростный пыл тебе следует, друг. Если в вейци всегда атаковать — проиграешь. Если постоянно защищаться — тоже. Чтобы выиграть, золотую середину надо искать и перед атакой на свою оборону оглядываться.

Некоторое время мечник молчал, медленно выставляя на доску камни из их партии.

— Ты предлагаешь мне прекратить поиски?

— Что делать, только тебе решать. Вейци лишь выбор даёт — право первого хода. А каким именно ходом борьбу начинать — тебе выбирать.

Оба некоторое время молчали, попивая остывший чай.

— Тот мальчишка очень увлечён игрой, — Шаккан не хотел продолжать скользкую тему, и решил её сменить. — Его взор пылал огнём, ты это заметил?

— О, да, друг мой, — расплылся в улыбке Спокойный Хищник, — Ксяолун сильным представителем Школы Четырёх Ветров станет.

Шаккан только покачал головой. В Школе Четырёх Ветров всё крутилось вокруг Игры Богов. Помимо повседневных игр, ученики несли службу каким-то духам и богам, молясь на своём птичьем языке. Так же занимались оздоровительными упражнениями, больше похожими на какой-то странный вид единоборств. Спокойствие и дисциплина — вот девиз Школы Четырёх Ветров. Ляо Спокойный Хищник как-то упомянул, что именно вейци в скором времени определит исход этого мира. Шаккан тогда промолчал, но фразу запомнил.

Чем занимаются ученики его школы, Ляо рассказывал туманно и расплывчато, то и дело заговаривая зубы и меняя тему. Впрочем, Шаккан не сильно интересовался школой друга. Он знал одно — количество учеников здесь, как можно догадаться, равно девятнадцати. Мечник не сомневался, что и в остальном устройстве быта и обучения ученики и учителя придерживаются каким-то только им известным законам. В школе все люди имели узкий разрез глаз и смуглую кожу с чёрными прямыми волосами, что всегда ставило Шаккана в тупик. Он нигде более не видел таких людей и предпочитал думать, что здесь с помощью какого-то колдовства изменяется разрез глаз и цвет кожи. На все вопросы об этом, Ляо загадочно отвечал: «На всё воля Ван-му», а потом переводил тему или снова заговаривал зубы. Кто такой Ван-му, он пояснить не удосужился, а для Шаккана и так было слишком

много загадок.

— На этот раз ты один, — сказал Ляо, когда молчание затянулось.

— Лия на востоке, в Остробережье. Скоро к ней отправлюсь, там...

— Шаккан, — неожиданно перебил друга Ляо.

— Да?..

Мужчина запнулся, наткнувшись на спокойный, но твёрдый взгляд черноглазого друга.

Его высокий голос так же поменялся, приобретя низкие нотки.

— Не заигрывайся с Богами, друг мой. Они этого не любят.

Отшлифованные до зеркального блеска камни на доске поймали на себе твёрдый взгляд Шаккана. В нём пылал огонь решимости. Его желваки поигрывали, но ничем более он не выдавал своего беспокойства. Звякнувшие колокольчики показались Шаккану треском порванной струны в оглушительной тишине. Ветер подсказывал им, что молчание снова затянулось и следовало заканчивать разговор.

— Тебе пора, синлун. Да придут с тобой четыре угла неба, друг мой.

Снова оказавшись на вершине лестницы, мужчина устремил решительный взор вдаль. Ветер хлестал его одежду, застревая в волосах озорной девчонкой. Яростные волны безуспешно штурмовали неприступный скалистый берег, оседая солёным воздухом в лёгких. Беспокойное зеркало шумных вод отражало в себе затаившегося тигра. Скоро зверь проснётся и примется штурмовать скалистые бастионы мыса Четырёх Ветров. Затянутое серыми тучами небо холодом поселилось в глубине души Шаккана.

— Продержись ещё немного. Ты не останешься одна.

Его шёпот подхватил озорной ветер, унеся в беспокойное море, но он знал — его услышат. Непременно услышат.

Порыв ветра, потрепавший его волосы, подсказал Шаккану, что даже название мыса содержит в себе частичку вейци. А ведь раньше он этого не замечал. Неужели называя так мыс Четырёх Ветров, Ляо имел в виду то, что его школа, словно камень, имеет четыре дыхания? Свобода с четырех сторон. Совершенная свобода. А так ли свободен он? И свободен ли вообще? Покачав головой, Шаккан в очередной раз понял, что загадки не для него.

Глава 6. Загадки в облаках

Чувство стыда неустанно шептало о её позорном поступке. Она никак не могла понять, почему утаила от каргалов ткань, пропахшую её напарником. Так собака виновато тупит глазки, пометив тапки господина. Блохастая знает, что он добр к ней и после несильного подзатыльника всё простит. Но своим хозяевам она бы побоялась в этом признаться.

Несколько слаженных групп уже сутками тщетно прочёсывали окрестности в поисках беглеца. Никаких следов, никаких зацепок, никаких запахов. По всей логике, Мангуст обязан побежать на юг, однако опытные каргалы так не нашли и следа. Кажется, ему благоволили боги. Ингул долго злился, брызжа слюной на беременных тюленей, упустивших раненого беглеца. Он не верил в сказки про обогнавшего тренированных жеребцов беглеца, ведь он — каргал. Элита элит, которая не убоится никаких глупых сказок.

Хвала богам, Ингул оказался не в её группе. Он вместе с Бритвой и какой-то девчонкой со смешным позывным Кроха сейчас разведывали окрестности Селахгасе. Гончая лишь фыркнула, когда узнала об этом от лидера своей группы. Зачем Мангусту лезть в ближайший город, который они будут проверять в первую очередь? Впрочем, девушка не лезла со своим мнением поперёк батьки в пекло.

После той злополучной ночи, когда Мангуст каким-то образом исчез, девушку вместе с молчаливым Змеем направили в Радаган. Гончая, повстречавшаяся с Богами и каргалами, о которых до этих пор и слыхом не слыхивала, отошла от потрясений только в столичных коридорах Гильдии. Ей в скором порядке было приказано сдать международный заказ другому каю и присоединиться к поисковой группе под предводительством Змея. Гончая хотела было возмутиться, ведь, получается, её первое международное задание будет спущено в отхожее место! Но её заверили, что заказ не отметится как невыполненный и она согласилась. Впрочем, кому было интересно её мнение? Старший по званию, да к тому же каргал, просто приказал, а она должна заткнуться и выполнять приказ. В этот же день они и выступили.

Короткое знакомство, столь же короткий инструктаж и по коням. Дни текли монотонно и Гончая недоумевала, почему ради какого-то рядового высылают несколько групп элитных войск? Змей, заметивший её задумчивое лицо, пояснил, что таковы законы каргалов. Она знала, что это лишь отговорка, но на этом весь интерес к ней у него пропал. Спустя несколько дней бесплодных поисков, Змей неожиданно сменил маршрут и повернул на север. Двигались они теперь исключительно карьером, не обращая внимания на поиски следов. Задавать вопросы молчаливым спутникам не хотелось, и Гончая решила остаться со своими мыслями. Однако оставаться наедине с чувством, терзавшим её изнутри, было невыносимо.

Долго заниматься самобичеванием не пришлось. С востока донёсся странный звук, и измученная девушка не сразу поняла, что это был просто ястреб. Раздавшийся ответный ястребиный крик от Змея на некоторое время заложил ей уши, но она поняла, что именно так обменивались сообщениями каргалы. Почувствовав запах паленой травы, Гончая не сразу поняла, что они добрались до тех мест, где не так давно произошла жестокая схватка Богов. Выжженная дорожка пересекала небольшую равнину, прячась в лесу на северо-востоке. Намётанный взгляд опытных каргалов то и дело устремлялся направо, откуда

подавал сигнал ещё один отряд. Но пока что их отделяли глубокий овраг и высокий кряж за ним.

Выскочив из-за кручи на ровное плато, все трое зажмурились. Осеннее уходящее солнце вынырнуло из-за холма, на мгновение их ослепив. Дыхание девушки остановилось, когда она открыла глаза. Одиноким всадник нещадно гнал вспененного таппана, и издалека ей показалось, что лицо его исказила гримаса лютой злобы. Остриженная голова и помятый вид были единственным, что изменилось в её напарнике. Хотя издалека ей это могло показаться. Похоже, Мангуст их даже не заметил, исчезнув в чаще. Змей дёрнул поводья, помчавшись в сторону опушки.

Приближаясь к деревьям, Гончая уже начинала останавливаться, когда перевела взгляд на двух каргалов. Вытащив ноги из стремян, они сгруппировались в седле. Когда до опушки оставалось пять локтей, они подпрыгнули, исчезнув в зарослях. Помнится, этот удобный способ сломать себе шею у них в Предводье называли «нырнуть щучкой». Гончая не стала повторять самоубийственного прыжка и спешила по-обычному.

Догонять безликих пришлось довольно долго. Колючие ветки то и дело норовили выколоть глаза, ноги путались в корнях, а мошки с комарами не давали проходу. Алгунир уже и позабыла, что такое настоящая чаща, выполняя задания в привычной городской среде. И сейчас жалела, что не успела втереть в кожу перечную мяту, отгоняющую насекомых.

Присев близ Змея, она перевела взгляд в то место, куда сосредоточенно смотрели каргалы, и стала ждать. На заданиях каю говорили крайне редко, ограничиваясь жестами или взглядами. Перед ней раскинулся самый обычный хвойный лес с редкими забитыми берёзками, но не было слышно ничего необычного. Да, именно... Не было слышно ничего. В лесу было необычайно тихо. Молчали даже птицы.

— Что там? — спросила она жестом.

На мгновение Змей скосил взгляд на девушку и снова принялся вглядываться куда-то перед собой. Сколько Гончая не смотрела, ничего не смогла заметить в густой чаще леса. Сейчас можно было даже услышать оглушительное дыхание второго каргала недалеко от них. Даже ветер не колыхал ветви деревьев, словно исчезнув из этого мира.

Вскоре до их группы донёлся далёкий яростный рёв зверя. Такого ужасающего рыка они еще не слышали. Их глаза заметались по чаще, силясь углядеть хоть одно движение. Рёв продолжался ещё какое-то время, но потом резко оборвался, снова погрузив лес в звенящую тишину. Разведчики не то, что пошевелиться, а даже вдохнуть лишней раз боялись. Гудящую тишину разорвал крик боли и ужаса, раздавшийся справа. Дёрнув головой так, что хрустнули шейные позвонки, Гончая со Змеем застыли, не в силах даже пошевелиться. В трёх шагах от них высилась исполинская тварь высотой в два человеческих роста, тёмно-зелёным окрасом кожи, здоровенными клыками и маленькими глубоко посаженными глазками. В её длинных передних лапах тряпичной куклой повис каргал. В следующее мгновение голова каргала не выдержала натиска огромной челюсти урода, лопнув переспелым арбузом.

Змей пришёл в себя первым, и несколькими точными бросками поразил существо в горло, плечо и челюсть. Тварь в ярости откинула труп и с оглушающим рыком кинулась на нового соперника. Складывалось впечатление, что нанесённые ей увечья сродни комариному укусу, хоть и Гончая была уверена, что оружие пропитано ядом. Несмотря на ошеломление, ловкостью они не были обделены и смогли уйти от удара разъярённой твари. Девушка чуть замешкалась, поэтому оказалась к врагу ближе всего.

С этой первобытной яростью не могли совладать даже деревья, ломавшиеся, словно

молодые побеги. Тварь напоминала волны, терзающие скалистые берега Предводья. Новая исполинская волна уже неслась в сторону девушки, и спустя два удара сердца её настигнет. Вдруг существо споткнулось и покатилося по траве, замерев в каких-то пяти шагах от алгунир. Из затылка существа торчал кинжал — её напарник успел вовремя. Каким-то чудом волна не достигла девушки, и сейчас отступала назад в море. Показавшийся позади поверженного чудовища, Змей принялся огибать зверя.

— Ты как?

Едва услышав голос каргала, неподвижно лежащее чудовище вскинулось, полоснув острейшими когтями по Змею. Отлетев на несколько саженей, он стукнулся о дерево, рухнув сломанной куклой. Зверь помотал головой, страдая от торчащего из затылка кинжала, но кое-как смог найти убегающую Гончую. Сорвавшись с места, он настиг её в один момент, полоснув по ногам. Всё ещё не до конца придя в себя, тварь не рассчитала удар, едва-едва задев добычу. Крик боли огласил округу, и Гончая рухнула на живот с окровавленной голенью. Подбежавшее чудовище перехватило её зубами, приподняв над землёй. Потерявшая сознание от невыносимой боли девушка бесчувственно повисла в хватке твари. Затаившаяся волна набрала силу и неожиданно обрушилась со страшной силой на скалу, сломав её напополам. По подбородку твари обильно потекла кровь Гончей, капая на землю.

Неожиданно тварь замерла. Где-то далеко в её гудящей голове поселился звук крыльев, и зверь принялся мотать головой из стороны в сторону. В этот момент длинный клинок вошёл в затылок погани. Разжав челюсти, зверь выронил истекающую кровью Гончую на траву.

Следы от зубов начинались на её правом предплечье, пересекали всю правую сторону грудной клетки и заканчивались на ключице. Мир перед глазами алгунир расплывался, не собираясь складывать кусочки мозаики в единую картину. Гончая смогла рассмотреть лишь затемнённое лицо на фоне серого неба. На большее сил у неё не хватило.

— Ох, зайцы! — проговорил грудным голосом белокурый мужчина, кудрявые волосы которого были завязаны в хвост. — Потрепало вас знатно! Но и вы этой погани достойный отпор дали!

Облачённый в сине-белую одежду, с двумя клинками на поясе, мускулистый мужчина подошёл к Змею. Бегло осмотрев, он одной рукой закинул на плечо лидера их группы. Кое-как устроив тяжело раненную на второй руке, незнакомец посмотрел в ту сторону, откуда недавно доносились вопли тварей.

— Пропал во мраке, — нахмурился мужчина. — Жаль зайца...

Мужчина сосредоточился, пошевелил здоровенными плечами и из-под его плаща вырвались крылья цвета белоснежных облаков. В вечернем сумраке лебединые крылья мужчины слабо сияли, разгоняя смоль. В доселе безмолвном лесу появилась надежда. Явился победитель погани. Чирикнул одинокий воробей. Ухнул филин. Личинка жука-древоточца не ушла от ловкого клюва дятла. На краю поляны высунул мордочку серый заяц. Свет возвращался в воронье леса, изгоняя тьму.

Единственными, кто мог увидеть парящую в небе огромную птицу, были три человека из второй группы каргалов. Но птица была от них столь далеко, что они не смогли четко рассмотреть её и не придали этому значения.

— Как вы думаете, что с ним? — шепнула Кроха.

— Да хрен его знает! — выругался Бритва. — Когда твари уйдут, надо будет проверить.

И пойдёшь туда ты.

— Почему я?!

— Потому что именно ты упустила Мангуста в городе.

— Да кто знал, что всё получится именно так! И вообще, он перцовкой меня ослепил!

Девушка яростно потёрла красные от металлической стружки глаза. Они нещадно болели и доставляли ей большие неудобства. Конечно, она сразу же воспользовалась каплями, а после промыла одной настойкой, способствующей быстрому восстановлению после попадания этой слезоточивой смеси. Но для хорошего результата нужно промывать глаза как можно чаще, да и далеко не во всех случаях зрение возвращается полностью. Кроха не могла нормально сфокусировать взгляд, а глаза постоянно слезились и болели, что очень сильно её бесило и заставляло скрежетать зубами, вспоминая злополучную схватку с Мангустом.

Негласно в Гильдии существуют Тени и Стиратели, однако это совсем не так. На самом деле существуют только Тени, официальные представители организации. А Стиратели — лишь расходный материал, что-то между Тенью и наёмником. Однако все истинные каю умеют хранить тайны. Поэтому Стиратели и понятия не имеют о том, что они не более, чем старый больной таппан — и убить жалко, и оставлять затратно. Однако коль больной таппан сам рвётся в бой, то можно воспользоваться бесплатной рабочей силой и поддержать его ещё какое-то время. Всё равно рано или поздно его можно будет принести на жертвенный алтарь во имя государства.

Девушка закусил губу — надо было сразу убивать его и дело с концом. Но нет, дура безмозглая! Зубы заговорить захотела, да тёпленьким каргалам сдать! Бритва только махнул рукой на потирающую глаза девчонку.

— Ну и твари, ужас...

— Это топтуны. Из Гиблых Топей к нам наведались. Тут недалеко совсем.

Кроха и Бритва разом воззрились на лидера группы.

— Топтуны?

— А ты откуда знаешь?!

— Будете орать — вместе пойдём на корм следом за Мангустом! — шикнул на них Ингул, и уже спокойнее: — Топтуны это, видел их раньше. Нам здесь ничего не светит. Надо уходить.

— Куда?! А труп проверить?

— Они знают, когда кто-то входит в их логово, даже если в другом конце леса находятся. Считайте это что-то вроде их тёмных чар. И даже если мы проверим и убедимся в том, что Мангуст мёртв, сможем ли мы отбиться хотя бы от одного? А от двоих? А бежать здесь, сами понимаете, бессмысленно. Они быстрее медведей бегают. Да и сам косолапый для них на один зуб.

— И куда нам теперь?

— Надо проверить, где вторая тройка. Они не подадут сигнал.

Ещё издалека все трое учуяли смрадный запах туши топтуна. Вокруг тела, там, где кровь твари оросила землю, трава завяла и окрасилась в серые цвета. Гнилому чирью была подобна туша чудовища. Лес посылал все силы, чтобы выдавить гниль, но совладать с гиблой мощью он был неспособен.

— В кровь не наступите!

— А что будет? — с вызовом спросил Бритва.

— Хочешь — проверяй. Но я бы держался от такой пакости подальше. Даже будь это труп. Нет! Особенно если это труп!

— Смотрите! — послышался шёпот Крохи в десяти сажнях от двух молодых людей. — Здесь...

— Что там, чего замолчала? — отодвинул её подбежавший Бритва.

Лицо его тут же сменилось гримасой боли — ещё один мёртвый каргал. Головы не было, осталось лишь крошево мозгов вперемешку с костями черепа, кровью и волосами.

— Брат мертв, Ингул...

Скрипнувшие зубы командира отряда Бритва с Крохой слышали даже за десять сажень от него.

— Бритва, ты знаешь, что делать.

— Есть! — козырнул каргал, начав собирать хворост для большого костра.

Каргалы умели устраивать костёр так, чтобы он не спалил лес, но Кроха об этом не знала, с удивлением переводя взгляд с Ингула на Бритву.

— А... — замялась девушка, подойдя к осунувшемуся Ингулу. — Где ещё двое?

Какое-то время лидер не отвечал, обходя местность и изучая в разных местах следы. Кроха уже отчаялась услышать ответ, как вдруг Ингул пробубнил себе под нос:

— И мне это тоже интересно.

Девушка не видела, чем именно занят сидевший на корточках спиной к ней Ингул, но не стала задавать вопросов и удалилась помогать Бритве. Покрутив в руках длинное белоснежное перо, Ингул поискал что-то в небе и пробубнил себе под нос:

— Очень интересно...

Комната пропахла необычными травами, сукровицей и чем-то ещё. Таких запахов нос Змея ещё никогда не ощущал. Напоминало крапиву, хвойные иголки, и, наверное, масло. Даже несколько масел.

Посчитав своё состояние удовлетворительным, он распахнул глаза. Первым его встретил высокий аркообразный потолок ярко-бежевого цвета. Попытавшись подняться, он крикнул — всё тело ниже шеи и выше того места, где брюшной пресс теряет свое название, оказалось плотно закрыто тряпками. От совершённого им движения травами запахло сильнее, и пришлось упасть обратно на мягкую подушку.

Справа от него спала Гончая. Выглядела она скверно. Бледное лицо, синие губы и частое свистящее дыхание свидетельствовало о тяжёлом положении девчонки. По сравнению с ней, каргал выглядел совсем здоровым. Дышать было тяжело. Он чувствовал, что лёгким не хватает воздуха, но не мог вдохнуть глубже и от этого ощущал себя прескверно.

Между их кроватями, на комоде, каргал заметил глиняные ребристые кружки с корчагой. Змей хотел расслабиться и надеялся на булькающее там вино, но изучить содержимое кувшина ему не дали. В комнате появился мужчина неопределённого возраста в ярко-синей тунике и прищурился, рассматривая каргала. Высокий мужчина с развитыми плечами и узловатыми пальцами внушал опасение, а парные клинки в потёртых ножнах говорили о его неплохих воинских качествах.

— Очнулся, сынку? — голос незнакомца хрустел соломой. — Это хорошо. Значит, не все травки я на старости лет перепутал...

Из-за его прямой спины и невероятного спокойствия во взгляде, больше сорока дать ему было невозможно. Однако от того, что лекарь мог что-то напутать, у Змея сами собой подскочили брови, и он сразу перестал гадать о возрасте незнакомца. Увидев его выражение лица, мужчина засмеялся каким-то скрипучим, пищащим, или даже свистящим голосом, а в его глазах появились смешливые огоньки.

— Э-хе-хе-хе-хе!.. Видел бы ты свою морду!

— Где мы?

Змей не узнал собственный голос — сиплый и тихий. Так скрипит ржавый нож, когда пытаешься его наточить. Сразу же пересохло во рту, а удушье усилилось, вызвав головную боль.

— Да ты совсем плох, балда! Так и помрёшь скоро! — резво подскочил мужчина. — А ну-ка ляг! После наболтаешься! Вот, выпей!

От него не укрылось, насколько подозрительно каргал переводил взгляд с протянутой ему кружки на него и обратно. Каргал знал много способов определения подмешанного яда и как избавляться от оногo, ежели всё-таки принял, но сейчас такой возможности не было. Незнакомец удивлённо взглянул в кружку и ахнул:

— Ой, это же слабительное для моей захворавшей свинки! Так вот кому я дал лекарство... — тут он перевёл взгляд на Змея: — Впрочем, ничего страшного, тебе тоже не повредит. Пей!

— Эй! Ты за кого меня...

Не успев договорить, Змей зашёлся кашлем.

— Ай, балбес! Вон какая колонча вымахал, а извилин не прибавилось! Выпей отварчику, говорю, поможет! — и снова увидев подозрительный взгляд каргала, сжалился: — Да лекарство это, лекарство!

Что на вкус, что на запах Змею показалась обычная трава с кислым привкусом лимона.

— Ты главное такой морды не строй, когда в кусты побежишь.

Гневу Змея не было предела. Он сначала заворочался, потом застонал от боли, и снова заворочался.

— Дядь Горазд, очнулись зайцы?

В узкий проём протиснулся здоровенный мужик.

— Очнуться-то очнулись, — вздохнул знахарь. — Вот только этот точно не жилец.

— Как?!

— Почему?!

Опешили Змей со здоровяком одновременно.

— Так ты глянь, как он дёргается. Так и рвётся на встречу к Мрене. О, и раны открылись. Не-е, не жилец.

Пропитанные лечебными травами тёмно-бурые тряпки стали ещё темнее. Змей испепелял взглядом лекаря, но тот и бровью не повёл.

— Ха-ха-ха! — пробасил гигант. — Дядь, прекрати так шутить, смотри, а то действительно очочурится! А ты, заяц чернявый, не обращай внимания на дядьку Горазда! Шутит он так!

Горазд недовольно глянул в сторону здоровяка:

— Ну и на кой ты мне всё веселье портишь, мелочь ты пузатая?

Вклинившись в начинавшуюся перебранку, Змей прохрипел:

— Где это мы? И почему я вас понимаю? Это не сепахийский язык!

— Да не язык это, это образы, дурья твоя башка! Образами тут разговаривают! Вот что за червячки необразованные пошли! — вскинул руками Горазд. — Ты, знаешь что, заяц, не спеши с вопросами. Вот полежите денёк-другой, оклемаетесь, а там и к вопросам подберёмся!

— Нельзя нам разлёживаться! Дела у нас!

Каргал снова попытался подняться, но у него ничего не получилось. Одеяло вдруг стало столь тяжёлым, что он не смог пошевелиться.

— Увы, тут я бессилён! — развёл руками Горазд. — Слабоумие лечить не умею. До утра не доживёт! Радогор, иди готовь костерок погребальный.

— Нам надо... нам...

Отвар подействовал, и голова каргала упала на подушку.

— Долго сопротивлялся моей настойке, паршивец! Обычно к десятому вдоху засыпают!

— Дядь, а деваха-то как?

— Да оклемается любовь твоя, оклемается! Хотя...

— Ну дядь! — непонятно было, возникал ли великан словам его любовь или чёрному юмору Горазда.

— Трудно ей придётся, — тон знахаря стал серьёзен. — Выкарабкаться сама должна. Яду много в ней. Хорошо её полоскать потом будет, ой, как хорошо...

Мужчины замолчали, глядя на бледное лицо девушки, борющейся за свою жизнь.

Двое суток Змей провалялся без задних ног, проснувшись в приподнятом настроении.

— Буэ!.. Буэ!..

Повернувшись на звук каргал поднял брови, увидев перевесившуюся с кровати девушку. Благо, кто-то позаботился о ведре, в котором плескалась уже добрая половина чёрно-жёлтой жижи. Скривившись от гнилого смрада, мужчина некоторое время наблюдал за картиной под названием «медленный опохмел плавно переходит в длительный запой» и потянулся к корчаге. Но когда поднёс к губам жидкость, пахнущую лимоном, заметил взгляд девушки. Весь её подбородок был перепачкан чёрно-жёлтой жижой. Когда она открыла рот, из уголка покатила свежая струйка и девчонка снова склонилась над деревянным ведром. Отложив кружку, Змей понял, что на сегодня он напился.

Под новенькими повязками болело, но не так сильно, как раньше. По-крайней мере, сейчас он смог встать. Только сейчас Змей заметил, что в комнате находился Горазд. Лицо знахаря не было похоже ни на сепахийца, ни на эрина, ни на кашгарийца. Каргал не любил неразрешённых загадок, и ему это не нравилось. К его сожалению, в данный момент таких загадок накопилось великое множество.

— Не помёр ещё? — с ленцой осведомился Горазд, поджав губы.

— Не дождёшься! — С радостью бросил каргал, отметив, что голос пришёл в норму.

— Ну ничего, мы это исправим.

— Скажи лучше, сколько я спал? И где мы?

Подошедший к уснувшей девушке Горазд принялся без всякой брезгливости вытирать её измазанное лицо, волосы и рот.

— В Шенграде ты, сынку, в Шенграде.

— Чего? Где-где?

— У тебя со слухом проблемы, сынку? А, точно, совсем забыл. Вы же мокрицы!

Увидев недоуменный взгляд каргала, знахарь вздохнул:

— Вот сейчас Радогор придёт и всё расскажет. А мне пора.

— Постой! Почему я тебя понимаю?

— Говорил ведь уже! Здесь говорят образами. Всё потом, когда девочка очнётся.

— Да погоди же! — вновь остановил его каргал. — Сколько мы должны за лечение?

— Должны? — изумился Горазд, вскинув брови. — Ничего вы не должны. Странный ты какой-то!

Горазд хлопнул дверью, оставив каргала в недоумении. Покосившись на новое ведро у кровати Гончей, Змей устало вздохнул. Что же это из неё лезет, коли она ничего не ест? Похудела-то как. Щепка и то толще будет. Между тем, девушка начинала бредить. Что-то говорила, вертела головой и внезапно смолкала, чтобы позже начать заново. Дверь открылась, и к каргалу со свёртком подошёл Радогор.

— Здрав буде, заяц чёрный!

— Э-э... Почему чёрный? — невпопад спросил первое, что пришло на ум, каргал.

— Дык патлы у тебя, аки смоль! — с улыбкой до ушей ответил великан, словно сказав святую истину.

Местные портные зашили испорченную одежду каргала на славу, однако никакого оружия и снаряжения в ней не оказалось. Всё вытащили под чистую.

— Сколько мы уже здесь? И что такое Шенград, Радогор? И кто вы? Горазд обещал, что ты всё расскажешь.

— Как? Неужели не помнишь ничего?

Каргал нахмурился, силясь вспомнить хоть что-либо, но разболевшаяся голова заставила прекратить эти попытки.

— Помню, как в затылок твари попал. Помню, как она упала и всё... Больше ничего.

— Ого! — восхитился мужик, присаживаясь на кровать к одевшемуся каргалу. — Так это ты его так? Крут, ничего не скажешь! Вот только в следующий раз в живот бей, или пониже. Можно ещё глаза и затылок. У погани там места уязвимые. Хотя твоими зубочистками и волчонка-то не пришибить...

Каргал проигнорировал подколку великана:

— Погань? Вы их так называете?

— Ага! С Гиблых Топей пожаловала. Ух, нечисть проклятая! Отведала сталюшки благородной! — Радогор потряс кулаком, размером с голову каргала, отчего тот невольно отшатнулся.

— Так что такое Шенград? — вернул он великана к первому вопросу.

— Слыхом не слыхивал про царство Шенград? Его ещё Шенгарад называют, или Небесный Архипелаг.

Покосившись каким-то изучающим взглядом на великана, каргал всё-таки не выдержал и расхохотался.

— Ну, даёшь!

Радогор поднял бровь, явно не понимая причины хохота. Змей, конечно же, слышал байку про Небесный Остров и живших там женщин-воительниц, но ни это место, ни здоровенный мускулистый мужик напротив него не подходили ни под одно описание.

— Ты чего это зубы скалишь, мокрица? — надул щеки великан, став похожим на обиженного ребёнка.

— Горазд тоже назвал меня мокрицей, что это значит?

Но в этот момент Радогора отвлек чей-то голос снаружи, и он, что-то крикнув в ответ,

выскочил из лечебницы, пообещав подойти совсем скоро.

Ноги на удивление хорошо держали каргала, но после пяти шагов раны на груди снова заныли. Почёсывая зудящие места, Змей некоторое время приводил мышцы в порядок, делая осторожные движения. Алгунир всё также неподвижно лежала с бледным лицом и потускневшими губами. Её грудь кое-как вздымалась, а смрад немытого тела вкупе с запахом сукровицы и гноем пробивался даже сквозь одеяло. Змей поморщился и оглядел небольшую комнатку, заметив лишь небольшое окошко, полки с книгами и проход в другую комнату.

Свежий ветерок, задувший из открытой двери, привлёк каргала и он направился подальше от спёртого воздуха на дрожащих ногах. Улица встретила его ярким солнцем и мощными порывами ветра. Когда ветер утих, а глаза привыкли к солнечному свету, он опустил руку. Поначалу, бескрайнее море белых облаков поразило его своей безмятежностью, но через какое-то время Змей обнаружил себя стоящим в дверях и прижимающимся к стене. Он вдруг с ясной чёткостью осознал, что боится высоты. А ещё, что всё это время они были на крохотном пяточке земли, который в любой момент мог сорваться вниз.

— Заяц, ты чего? Выходи! — голос воротившегося Радогора разбудил каргала, забывшего, как дышать.

— Ид-ди ты з-знаешь, куда?! Хрена лысого, не-не-не выйду я!

— Ну вот чего вы, зайцы, такие пугливые! На земле всем пасть порвут, а на небе хвост прижмут! Выгляни в окно, домик-то вообще на краю стоит! Не страшно? — с издёвкой хохотнул он.

Змей осторожными шагами, как будто пол вот-вот провалится, подошёл к окну и снова выругался. Земля обрывалась в пропасть облаков через пару шагов от окна. Отпрыгнув ещё проворней прежнего, он вжался в единственную стеночку у открытой двери. Это место он почему-то посчитал самым безопасным. Радогор смеялся уже во всю.

— Давай, выходи! Ничего с тобой не случится!

Выглянув наружу, каргал схватился за косяк двери, как будто он мог спасти его от неминуемого падения. Отсмеявшись, Радогор следил за действиями каргала. На полянке с невысокой травой стояла деревянная беседка, из которой можно было наслаждаться приятным ветром. Почти вплотную к беседке извивалось дерево, отбрасывая тень своими раскидистыми ветвями с крохотными синеватыми плодами. Облепив ветви, невиданные каргалом птицы клевали плоды и распевали самыми разными голосами.

Оставшись одной ногой в доме, вторую Змей выставил за порог, осматриваясь. Показавшееся ранее бескрайним, море белых облаков кое-где было испорчено заснеженными пиками гор. От осознания высоты, он невольно сглотнул. Немного привыкнув, он вышел из дома, всё так же держась одной рукой за стеночку. Здоровяк, стоявший у беседки, приветливо улыбнулся и махнул ему рукой:

— Поди сюда! Да не бойсь, не упадёшь!

Наконец, решившись, каргал отлепился от стеночки и медленно пошёл к Радогору, подозрительно косясь в сторону пропасти. Немного отойдя от постройки, краем глаза каргал заметил парящий в сотне саженей над их домиком ещё один небольшой остров. Вытянутый книзу, он напоминал выдернутый овощ, со свисающей сверху шапкой пышной зелени. Подивившись такому чуду, Змей не заметил, как подошёл вплотную к здоровяку, положившему свою здоровенную руку на его плечо. Покосившись на Радогора снизу-вверх, он хотел было что-то сказать, но проследил за его взглядом и остолбенел.

В другой стороне, куда он и не думал смотреть, открывался поистине новый мир. Их небольшой островок, на котором можно было лишь оздоровительные прогулки совершать, соединялся деревянным мостиком с громаднейшим островом. Там, вдалеке, у противоположного края острова, высились заснеженные горы. Стекавшие с гор ручейки сходились в большое озеро, из которого в разные стороны отходили рукава рек, водопадами ниспадавшие на нижние ярусы острова. Там, в свою очередь, образовывались ещё озёра, из которых излучинами змеились речушки. Рано или поздно они достигали края острова и водопадом обрушивались вниз, в бесконечный полёт из небес.

По правую сторону острова, на самом краю, подпирало небосвод исполинских размеров дерево, едва ли не выше гор. Даже на таком большом расстоянии оно подавляло своими размерами, корнями обнимая весь остров. Вокруг этого острова парила дюжина маленьких островков. Какие-то размером с тот, на котором сейчас стоял Змей, другие побольше, иные поменьше. Некоторые, так же, как и их островок, соединялись друг с другом или с главным островом деревянными мостиками. Утопающий в зелени главный остров изобилдовал постройками, а если присмотреться, то кое-где можно было даже рассмотреть людей.

Каргал долго не мог оторваться от такой красоты, стоя с распахнутыми глазами и казалось, что он даже не дышал. На некоторое время Змей даже позабыл, что до дрожи в коленях боится высоты. Ну а Радогор улыбался, оставшись довольным произведённым на чужака впечатлением.

— Что это?.. — очень тихо проговорил Змей. — Где мы, Радогор?

Почему-то каргал уверовал, что, спроси он чуточку громче, видение пропадёт, обернувшись красочным сном.

— Ну что, заяц, уразумел? Говорили же, на Архипелаге Небесном!

— Но ведь это сказки... Разве это возможно?..

Змей на некоторое время задумался, а Радогор ему не мешал.

— Значит, тут несколько таких вот... островов?

— Да, но не несколько. Их ровно 29! — с гордостью ответил здоровяк, выпятив грудь.

У Змея вдруг закружилась голова, и он предпочёл присесть в беседке. Место напротив занял здоровяк.

— Шенгарад, значит?.. А почему острова не падают? Как мы сюда попали? А ты тогда кто? А как это всё... — каргал схватился за голову: — Радогор, у меня столько вопросов...

Немного помолчав, Радогор решил начать с малого.

— Я — шен, — гордо выпятил грудь великан.

— Шен? Тебя же, вроде, Радогором кличут?

— Радогор это имя, бестолочь! — нахмурился великан. — Шены благословлены дланью Дажьбога, жены его — Изумрудой и сыном их — Ветрием! Не позволю так попирать шенов, мокрица!

— Я... Я прошу прощения, Радогор...

— Ничего страшного, — широко улыбнулся великан. — Ты ведь не знал.

— Так ты... У вас... А как остров летает? И чего не падает? А где ещё шены? И сколько их здесь? И ты так и не ответил, сколько я был без сознания!

— Вопросы подождут. Пускай вторая мокрица проснётся, тогда и потолкуем всласть! Ежели по два раза вам всё втолковывать, так никакого времени не напасёшься!

— Кстати, Радогор, почему ты нас мокрицами называешь? И Горазд тоже что-то такое говорил?

— А, да всё очень просто! — расхохотался он, — Просто вы по земле ползаете, вот и мокрицы! Ну иногда зайцами зовём ещё! Мы, конечно, можем вас назвать и червячками, или мышатами, но как-то привыкли шены называть так людей. Но это не в обиду вам, просто забавные вы. Зато вы нас вершками обзываете!

— М-м-мы? Да никто вас так не называет! До этого дня я вообще был уверен, что всё это сказки!

— Странно, странно, — великан потёр подбородок. — Ещё четыре столетия назад все знали о нас... Кстати да, примерно четыреста годков назад к нам последний раз люди хаживали!

— Как это? Сюда что, можно по земле добраться?

— Конечно же! Не слыхал никогда о Пути Тысячи Вёрст?

— Из названия понятно, что штука страшная...

— Эт точно! — хохотнул великан. — Но ты только Горазду или другим не говори такого!

Они похохотали.

Прошло ещё четыре дня. За это время Змей исследовал весь их небольшой островок, стараясь не приближаться к пропасти и мосту. Почему-то деревянный мост казался ему настолько хрупким, что даже смотреть на него было страшно. Радогор заверил, что Ветрий следит за своими гостями и не позволит им упасть. Проверять Змею всё равно не захотелось, хоть великан и утверждал, что прыгать вниз весело и здорово.

Что удивило больше всего, так это то, что шены не задавали никаких вопросов. Это обстоятельство каргала серьёзно тревожило. Он начинал подозревать, что они и так всё о них знают. Может, они используют образы не только для общения, но и для чего-то ещё? Авось, в головы влезают и всё знают о них? Но на вопросы они не отвечали, тыкая пальцем в девушку, лицо которой с каждым днём розовело всё больше. Если до этого она больше походила на фиалку, о которой перестали заботиться, то сейчас о цветке вспомнили, и он начал распускаться.

На утро Гончая открыла глаза и отметила, что чувствует себя превосходно. Змей не стал говорить, что до этого её хорошенько так полоскало. После таких полосканий Горазд поил её снотворным с какими-то травами, чтобы случайно раны не открылись. Лекарь же заверил каргала, что если бы так и произошло, то это бы осталось на совести Змея и никого другого. Спрашивать, почему, каргалу не хотелось, и он просто решил промолчать.

Сейчас разведчики находились без повязок на лицах и часто косились друг на друга. Змей казался одного возраста с Мангустом и даже чем-то его напоминал, словно родной брат. Такой же ёжик чёрных волос, ярко выраженные надбровные дуги и сухое лицо. Хотя нет, его карие глаза выглядели старше, а чуть сдвинутые брови лишь дополняли хмурый образ каргала. У него так же виднелась полоса шрамов на голове, на которой не росли волосы. Начинаясь от правого виска, огибая ухо и теряясь на затылке.

В очередной раз покосившись на своё истерзанное клыками твари тело, девушка нахмурилась. Начинаясь внизу грудной клетки, клыки чудом не задели правую грудь девушки, пройдя по груди и затерявшись на ключице. Предплечью досталось меньше, а спина, по заверению Горазда, уже почти зажила. Гончей оставалось лишь разводить руками и удивляться скорости лечения. Такие раны у неё дома затягивались бы никак не меньше полугода. Тем не менее, по заверению каргала, здесь они провели меньше седмицы. При

этих словах он то и дело брезгливо косился на пустое ведро, стоящее у её кровати. Но девушка ничего не помнила, и оставила его взгляд без должного внимания.

— Где мы?

— В Шенгараде, — с ухмылкой ответил каргал, уже в тысячный раз исследуя их комнату.

— Ну-ну, — хохотнула девушка. — А если конкретней?

— А если конкретней, то на острове под названием Чертоги Ветрия. Скоро сама всё узнаешь.

На последней фразе в его глазах загорелся смешливый огонёк, и он метнул взгляд в сторону двери. Но она этого не заметила, посчитав это очередными чудачествами каргала.

— Ой, что за странные... — она не смогла подобрать слово, но закончила: — Почему я тебя понимаю?

— Привыкай, здесь говорят при помощи образов, а не языка. Говорю же, скоро тебе всё объяснят.

— Ты как, дочка? — вошедший Горазд тут же подскочил к девушке, не дав ей обдумать слова напарника. — Хорошо себя чувствуешь? Ничего не болит?

Змей поразился такой заботе, ведь с ним знахарь обращался не более, чем с мерзким жуком. Но ни одна черта его лица не выдала в нём удивления. Впечатления первого дня, когда сказка вдруг стала явью, а перед ним открылись завораживающие красоты Небесного Архипелага, прошли.

— Всё хорошо! — весело проблеяла девчонка, а Змей лишь хмыкнул про себя — хорошо играет, чертовка.

— Раны тяжёлые, яду скверного в них много было! Это вон тому лбу всё нипочём, — Горазд даже не оборачиваясь махнул рукой в сторону каргала. — На следующий день уже скакал, аки козлик!

Девушка хихикнула и поднялась с кровати.

— А где мы?

— А тебе что, этот плешивый ничего не рассказал? — явно намекая на его шрам, кивнул на каргала знахарь.

— Не-а!

От такой вопиющей лжи Змей чуть было не задохнулся, но сделал вид, что увлечённо читает невероятно интересную книгу. На неизвестном ему языке. И, похоже, вверх ногами.

— Ну ничего, сейчас покормим тебя и всё расскажем!

Накормив Гончую, Горазд принялся отвечать на её вопросы, тихо что-то втолковывая в другой комнате. Змей же решил подышать свежим воздухом, выйдя на улицу. Через какое-то время, сидя в беседке, каргал услышал шаги:

— Сынку, — Горазд догонял Радогора, выйдя из дома. — ты их главное летать, летать научи!

Змей подозрительно покосился на Горазда, и это не укрылось от великана:

— А то, дядьку! Первым чёрного зайца научим!

— Э-э?... — только и смог выдавить из себя каргал. — Я лучше тут останусь!

— Да шутим мы так, шутим! — сказал Горазд, когда они с Радогором отсмеялись.

Едва узрев за пропастью громадный остров, девчонка долго его рассматривала с открытым ртом, не проронив ни слова. Змей хмыкнул, понимая, что выглядел примерно так же. Но Гончая оказалась крепче, чем каргал, и пришла в себя довольно быстро, подойдя к

беседке с тысячей вопросов. Напарники расположились лицом к пропасти, что вызвало у шенов улыбки.

— В незапамятные времена, когда Изумруда и Дажьбог обвенчались, у них родился сын Ветрий, — начал рассказ Горазд. — В подарок, Изумруда, Богиня-Мать, поделилась земной твердью. А Дажьбог, покровитель небес, наделил землю жены своей Силой могучей. И воспарила земля Ветрия выше облаков! И стал он царствовать и править. Но Ветрий был один, и тогда взял он частичку земли и неба. И наделил силой своей. Так появились верные воины его — шены. Воины Ветрия оказались сильны и могучи. Они могли парить в небе и ходить по земле. И стали шены помогать Дажьбогу и Изумруде избавляться от нечисти на земле и в воздухе. Так до сих пор и заботятся шены о земле под дланью бога своего — Ветрия.

— Так значит, — подал голос Змей. — Основная ваша цель это защита земли от нечисти?

— Да, заяц, — взял слово Радогор. — Поэтому мы и спускаемся к вам, зайцам. Следим чтобы вас гады проклятые не слопали! А последнее время много их наплодилось! Вот только в Гиблые Земли мы не ходим, силы очень быстро теряем. Плохие там места, скверные. А помогать червячкам, попавшим в беду от лап гадов серых — обязанность наша. Ведь вас, людей, слепила из белой глины Изумруда, а значит мы с вами, отчасти, родня!

— Да уж... — протянули поражённые разведчики.

— А почему мы тогда о вас ничего не слышали раньше? — спросила Гончая.

— Мы тут на днях с Гораздом перекинулись парой слов. Во времена Эпохи Первого Солнца червячки знали о шенах и хаживали к нам. Но Энкуантекутли, будь он неладен, вызвал гнев Богов и завязалась страшная битва. Энкуантекутли возжелал стать выше Богов и свергнуть их. Много крови было пролито в те времена. На битву с Энкуантекутли и приспешниками его пошли многие Боги. Но из-за чудовищной разрушительной силы их заклятий случилось страшное. Из глубин океанов поднялась Большая Вода выше самых высоких скал и обрушилась на земную твердь, а солнце погасло на сорок седмиц. Кончилась на этом Эпоха Первого Солнца и запомнили червячки о Небесном Архипелаге.

— Энкуан... — не смог выговорить Змей. — Кем он был? И что с ним стало? Я о нём никогда не слышал.

— Энкуантекутли, — повторил Горазд. — Он был потомком Первых, в котором осталась частичка их бывшего могущества. Другими словами — простой смертный, вознамерившийся стать Богом. Что же с ним случилось — никто не знает. Однако после того, как Утун взошёл на небо и началась Эпоха Второго Солнца, бедствия прекратились, а об Энкуантекутли больше никто не слышал.

— Недавно я видела двух... не знаю, кем они были. В общем, два человека парили в небе без помощи крыльев, и один из них швырялся огнём и молнией.

Змей подозрительно косился на напарницу, чтобы она не сболтнула лишнего. Хотя, что именно он считал лишним, Змей пока что не знал.

— Сперва мы слышали очень громкие звуки, похожие на раскаты грома. После словно из-под земли вырвались столбы огня, сжигая всё на своём пути.

— Мы знаем об этом, дочка, — кивнул Горазд. — Скажи, как выглядел тот колдун.

— Они были слишком высоко в небе. Помню только, что у него были белые волосы. Второй же был вооружён парными саблями. Это всё, что я смогла разглядеть.

Шены удивленно переглянулись:

— Шаккан! Второй который, это же Шаккан, дядьку!

— Да, похоже на то... — задумчиво потёр подбородок Горазд.

Видя недоумение на лицах разведчиков, Горазд пояснил:

— Шаккан — потомок Первых и один из тех, кто вступил в противостояние с Энкуантекутли. Однако он не был у нас в гостях уже... — Горазд зажмурился. — Да как раз с начала Эпохи Второго Солнца и не давал о себе знать. На него это не похоже, он любил Небесный Архипелаг и с радостью у нас гостил.

— А где сейчас потомки Первых?

— Да кто же знает этих свободолюбцев! — хохотнул Горазд. Погибли все уже, наверное. А ежели и не погибли, осталось их совсем немного, а найти их ой, как сложно. Что же касается седовласа, то тут ничем помочь не могу. У Шаккана, как и всех Первых, волосы пшеничного цвета, но я никогда не слышал о седых Первых. Даже к старости у них не менялся цвет волос и не выпадали зубы. Частичка Бога...

— А почему остров не виден с земли? — решила сменить тему Гончая.

Каргал не знал, слушала ли она вообще что-нибудь, ведь мысли её скакали как у всех порядочных девчонок — беспорядочно.

— Ветрий, дочка. Сила Ветрия скрывает Небесный Архипелаг.

— Мы здесь говорим при помощи образов, ведь так? — задала очередной мучавший её вопрос алгунир, а каргал снова поморщился от скачущих мыслей Гончей.

— Точно так, но вы в любой момент можете перейти на любой язык, который вы знаете. А на островах Небесного Архипелага мы общаемся с вами, мышатами, при помощи образов. Сложно объяснить, просто это такой дар Ветрия, и он не навсегда, — поспешил огорчить разведчиков знахарь. — Как только вы покинете Архипелаг, разговаривать образами не сможете.

— Ладно, похоже, вы здоровы, — тут Горазд с прищуром посмотрел на каргала, отчего тот поёжился: — Хотя нет, вот ты помрешь скоро.

— Очень смешно... — скривился Змей.

— Радогор, покажи им тут всё, а мне пора.

И, не дожидаясь ответа, прыгнул в пропасть. Люди дёрнулись было спасти его от верной гибели, но из спины знахаря вырвались белоснежные крылья. Несколько раз крутанувшись в воздухе, он подхватил ветер и понёсся куда-то в сторону большого острова. За его полётом восхищённо наблюдали разведчики, и Радогору льстил их восторг столь простым и обычным для него вещам.

Их самые худшие опасения оправдались, когда великан подвёл их к мосту. Когда они наотрез отказались переходить мост, Радогор не сразу понял причину их страха. Но потом догадался и заверил, что в любом случае не даст им упасть. Более того, на своём примере показал, что мост более, чем надёжный, и ничего опасаться не стоит.

Уверовав в то, что, ежели мост выдержал такого великана, то и их подавно выдержит, девушка решила пойти первой. Каргал в очередной раз удивился стойкости и бесстрашию своей напарницы и по-новому взглянул на неё. Ветрий, властелин этих земель, затеял с ней поиграть, дунув в лицо тёплым ветерком. Гончая отшатнулась, выдохнув от страха. В поисках поддержки, алгунир скользнула взглядом по лицу Змея, а он в ответ улыбнулся.

Когда она сдавала экзамены, одним из испытаний было покорение высоты. Каю хорошо натаскивают работать на любой высоте, безопасно прыгать с третьего и четвёртого этажей, висеть на башне или маяке, и постоянно смотреть вниз, на землю, представляя свою смерть.

Как-то раз она должна была выкрасть одно послание в высокой башне. Той ночью поднялся сильный ветер, швыряя Гончую из стороны в сторону, а пальцы скользили после прошедшего дождя. Несмотря на подобные обстоятельства, забираться было довольно просто и куда сложнее было не попасться на глаза вездесущим стражникам, которые могли просто поднять голову вверх. После таких заданий ей казалось, что она давно переборола страх перед высотой, но когда она видела под собой не землю, а проплывающие облака, Гончей становилось не по себе.

Вцепившись пальцами в тугие канаты, алгунир шагнула на мост. Не отрывая взгляда от белого моря облаков, каю двигалась вперёд. Игривый ветер пошатывал, заставляя Гончую гадать о том, сколько времени ей понадобится, чтобы долететь до земли. И эта цифра ей категорически не нравилась. Последние сажени каю преодолела бегом. Ещё некоторое время бледная девушка приходила в себя, поглядывая на напарника. Каргал повторил почти всё в точности, за исключением ругательств, которые из него то и дело вырывались. Радогор ничего не сказал, просто наказав следовать за ним.

Мягкий зефир играл в волосах людей, теряясь в ветвях разлапистых деревьев. Порой казалось, до их ушей доносится не шум ветра, а далёкая музыка, рождающаяся где-то в ином мире. И щебет неизвестных им птиц уже воспринимался не как набор звуков, а пение самой природы. Ария загадок дополнялась далёким шумом водопада и журчанием ручейков. Оседавшие на их лицах капли воды обжигали своим теплом, подсказывая, что где-то недалеко обрушивался в бесконечную пропасть водопад. Сидевшие на плечах Радогора разноцветные попугаи свысока важно осматривали Гончую и Змея, привлечённые блеском капель на их лицах, в которых сияло игривое солнце. В воздухе разливался одуряющий запах цветочной пыли, шлейф которой привлекал внимание пчёл.

Петляя по дорожкам, гости острова постепенно поднимались вверх. Их островок становился всё меньше и меньше, чему разведчики сильно удивились — настолько огромным оказался основной остров. Когда они забрались повыше, Чертоги Ветрия раскинулись перед странниками своей бесконечностью. И вроде бы, они со своего острова уже всё видели, и тем не менее, оказались поражены. Но ещё больше их удивили пролетавшие мимо них шены. Все они с любопытством глазели на людей, вертевших головами им вслед. Кто-то из них принимался кружить вокруг гостей, а кто-то подходил, знакомился и похлопывал по плечу. И все, как один, интересовались их здоровьем.

— Вы первые зайчата за последние четыре сотни лет, — поспешил объяснить здоровяк. — Мы хоть и живём всего чуть больше двух сотен, но даже мой дед с людьми не встречался! Слишком уж вы знамениты теперь здесь. Все только и спрашивали нас с дядькой о вашем здоровье. Большую часть фруктов, что мы вам носили, передавали шены.

Некоторое время Радогор просто показывал им остров, рассказывал, шутил и вообще, вёл себя очень приветливо. Причём, сколько бы Змей ни пытался вслушиваться, так и не смог различить ни тени лицемерия в его поведении. Он действительно был с ними откровенен. Когда каргал вновь решил заговорить об оплате за лечение, ответ Радогора его изрядно удивил. Изумившись такому вопросу, здоровяк ответил, что они ничего никому не должны, так как больным и раненым надо помогать. Разведчики решительно не понимали шенов, но задавать больше вопросов о деньгах не решились.

Змея и Гончую волновало другое. Ни Горазд, ни Радогор ни разу не поинтересовались и ни разу не заподозрили их в чём-либо. Складывалось впечатление, что им это было

совершенно безразлично. Именно это и не давало покоя и сбивало с толку опытных разведчиков. В какой-то момент к ним подошли улыбающиеся шены и принялись расспрашивать о нижнем мире червячков. Такое внимание их сильно смутило. Вытащив за локоть Змея, Радогор спросил:

— Заяц чернявый, ты миром ведь интересовался? — Радогор указал на небольшой холмик. — Вон туды поди, да глянь.

С первых дней Змей всё пытался выведать их местоположение или глянуть на карту, но что Горазд, что Радогор, только отмахивались. В имеющихся в их небольшом домике книгах никаких карт не нашлось, а подходить к пропасти и пытаться что-то рассмотреть он струхнул.

Взойдя по крутому склону, перед каргалом выросла каменная стена. Где-то снизу, прямо за нею, были слышны разговоры шено и Гончей. Дети резвились, бегая друг за дружкой по песчаному пляжу большого озера, в котором плескалось солнце. Кто-то, упав от усталости, пил воду из кувшинов, а некоторые даже взлетали и с хохотом ныряли в озеро, поднимая фонтаны брызг. Каргал в очередной раз удивлённо проводил взглядом пролетевших мимо детей и подошёл к карте поближе. На камне, высотой в полтора роста Радогора и шириной с десяток саженей, оказались искусно выгравированы разные земли. Змей невольно восхитился мастерством гравировщика, сделавшего такой огромный рисунок выпуклым. Небесные острова, выделявшиеся характерными облачками по окружности, отличались размерами и оказались разбросаны по всему миру, а Чертоги Ветрия находились далеко на юго-западе Эритреи. Когда же его взгляд принялся бегать по карте далеко южнее родного континента, его брови ползли всё выше и выше.

В какой-то момент увлечённая разговорами девушка заметила спускающегося Змея. Лицо его оттеняла задумчивость, и она успела заметить, как каргал прячет за пазуху какой-то большой кусок материи, но её раздумья были прерваны внезапно прилетевшей маленькой девочкой. Не справившись с ветром, она уже должна была стукнуться о землю, но Радогор заботливо подхватил её у самой земли. Повисшая на могучей шее улыбающегося великана, она веселилась так, словно это был её родной отец. Однако разведчики знали, что у Радогора детей не было. Вообще, шены были очень странные. Дети у них были общие и воспитывали их все вместе, сообща. Родители тоже были общие для всех детей, и воспитывали детей они все вместе. Разведчики решительно не понимали этих существ, хлопая глазами по мере объяснения родственных связей Гораздом.

Погрозив девочке пальцем и наказав впредь летать осторожней, он опустил девочку в ослепительно синем платье на землю.

— Дядя Ладогол! — девочка не выговаривала букву «р», отчего у всех взрослых на лицах заиграли улыбки. — Смотритель плосил пеледать, что ждёт вас.

— Ладно. А ну давай, беги к мамке!

— Холосо-о! — отозвалась девочка, побежав вприпрыжку к другим детям.

Как объяснил по дороге Радогор, смотрителем был никто иной, как Горазд. Вскоре впереди раскинулось дерево, чьи кроны терялись в высоких облаках. Оно было не таким большим, как оплетающее остров древо, но внушало столь же сильно. Его не смогли бы обхватить и три десятка людей. Обросшие зеленью корни, вырывавшиеся из-под земли, разрослись на добрые сотни локтей. Вымощенная камнем дорога по краям обрамлялась колоннами с глубокой спиралевидной резьбой. Их облепили птицы и попугаи, ещё недавно

знакомившиеся с людьми. Рядом бесшумно приземлился Горазд, и подходили они уже вчетвером. У подножья дерева с двух сторон горделиво высились каменные стеллы в рост Радогора, а между ними преклонила колени фигура, облачённая в серые просторные одежды. Подойдя на расстояние в десяток локтей, шены поклонились:

— Приветствуем тебя, Говорящая, — начал Горазд. — Прошу простить нас за то, что отвлекаем тебя.

— А почему Говорящая? — зашептала девушка наклонившемуся Радогору.

— Потому что она Говорящая с Богами.

Фигура медленно поднялась с колен и повернулась. Говорящая оказалась красивейшей женщиной, с волосами белее света звёзд. Струившиеся по её плечам пряди сияли, околдовав гостей. Каргалу показалось, что он утопал в её больших зелёных глазах, и от Говорящей это не укрылось. Женщина мягко улыбнулась, внимательно изучив Змея с ног до головы.

— Негоже смотрителю извиняться пред слугой Ветрия, — улыбнулась она Горазду и снова перевела взгляд на разведчиков. — Приветствую вас от имени Ветрия, люди. Давно в Шенгарад не ступала нога вашего народа.

— Приветствуем и тебя, Говорящая, — невпопад ответили разведчики, приклонив головы.

— Горазд рассказал мне всё, — её текучую речь Змею хотелось слушать бесконечно. — Радогор появился очень вовремя. При вас было столько странного снаряжения, что на обычных охотников или собирателей вы похожи не были.

Каргалу не понравился тон Говорящей. Все надежды на безразличие со стороны шенов развеялись одной фразой женщины. Забегавшие глазки Гончей подсказали Змею, что её этот вопрос тоже застал врасплох. С Говорящей эта игра не пройдёт. Не дождавшись ответа, Говорящая взглядом поманила их за собой по красивейшему саду.

— Мы преследовали человека, — решил не таиться каргал. — Выполняли задание... нашего властелина.

Говорящая с любовью провела изящными пальцами по каменному изваянию, на котором что-то было написано на неизвестном разведчикам языке.

— Вас было трое. К сожалению, — медленно проговорила она, с интересом разглядывая что-то на камне. — Третьему было уже не помочь. Это он?

Остановившись на мгновение, Говорящая одними губами прочитала про себя одну из надписей на камне.

— Нет... — выдохнул каргал.

Он заворожённо уставился на её губы, не в силах оторвать взгляда. Женщина это заметила, на мгновение пристально взглянув в его глаза, и повела их дальше. Заминку не заметил никто, поэтому каргал выдохнул, закончив:

— Это один из моих подчинённых.

— Точно! — хлопнул в ладони Радогор, — Видал я одного зайца, он в пещере успел скрыться! Но потом услышал крики умирающего червячка и пришлось помогать...

— У него ведь чёрные волосы были?! — выпалила Гончая.

— Ещё бы! Такой же чернявый заяц! А ещё у него бородень была такая, что всем на зависть!

Стоит отметить, что у шенов никогда не росло волос на лице, и Радогор немного завидовал растительности на лице, даже если это была трёхдневная щетина.

— А он плохой? — задал по-ребячески наивный вопрос здоровяк.

— Да, — после недолгого молчания сухими листьями прошелестел голос Змея.

Ответив на его вопрос, он посмотрел на Говорящую. Женщина что-то почувствовала и обернулась. На мгновение каргалу показалось, словно она проникла прямо в его душу, но отвести взгляд от её изумрудных глаз он не мог. Голос здоровяка вовремя отвлек Змея, и он не успел утонуть в волшебных озёрах её красоты.

— Ну, тогда вам не о чем беспокоиться!

— В каком смысле? — не выдержала Гончая.

— Дык это же Пещеры Стенаний, не слышали? — увидев удивлённые лица разведчиков, здоровяк почесал затылок. — Да-а-а уж, что вы вообще знаете, зайцы? Если вкратце, то его в нашем мире больше нету. Сгинул он.

— Как!?

— Почему?

Разом выпалили каргал и каю, недоуменно переглянувшись друг с другом.

— Радогор прав, — кивнула Говорящая. — В конце Эпохи Первого Солнца, когда погасло наше светило, когда Боги высвободили свою чудовищную силу, появились страшные твари. Многие из них поселились в Гиблых Топях. Но некоторые полюбили самые тёмные пещеры в горах. Этих скользких тварей прозвали поганью. С тех пор самые тёмные пещеры называют Пещерами Стенаний, и оттуда никто не возвращается, — Говорящая перевела дыхание и закончила: — Мангуста больше нет в нашем мире. Он растворился, как утренний туман.

Разведчики никогда не называли его имени, и это их сильно насторожило. Продолжать играть в эту игру со слугами Богов становилось с каждым мгновением всё опасней.

— Столько слов, столько речей... — промурлыкала Говорящая. — А я так и не знаю ваших имён, люди.

— Гончая, — тихо отозвалась девушка.

— Змей.

На Небесном Архипелаге они общались не при помощи языка, но при помощи образов, а так как во всех языках имена всегда что-то означают, неся за собой определённый образ, их позывные не должны были вызвать подозрений. Во всяком случае, они на это надеялись.

— Что ж, вот мы и познакомились.

— Но мы не услышали вашего имени, Говорящая, — робко возразила Гончая.

Женщина прекратила гладить червлёного попугая, и птица, словно почувствовав что-то неладное, вспорхнула.

— Став Говорящей, я отказалась от своего имени и прошлого. Отныне я — Говорящая с Богами.

Весь оставшийся день прошёл в разговорах. Тени опасались расспросов, чувствуя, что Говорящую не обмануть. Но правда оказалась куда проще. Шенам было совершенно неинтересно, кто они такие на самом деле, чем занимаются и откуда родом. Называя людей «червячками», шены и относились к ним так же. Не брезговали, не унижали, но относились не более, чем к забавным зверушкам, которых нужно охранять и с которыми можно славно поговорить.

Так выяснилось, что люди раньше довольно часто поднимались на Небесный Архипелаг. Они делились с шенами своей музыкой, стихами, книгами, сказками, былинами и небылицами. К великому сожалению шенов, они так и не смогли научиться сносно владеть

музыкальными инструментами, красиво писать стихи, сочинять произведения или рисовать картины. В лучшем случае дотягивали до уровня младшего ученика, не более. И сколько бы они не старались, достичь более высоких результатов не могли. Зато с огромным интересом впитывали в себя людские сказки. Взамен шены обучали людей владению самым разнообразным оружием и ворожбой от нечистых сил. Ведь, как сказал Радогор, люди махают оружием как дети палкой, а читать заклятья так и вовсе почти неспособны. Это сильно удивило обоих разведчиков, но они ничего не сказали. Вскоре наступил вечер, и смотритель Горазд проводил людей в гостевой дом, в котором их всё это время лечили.

— Знаешь, — устало произнесла девушка, присев на подоконник. — Вот всё равно смотрю на то, как снизу облака проплывают, и почему-то не верится...

— Ты это к чему?

Без особого интереса задал вопрос каргал. Он был сильно обеспокоен отсутствием своего оружия. Конечно, шены пообещали отдать всё их снаряжение, но привычки оставались привычками.

— К чему? Даже не знаю... Просто в голову пришло.

Каргал ничего не ответил, роясь в вещах и отодвигая книги. Каю фыркнула, когда поняла, что он ищет что-нибудь, похожее на оружие. Сошла бы самая маленькая вилка, но все попытки каргала были тщетны. Он и сам понимал, что за день из ниоткуда ничего не могло появиться, ведь он обшарил всё уже давным-давно и не один раз.

— Надо возвращаться. Начальству не понравится наше отсутствие. Да и как мы это объясним...

Девушка его не услышала. Где-то рядом бродила её неуверенность. Достав из кармана окровавленный платок, она некоторое время рассматривала не отстиравшиеся пятна крови.

— Как думаешь, что с ним?

Не перестававший рыться в вещах каргал поначалу не обратил внимания на погрустневшую девушку. Но когда он понял, о ком идёт речь, замер с книгой в руке. Через два удара сердца рукопись медленно заняла своё место.

— Его больше нет. Ты же слышала.

Голос каргала скрипел сухим песком. Для девушки Мангуст тоже был пережитком прошлого. Наёмник, которого использовали в самых жестоких и страшных заданиях. В её понимании он и каю-то даже не являлся. Вшивый наёмник, вот кто он. Мангуста не ценили, а лишь добивались с помощью него поставленных целей. Даже в их международном задании Мангуст числился в качестве «охранника» и жертвы на самый крайний случай. Идиот, который за устав и приказ начальства лоб расшибёт. Жалкий пёс государя. Таким ценным качеством нужно пользоваться. Ну, а коль что пойдёт не так — в расход и вся недолга.

Гончая согласилась со своими мыслями. При первой встрече он ей сразу не понравился. Впрочем, и при второй тоже. Оставалось только гадать, что случилось с Мангустом в тот раз, когда его тень исчезла, а фигуру окружали чёрные жгуты силы. Впрочем, возможно, ей просто показалось, поэтому она ничего не рассказала каргалам, списав на сумасшествие её подчинённого от яда ящера. Вместо этого она дала себе обещание, что по возвращении закроется в библиотеке, внимательно пролистав ту самую старую книгу, где и встретила подобное упоминание.

При некотором стечении обстоятельств, в Предводьях Гончей в руки попал странный предмет, а как выяснилось позже, это оказался поисковый артефакт, который должен был заработать в определённое время. Когда именно, почему, зачем, как, что он будет искать —

никто не соизволил дать ответы на эти вопросы. Она, хоть и алгунир, всё равно являлась обычным подчинённым. Никто даже и не думал сообщать ей больше положенного. А после Гончей в скором порядке поручили прибыть в Гилим и получить распоряжения в местном штабе.

Резкий порыв ветра вырвал из её рук платок, завертев в воздухе. Безразлично наблюдая за тёмной тканью, постепенно исчезающей в шёлковых облаках, Гончая почувствовала облегчение. Прошрое с каждым мгновением улетало всё дальше. Улыбка медленно напозла на лицо алгунир. Она верила — так было нужно.

На утро за ними снова пришёл Радогор, принеся с собой их снаряжение. Разведчики сноровисто проверили вещи и нацепили их на себя. Оставалось только жалеть о раздавленных в битве с тварью слезоточивых смесях. В любом случае, при оружии они почувствовали себя куда лучше. Несмотря на гудящие после вчерашней прогулки ноги, разведчики снова пошли осматривать достопримечательности острова и знакомиться с шенами.

Чертоги Ветрия оказалась воистину огромны, и обойти их за несколько дней вряд ли удастся. К вечеру раны Гончей снова занули, и Змею пришлось их обрабатывать. Девчонке досталось сильно. Смазывая каждый вечер её спину, он постоянно качал головой, касаясь свежих шрамов от чудовищных клыков. Дядька Горазд как-то раз оставил свои шуточки и тихо сказал ему, что девчонка лишь чудом выкарабкалась. Если бы не её сила воли, то... В тот раз смотритель острова досадливо махнул рукой и замал разговор.

— Они страшные?

— Что?.. — задумавшийся Змей не сразу понял, о чём его спрашивают.

— Шрамы. Я ведь спереди их вижу. И тут это выглядит просто ужасно!..

Девушка пошевелилась, коснувшись груди. Змей в очередной раз удивился тому, что девчонка совсем не стесняется сидеть перед ним почти обнажённой. «В твою голову лезут совсем не те мысли», — поморщился каргал, но всё-таки ответил:

— Кхм, нет, что ты. Они быстро заживают. Скоро совсем не будет видно.

— Правда?..

— Честное слово!

Гончая чуть повернулась к нему, а он поспешно отвёл взгляд от её наготы. Некоторое время они молчали. Выдался удачный момент, и Гончая изучала его лицо. Змей всё так же втирал в её спину пахучую мазь, стараясь смотреть в другую сторону.

— Никак не могу понять, когда ты играешь, нацепив очередную маску, а когда становишься самим собой.

Каргал замер, застигнутый врасплох таким заявлением.

— Впрочем, я и сама иногда забываю, кто я на самом деле. Хотя, возможно, все мы такие? Чем вообще каргалы отличаются от каю? Это правда, что вы владеете волшебством? Ходят слухи, что каргалы уже не люди? Я слышала, что они добровольно принимают смерть, чтобы возродиться иными. Говорят, вы умеете проходить сквозь стены и ходить по воде. Хотя, я в это и не верю, но...

Она ещё что-то говорила, а Змей от удивления то и дело качал головой. Уличив момент, когда девушка остановилась, чтобы набрать воздух, он её перебил:

— А если всё это правда, что тогда?

Девушка словно и не услышала его ответ, задав новую порцию вопросов:

— Те узкоглазые каю, ты ведь знаешь что-то о них? Кто они?

— Они с других земель. Не отсюда.

— Что значит «не отсюда»? Откуда тогда?

— Наверное, с другого материка. Не знаю. Мы и сами о них ничего не знаем. Сталкивались пару раз, да с тем же результатом, как и у вас. Удивлён, что вы вообще в живых остались, они невероятно сильные.

— А те... ну, которые в небе летали?..

— Я простой безликий каргал, — вздохнул Змей. — Такими знаниями со мной никто не делился.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Вы с ним похожи, — она вновь резко сменила тему, что уже начинало раздражать каргала. — У тебя такие же глаза...

Ей показалось, что после этих слов у Змея на мгновение дернулись брови.

— Я закончил, — сухо отрезал безликий, ставя пузырёк с мазью на стол. — Можешь одеваться.

Желая убежать от неудобного разговора, Змей поспешно выскочил на улицу, прикрыв за собой дверь. Сразу стало легче. Вечерело в землях Ветрия очень медленно, а мягкая ночь длилась совсем недолго. В очередной раз глянув вниз, Змей вдруг подумал, а виден ли остров с земли? Ну хоть откуда-нибудь? Он парит над морем, где на многие расстояния вокруг не было суши, однако когда-нибудь корабли ведь здесь проплывали? И увидь они летающую землю в небе, да ещё и таких размеров, наверняка поползли бы слухи. Но таких слухов Змей никогда не слышал. А может, просто не интересовался? Задумавшись, он не заметил, как появился Радогор.

— Решили сегодня праздничный ужин в честь вас устроить. Как-никак, давненько мы уже с мышатами не виделись. Как девочка? Держится?

— Да, мы только что раны обработали. Заживают хорошо, ей сейчас немного надо отдохнуть. Благодарим вас.

— Да ладно! Мы должны друг другу помогать! Мир должен стать немного добрее!

Змей поморгал, в очередной раз удивляясь этому великану. Вроде вон, какой лоб вымахал, выглядит по-простецки, улыбается до ушей, лицо открытое, детское, а мысли... Вроде и просты они, по-детски наивны, но как правильны...

— Ты, вот что, червячок. Отдыхай пока, до заката ещё долго, а я скоро приду.

Сидя в беседке, Змей безуспешно пытался на чём-то сосредоточиться, но мысли скакали с одной на другую. Ему тоже следовало отдохнуть, к тому же раны ещё немного ныли. Но заходить в дом, где избежать неудобных вопросов не удастся, ему не хотелось. Здоровяк вскоре вернулся и растолкал заснувшего каргала. К этому времени Гончая всё так же посапывала. Как говорил Горазд, ей очень полезно побольше отдыхать.

Когда они подходили к месту празднества, ещё издали заметили большой стол, за которым хлопотали светловолосые красавицы. За всё время, они ни разу не встретили людей с лишним весом, что поначалу сильно удивляло. Но потом выяснилось, что здесь с детства учат обращаться с оружием как женщин, так и мужчин. И эти тренировки продолжают всю жизнь. Когда Радогор рассказал, что женщины в искусстве владения оружием почти не уступают мужчинам, разведчики поверили на слово. Во что, во что, но в этом у них сомнений не возникало. Вопреки их ожиданиям, здоровяк повёл их не к столу, а в другую сторону.

— Пока не готово, мы рано пришли.

Поднявшись по ступенькам на высокую гору, разведчики сразу заподозрили что-то неладное. Очищенная от зелени и деревьев площадка очень подозрительно смахивала на место для полётов. Пока они осматривались, здоровяк вынес из-за куста какую-то тонкую палку. Чего-то коснувшись, он раскрыл её большие крылья из ткани, похожей на парусину. Разведчики нервно переглянулись друг с другом.

— С помощью этих крыльев раньше здесь летали люди.

— Надеюсь, — с подозрением начал Змей, — ты не заставишь нас надевать это?

— Нет, ну что вы! Только тебя.

Его широченная улыбка была такой, как будто он предлагал отведать с ним нового пива в таверне, а не сигануть в пропасть с какими-то крыльями за спиной.

— Девочке нельзя, она ещё слишком слаба. Она потом попробует, — после этих слов глаза Гончей округлились. — А вот ты, чернявый, вполне осилишь и сегодня! И, кстати, да, отказываться нельзя. Иначе Ветрию это не понравится. Никто не может находиться в его владениях, ни разу не полетав. С этим у нас строго.

Некоторое время Змей переводил взгляд с крыльев на пропасть, но потом сказал:

— Х-хорошо...

Пока Радогор со знанием дела затягивал на Змее разные ремни, каргал чувствовал, как будто его уже скинули в пропасть. Гончая обняла себя за плечи, и всё это время тревожно наблюдала за приготовлениями. Коротко рассказав, что нужно делать, Радогор поднялся в воздух и остановился в двух десятках саженей от пропасти.

— Ничего не бойся! — крикнул здоровяк. — Ветрий заботиться о своих гостях и не даст тебе разбиться! К тому же, если что, я успею подхватить!

Каргал долгое время не решался, прохаживаясь из стороны в сторону и косясь вниз, пытаясь оценить расстояние. Время шло, и он уже хотел было что-то сказать, но подлый здоровяк неожиданно подхватил его за подмышки и отпустил, набрав небольшую высоту. Каргал не смог выдать ни слова, чтобы как-нибудь посвирепее обругать шена. Облака приблизились столь стремительно, что Змей не успел даже понять этого. Как-то сами собой его ноги заняли свои места в специальных стременах, превратив тело в стрелу. Крылья раскрылись, пытаясь поймать волну и, словно по волшебству, ветер изменил направление. Не успело сердце каргала отбить и десяток ударов, как его полёт выровнялся. Он не долетел лишь пары саженей до завесы облаков, устремившись на встречу закату. Вовремя опомнившись, поводит руками, неуклюже разворачиваясь к острову. Оказалось, что всё это время он не дышал, а его грудь сдавливали обручи страха.

— Неплохо, для зайца!

Неожиданно вынырнувший из облаков Радогор перепугал каргала. Выслушав про себя длительные четырехэтажные ругательства, здоровяк задумчиво кивал, мотая на ус понравившиеся выражения.

— Запоминай! — снова прокричал здоровяк. — Чтобы подняться выше, просто пожелай! Ветрий поможет взлететь! Всё остальное придётся выполнять самому! Ай-да, за мной!

Радогор с такой лёгкостью проделывал сложнейшие движения, что сразу и не скажешь, что он куда тяжелее неуклюжего Змея. Пришлось ещё некоторое время следовать за шеном, пока не услышал «Вверх!». Здоровяк, как всегда, оказался прав. Потоки воздуха набросились снизу, поднимая крылья вверх. А дальше он просто следовал за здоровяком, пытаясь

повторять за ним все его движения. Смотреть по сторонам, осматривать остров и его достопримечательности времени просто не хватало. Вся его сосредоточенность была направлена на то, чтобы не упасть. Полёт завершился очень скоро. В какой-то момент Радогор вдруг начал медленно снижаться к тому самому пятючку, откуда они улетели совсем недавно.

— Вспомни, как перед приземлением птицы часто машут крыльями, вытягивая ноги вперёд! — снова посоветовал здоровяк. — Убери ноги из стремян и создавай сопротивление воздуху!

Совет оказался дельный, и каргал прилично замедлился. Но его завияло из стороны в сторону, и он сразу же потерял из виду место, куда хотел приземлиться. Мир закружился, и никаких возможностей выровняться не было. И тут его снова подхватил здоровяк, с лёгкостью подняв повыше. Почувствовав под ногами родную землю, каргал обматерил великана ещё более витиевато, да с подробностями. А Радогор вместе с Гончей ухахатывались, глядя на его растрёпанные волосы и побледневшее от страха лицо.

— Что, испугался? Штаны не пора менять? — беззлобно посмеялась Гончая.

— Смейся-смейся. Посмотрю я на тебя, когда твоя очередь настанет.

Улыбка с её лица тотчас улетучилась, уступив место озадаченности. Теперь настала пора улыбаться каргалу, пытавшемуся размять затёкшие пальцы. Во время полёта он столь сильно сжимал поручни, что Радогору кое-как удалось их разжать. Змей на трясущихся ногах кое-как плёлся, делая вид, что всё хорошо, и он вообще не испугался. Гончая, искоса поглядывая на него, смеялась в кулачок. Заметно стемнело, и они довольно быстро заметили большой, окружённый огнями, праздничный стол. Хозяйки расстарались на славу, и запах еды разносился, наверное, по всему острову.

Оставив их ненадолго с шенами, здоровяк быстрым шагам куда-то ушёл. Весь остров наблюдал первый полёт человека за почти полтысячи лет, поэтому каждый норовил хлопнуть Змея по плечу. Ему же было так стыдно за свой первый полёт, что он лишь смущённо опускал взгляд и бормотал что-то под нос. Через какое-то время сумерки совсем сгустились и из ниоткуда появился здоровяк.

— Это тебе... — смущенно пробасил Радогор, протягивая девушке красную веревочку. Девушка тут же завязала её на запястье и вытянула руку, осматривая подарок.

— Красиво!

— У меня такой же! — показал здоровяк свою руку. — Теперь я буду чувствовать, где ты находишься. А ты — где я.

Осматривая своё новое украшение, Гончая немного увлеклась, совсем не заметив, как великан подхватил её подмышки. Почувствовав неладное, она попыталась высвободиться:

— Эй! Стой! Стой!!

— Тебе понравится! — хохотнул великан, и ноги каю оторвались от земли.

Миг, и попутные ветра подхватили тяжёлую фигуру Радогора, закружив на воздушных волнах. Девушка руками крепко обхватила его шею, а ногами талию здоровяка. Он даже немного крикнул от её силы, пока она от страха неволью душила его. Лёгким движением руки он разорвал захват на шее и, кувыркнувшись в воздухе, закинул пискнувшую девчонку на спину.

— На крылья не дави! Да не бойся, червячок!

Гончая даже не успела понять, как очутилась на его спине, но ноги сами собой уже обвили вокруг могучего тела, а руки ухватились повыше белоснежных крыльев. Страх

немного отступил, и она посмотрела по сторонам. Радогор решил издали показать Чертоги Ветрия, отлетев на сотню саженей от крайнего маленького островка. Кроны великого дерева, к которому их так ни разу и не проводили, слабо сияли зеленоватым свечением. Его тусклый свет блеснул в мерцающих водах, плавно исчезая в водопадах. Из-за зелени выглянули огни праздничного вечера. Гончая смогла даже немного рассмотреть суetyащиеся силуэты. Отведя взгляд от острова, она поёжилась — повсюду их окружало бесконечное серебристое море облаков. Как будто во всём мире остался только этот остров. Ей сразу стало так тоскливо, что страх отступил на второй план. Вдруг она заметила по бокам Чертогов Ветрия несколько больших точек, которые издали приняла за далёкие-далёкие острова. Наверное, в ночи они скрываются под завесой мглы, а днём, с какой-нибудь высокой точки заметить их можно. Но вдруг из далёкого мрака показалась третья, четвертая, и она наклонилась к уху здоровяка:

— А что это там? Рядом с островом? Другие острова?

Радогор повернул голову туда, куда указывала Гончая и некоторое время молчал.

— Держись крепче!

Девушка вовремя успела двумя руками ухватиться за его тунуку, а в следующий миг здоровяк резко подался вниз. Снизившись на добрых две сотни саженей, он огибал остров, вплотную прижавшись к его бокам, которые обнимали корни дерева. Это напряжённое молчание и оставшийся без ответа вопрос сильно её напрягали. Откликаясь на её мысли, заныли раны. Странные точки увеличивались в размерах, но до сих пор не было понятно, что это. Выдалось свободное время, и она решила по старой привычке осмотреться по сторонам, снова наклонившись к уху Радогора:

— Ты ведь говорил, что ночью шены обычно не летают?

— Так и есть! — крикнул в ответ здоровяк. — А что?

— Тогда кто это за нами летит?

Резко крутанувшись, здоровяк завис в воздухе. От столь неожиданного поворота девушку едва не оторвало от его тунуки. Тени летели довольно далеко, и пришлось некоторое время неподвижно висеть в воздухе, вглядываясь в темноту. Скорее что-то почувствовав, нежели увидев, Гончая скосила взгляд вниз и прокричала, что есть мочи:

— Снизу! Снизу!!!

Видимо, здоровяк тоже чем-то почувствовал приближение и в его руках уже появился одноручный клинок. Сделав очередной рывок в сторону, Радогор наотмашь рубанул по пролетевшей мимо тени. В темноте видно было плохо, но девушке показалась, то была огромная птица. Следом за раненой птицей, вниз полетело второе тело. Им уже оказался всадник, кричащий во всё горло. Гончей не хотелось гадать, сколько времени понадобится несчастному, чтобы достигнуть моря и разбиться о воду.

Вогнав меч обратно в ножны, Радогор взял выше и стремительно улетал с места стычки. Что-то достав из-за пояса, он протрубил. Звук пронёсся тревожным гулом, заставляя Гончую поморщиться от громкого звука. Следом за первым, через небольшой промежуток времени Радогор прогудел второй раз.

— Осторожно, слева!!! — снова крикнула оглушённая Гончая, когда здоровяк уже намеревался прогудеть третий раз.

Тень, вынырнувшую из-за маленького островка, они заметили одновременно. Кинжал оказался в её руке столь стремительно, что Гончая даже не успела заметить, как в следующий миг снаряд достиг цели. В этот раз поражён оказался всадник, одинокой фигурой безмолвно устремившийся вниз. Птица что-то прокричала высоким сиплым

скрежетом, и куда-то повернула.

Раздавшийся третий гул из рога Радогора застал их уже летящими над деревьями в сторону огней. Гончая подивилась чудовищной скорости Радогора. Деревья снизу проносились настолько быстро, что у неё закружилась голова. Точки, видневшиеся близ острова, проступили из мглы, превратившись в корабли. Она успела насчитать примерно пять таких кораблей прежде, чем великан в очередной раз рванулся в сторону. Как оказалось, то был не рывок. Радогора чем-то задело, отчего их сильно качнуло. Гончая не успела заметить, как они кубарем покатались по земле. Мир завертелся с невероятной скоростью, а алгунир собирала своим многострадальным боком каждую неровность. После особенно сильно удара обо что-то твёрдое, ей вышибло весь воздух из лёгких. Казалось, она только закрыла глаза, как тут же из небытия её вырвал громкий окрик над ухом:

— Эй! Жива?!

После крика, мир наполнился звуками сражения и чужими предсмертными воплями. Кое-как вдохнув в себя воздух, она скривилась от ноющей боли в боку.

— Дышишь! — обрадовался здоровяк. — Значит, жить будешь!

Рывком подняв её на ноги, он закричал:

— Идти можешь? Эй!

— Да... Что происходит?

Бок сильно ныл, вдыхать полной грудью было больно, но после такого падения чувствовала она себя на удивление сносно.

— На нас напали! Нет времени объяснять!

Радогор потащил её за собой, увлекая за стену какого-то здания.

— Кто напал? Что случилось?

— Да знал бы, давно сказал! А теперь слушай сюда!

Издали доносились звуки серьёзной битвы. Повсюду горели постройки и деревья, освещая битву и сильно затрудняя дыхание. Сражение проходило не только на земле. Кидавшиеся друг на друга тени в небе улетали прочь либо победителями, либо падали вниз побеждёнными. Всюду клубился дым, а воздух оказался насквозь пропитан кровью.

— Вам нужно отсюда уходить! Это не ваша битва! Не знаю, где чернявый заяц, но уверен, что поганец ещё жив!..

Услышав громкие крики здоровяка, из-за угла показалась фигура с арбалетом наперевес. Скорее по наитию, нежели подумав, Гончая упёрлась спиной в стену и двумя ногами оттолкнула от себя Радогора. Болт прошелестел в пальце от груди здоровяка, врезавшись в дерево. Упавшая девушка не растерялась, выпустив кинжал. В момент броска закололо в боку, и снаряд пришёлся в ключицу противника. Подлетевший великан закончил с ним одним движением.

— Благодарю, девочка! — Подбежал он к ней. — Ты уже в который раз меня спасаешь!

Гончая ничего не ответила, только сейчас осмотрев великана. Его плечи оказались в многочисленных порезах. Порванная на груди туника тоже пропиталась изрядным количеством крови, а правый бок полностью в ней купался. Тем не менее, стоял воин уверенно, а огонь в его глазах плясал вместе с лютой злобой. Столь резкий переход от добродушного великана с открытой улыбкой к воину, готового своих врагов голыми руками давить, был слишком неожиданным.

Противником оказался, судя по коже, кашгариец. Это было уже совсем странно. Гончая никогда не слышала об их захватнических нравах. Слышала только, что у них постоянно

смельчаки находятся, отправляющиеся на юг в поисках новых берегов и лучшей жизни. Потом встречаются обломки кораблей, дрейфующие трупы и пирующих птиц. Да, к тому же, для постройки летающих кораблей в их пустынях не хватило бы ни древесины, ни знаний. Да кто вообще способен построить летающие корабли? Бред какой-то. Покосившись на остроносые корабли, каю совсем растерялась. Страшнейшее оружие, не замечающее ни высоких гор, ни границ, ни рек или даже морей. Гончая на мгновение представила, как один кораблик пролетает над столицей какого-либо государства, и скидывает чумное мясо, или ледяные кубики с оспой, и ей стало не по себе.

— ...говорю, вам надо уходить! — задумавшись, Гончая пропустила половину слов Радогора. — Близ той горы, где заяц летал, помнишь небольшой домик? Там склад тех самых крыльев. Отыщи зайца и улетайте!

— Но как же вы?

— Мы — воины! И не с такими справлялись! К тому же, они напали на наш родной дом!

Последнее предложение великан почти прошипел. Его голос сильно снизился, будто он выдавливал слова из сдавленного яростью горла. В какой-то момент ей показалось, что глаза Радогора стали светиться зелёным.

— Всё! Нельзя больше терять времени! Уходите!

Не говоря больше ни слова, он вытащил второй одноручный клинок и взмыл в воздух, оставив её одну. Выглянув из-за угла, алгунир некоторое время осматривала сражающихся, выискивая Змея. Тщетность этих попыток она осознала довольно быстро. В темноте сложно было различить даже женщин и мужчин, что уж говорить о поисках кого бы то ни было. В последний раз она видела Змея в кругу шенов, что хлопали его по плечу и поздравляли с первым полётом. При нападении он, наверное, всё ещё находился там. Разведчики не воины, в бою один на один шансы против самого обычного вояки стремятся к нулю. Разве что метательные ножи, перцовки и иные уловки могут помочь победить. Это означало, что он должен был сразу же где-то затаиться. Хотя, что она знала о каргалах? Может, они те ещё вояки, которые и шенам в ближнем бою не уступят? Тем не менее, где именно следовало искать Змея, она и понятия не имела.

Несмотря на выедающий глаза дым, побираться сквозь густые заросли было довольно легко. Сражающиеся не обращали никакого внимания на тёмные кусты. Вдалеке что-то горело, и Гончая надеялась, что огонь до неё так быстро не дойдёт. Подойдя совсем вплотную к резне, она поморщилась, рассматривая истерзанные тела. Когда алгунир заметила несколько маленьких ребятишек с пустыми глазами и поникшими крыльями, её брови сошлись на переносице.

Подобравшись ещё ближе, Гончая убедилась в том, что шены не кривили душой, утверждая, что женщины сражаются наравне с мужчинами. Прямо перед ней одна женщина с парными клинками сдерживала натиск одновременно двоих мужчин. В стороне Гончая заметила третьего, целившегося из арбалета совсем неподалёку. Нож быстрее её мысли метнулся в стрелка, угодив точно в горло. Следующий бросок поразил бок одного из нападавших. Женщина была опытным бойцом и тотчас перешла в наступление, закончив сражение в считанные мгновения. Безошибочно повернувшись в сторону Гончей, она поблагодарила кивком и взмыла в воздух.

Это единственное, чем могла помочь Гончая, поэтому старалась, как могла. Страшнее было выбираться на открытое пространство и вытаскивать ножи. Оказалось, что нападение осуществляли не только кашгарийцы. Присутствовали так же эринейцы, и, похоже, её

земляки, что немало удивило. Дольше рассматривать чужаков она боялась.

Нападающих было очень много. На каждого шена приходилось по два, а то и четыре противника одновременно. Так она помогла в битве ещё нескольким крылатым, за что её награждали благодарными улыбками. Гончую постоянно удивляли эти воины, безошибочно определявшие её местонахождение. После очередного сбора ножей, она пробралась в чашу немного дальше.

— Эй.

Каргал появился столь неожиданно, что алгунир от удивления чуть не метнула нож на звук.

— Ты как меня нашёл?

— Тебя довольно легко заметить, — усмехнулся Змей. — Скажи лучше, что тут происходит?

— Не знаю, но Радогор приказал нам смываться.

Долго план побега объяснять не пришлось. Змей всё понял с полуслова.

— Думаешь, они справятся? — шепнула Гончая.

— Почему-то, даже не сомневаюсь.

После недолгого молчания, Гончая, наконец, спохватилась:

— Ты-то как? Не ранен?

— Нет. Повезло не попасться им на...

Договорить он не успел. Откуда-откуда, но сверху нападения они точно не ждали. Рухнувший крылатый разломал кустарник и сломал несколько деревьев. Это для них было настолько неожиданно, что разведчики не сразу сориентировались. Следом за шеном спикировали те самые птицы со всадниками. Все надежды на то, что их не заметят, исчезли.

— Ходу!

Убедившись в том, что шен мёртв, противники погнались за ними. Рядом что-то промелькнуло, и по сильному удару наконечника о каменную стену, разведчики поняли, что редили строй шенов арбалетными болтами. К чему махать на мечях с сильнейшими воинами мира, если можно просто издали всех перестрелять?

До ближайшего укрытия порядка пятидесяти саженей и им не оставалось ничего, кроме как бежать. Гончая не успела заметить в какой момент каргал успел попасть в одну из птиц, что сейчас хрипела на земле и с восхищением глянула на Змея. К их несчастью, всадник остался цел и невредим, помчавшись им вслед. В спину полетели болты, и пришлось петлять. Когда оставалось преодолеть последние десятки саженей, путь им преградили две фигуры. Одна такая же птица, что и преследовавшая их, но вторая намного больше. В ночи понять было невозможно, но по отблескам луны и огня на её чешуе, скорее всего, то была какая-то разновидность ящеров. Довольно большая, крупнее раза в полтора остальных птиц. Разведчики ожидали чего-то подобного и, не сговариваясь, одновременно бросились в сторону домика с крыльями. Арбалетные болты пролетели мимо, чудом их не задев.

— В окно! — крикнул каргал, разбивая большое стекло метким броском.

И тут в бой вмешалась, судя по крику, женщина. Накинувшись на преследователей, она связала боем самого крупного. Двое хотели было преследовать и дальше, но на них обрушился ещё один шен.

— Уходите!!!

Несмотря на бурлящую ярость в дюжей глотке, голос Радогора спутать было сложно. Гончая вдруг поняла — всё это время он сражался совсем неподалёку, пристально следя за

домиком с крыльями. Каргал уже исчез в окне, окончательно доломав стекло своим телом, а Гончая задержалась. На здоровяке живого места не было. Оставалось надеяться, что темнеющая в свете огня кровь принадлежала недругам.

— Эй! Давай сюда!

Последний раз мазнув взглядом по великану, столь ловко орудовавшему двумя клинками, она пробралась в дом. В ряд у одной стены терялись во мраке крылья. Несмотря на столь долгое отсутствие людей, на них не было ни пылинки. Закрепив необходимые ремни сначала на себе, каргал неловко затянул их на Гончей. Вкратце рассказав ей всё, что та должна была знать, Змей ещё раз проверил крепления и приоткрыл дверь. Замков здесь не знали и двери на острове не запирались. Радогор всё ещё вёл сражение, не подпуская никого к домику с червячками.

— Готова?

— Нет, — помотала головой девушка, представив себя добровольно прыгающей в пропасть.

— Ты мужик или где?! Соберись, тряпка!

Плоская шутка подействовала, и Гончая слабо улыбнулась. Когда каргал решил, что путь более-менее безопасен, они сорвались. Крылья были очень удобны, и если одной рукой немного отодвинуть в сторону палку, крепившуюся вдоль спины, можно довольно сносно бегать в приседе. Благо, далеко им бежать не пришлось. Близ домика, словно приглашая к себе, виднелось открытое пространство с тёмными бархатными облаками вдали. Как пояснил Радогор, та гора, с которой прыгал каргал, лишь для новичков, а здесь летают опытные червячки.

По мере приближения к пропасти, Гончая заметно замедлялась. Несмотря на жуткое сражение позади, прыгать на верную смерть ей совсем не хотелось. Каргалу пришлось тащить её за руку, хоть у него и самого кровь стыла в жилах от одной только мысли о прыжке в неизвестность. Однако чужой страх, почему-то, придавал сил. В нескольких саженьях до края пропасти их встретил тёплый ветер, и Гончая совсем заупрямилась. Развернувшийся к ней каргал хотел было что-то снова начать объяснить или уговаривать, но углядел несколько преследователей, на которых играли блики огня. Это обстоятельство тотчас изменило все его планы.

— Не серчай.

Только и сказал каргал, пожав плечами. В следующий миг он ухватил её одной рукой за шиворот, а вторую просунул между ног, ухватив за мягкое место. Напрягшись, он крикнул и одним рывком отправил её в далёкий затяжной полёт. Гончая успела только взвизгнуть, размахивая руками так, словно пыталась схватить воздух.

Оставшись один на голом пяточке, каргал вдруг захлопал глазами, гадая о том, как же теперь заставить прыгнуть себя? Обернувшись, он выругался и взял небольшой разбег. Сердце, как и в первый раз, ушло в пятки, а дыхание перехватило. Для храбрости он перед прыжком хотел что-то крикнуть, но то ли из-за воздуха, попавшего в рот, то ли из-за страха, не смог выдать ни звука.

Почему-то, когда безликий услышал вопли девчонки, доносившиеся снизу, улыбнулся, и это его немного успокоило. Поймав встречный ветер, он устремился вниз, пытаясь разглядеть в ночи фигуру визжащей девчонки. Как оказалось, после его кратких объяснений Гончая разобралась сама, и уже смогла поймать волну. Осторожно приблизившись к ней на безопасное расстояние, он прокричал:

— За нами хвост! Надо уходить в облака!!!

— Ты придурок!!!

Она ещё что-то хотела сказать, но глотнула воздуха и поперхнулась.

— Я тоже тебя люблю!! Делай, как я!!!

Покрепче ухватив поручни, Змей наклонил крылья влево, пытаясь уйти с линии атаки. В ушах свистел ветер, и каргал не знал, где находятся противники, поэтому решил сделать это на всякий случай. Гончая пока плохо с управлением справлялась, посему немного отстала. Перекрикиваться друг с другом было довольно сложно, к тому же, половину слов уносил ветер, поэтому о смысле предложения приходилось догадываться. Пользоваться знаками было бы хорошим выходом, однако ночь не позволяла и этого.

Резкий свист девчонки вырвал его из дум, но что обозначает этот свист, он понять не успел. Так как Гончая находилась сзади, то всё, что она произнесёт, услышит лишь тот, кто будет лететь позади. Но вот то, что скажет он, она услышать должна. Во всяком случае, он на это надеялся. Он уже хотел было что-то прокричать, как вдруг заметил её странные движение. Она виляла из стороны в сторону, не то потеряв управление, не то уклоняясь от чего-то. Немного понаблюдав, Змей заметил, что её движения естественны и именно она управляет крыльями. Не успев понять смысла её движений, он что-то почувствовал, повернув голову в другую сторону. Сверху и слева, словно орлом, на него неслась тень, выставив, как ему показалось в ночи, когти. Он ещё не успел осознать всю серьёзность, как резкий порыв ветра бросил его в противоположную от нападающего сторону. Птица что-то просипела, и Змей услышал, как где-то рядом прошелестел арбалетный болт. Каргал мысленно поблагодарил Ветрия, и впредь дал зарок быть осторожней. Сейчас он очень жалел, что не мог нормально метать ножи. Достать-то можно, но он потеряет управление и скорость. К тому же, из-за крыльев, бросать можно только от пояса, потому любой бросок лишь поцарапает противника. В общем, как бы ни было прискорбно признавать, но в воздухе они оказались совершенно беззащитны.

Каргал заорал, что есть мочи, надеясь, что Гончая его услышит:

— Повторяй!!!

Змей дал резкий поворот вертикально вниз и сложил крылья. От ветра, несущегося прямо в лицо, он не смог даже открыть глаза. В ушах свистела завывающая заверть, а лёгкие не могли вдохнуть ни капли воздуха. Змей не знал, поняла ли Гончая, но был в ней уверен. Каргал не представлял, где находятся противники, пытаются ли догнать, или вот-вот когтистые лапы вцепятся в его тело, мгновенно раздавив внутренности. От этих мыслей стало не по себе, и он попытался открыть глаза. Через узкую щелочку увидел лишь, как влетает в серое облако. Сразу стало очень влажно, а лицо покрылось каплями. Каргал очень надеялся, что ткань крыльев не успеет сильно пропитаться влагой, иначе их участь незавидна.

Свободное падение продолжалось долго. Когда каргал почувствовал, что влажность прошла, тут же осторожно раскрыл крылья, надеясь поймать ветер. Он поймался довольно просто, лишь немного пошатав Змея в воздухе. Покрутив головой в разные стороны, он вдруг услышал сиплое надрывное скрежетание птицы и почему-то подумал о крылатых, спасших их в очередной раз. Его мысли подтвердил крик падавшего в бездну человека. Где-то позади послышался свист девушки, и каргал ответил таким же свистом. Когда они сравнялись, ориентируясь на свет луны и посвистывания, то принялись оглядываться с удвоенной силой. Из-за того, что они не могли посмотреть наверх, чувствовали себя крайне уязвимыми.

— Ты как?! — прокричал каргал.

— Нормально! Если мы выживем, придурок, я тебе уши оторву!!!

У Змея вырвался нервный смешок, и он заметил в свете луны то, как Гончая безуспешно пытается оглянуться назад, чтобы одним глазком взглянуть на Чертоги Ветрия. Он попытался и сам, но крылья не позволяли этого сделать. Каргал почему-то был уверен, что острова с земли, всё-таки, увидеть было нельзя. Пролетев завесу облаков, они почувствовали, что сила Ветрия, доселе поддерживающая их, пропала. Отныне они могли полагаться лишь на свои силы и попутный ветер.

Когда на остров напали, единственная, о ком он беспокоился, была Говорящая. Гончая летала с Радогором, и за неё он был совершенно спокоен. Каргал боялся признаться даже самому себе, но блеск её глаз ослеплял Змея, а водопады волос притягивали своей девственностью. Один раз он нечаянно коснулся её нежной кожи, и его пальцы надолго сохранили бархатный запах женщины. После этого щёки каргала ещё долго пылали яркими красками смущения, но никто, кроме Говорящей, этого не заметил. К его великому сожалению, развернуться он не мог, и оставалось только надеяться, что с ней всё в порядке.

Несмотря на ночь, было понятно, что разведчики неуклонно снижаются. Вскоре в стороне засиял рассвет и они, не сговариваясь, повернулись к восходу. По напряжённому молчанию, оба понимали, что находятся в большой заднице. Вокруг, куда ни глянь, не было видно ни клочка суши. Конечно, приземляться в воду было бы куда безопаснее, нежели в поле, но оказаться в открытом море совсем не входило в их планы.

Прищурившись, Гончая заметила где-то севернее крохотную точку и указала Змею. Всматриваясь сквозь утреннюю зарю слезящимися глазами, он ничего не смог разглядеть, но напарнику поверил, и они развернулись на северо-восток.

Лететь им долго не придётся — волны приближались с пугающей быстротой. Они оба это понимали, потому задержали друг на друге взгляд. Люди одновременно подумали о насмешке судьбы, которая постоянно подкидывала новые испытания. Чудом избежав смерти от лап твари, побывать в месте, которое люди как сказку воспринимают, выжить при нападении, убежать от преследователей, а потом так глупо разбиться... Гончая нервно хохотнула. Не так она представляла начало новой жизни! Покрепче перехватив поручни крыльев, Гончая выругалась сквозь зубы и пообещала себе, что в этой жизни она ещё побарахтается.

Глава 7. Шаг в пустоту

Повсюду разливался яркий свет, смотреть на который было невозможно. Он вгрызался в глаза и играл на коже горячими огнями. Мангуст плыл по реке солнечного света, которая то тянула его на дно, то бросала на камни. Бесконечная погоня за собственным телом продолжалась слишком долго. Бурные воды накидывали на него покрывало света, затягивая под воду, а потом снова возвращая к поверхности. Редкие пробуждения в стылой воде сопровождались болью, которая вскоре сменялась желанным забвением. Кто-то тянул к нему свои чёрные руки, пытаясь затянуть в тёмную пучину. Приходилось вяло отмахиваться от назойливых душ, понимая, что долго так продолжаться не может. Совсем скоро ледяная вода заберёт все силы, оставив его наедине с прошлым.

В какой-то момент острые камни галичного берега принялись нещадно впиваться в тело, а ледяной ветер вытягивал последнее тепло. Резкий укол в области шеи на мгновение пробудил, чтобы познакомить со странными причмокивающими звуками. Кто-то нарезал круги вокруг Мангуста, насколько он мог понять по обрывкам грудных kloкочущих звуков из горла. Казалось, кто-то ощупывает тело, и, приближаясь чуть ли не к самому уху, долго вытягивает воздух. Перед прикрытыми глазами иногда мелькали размытые образы, но ничего вычленить было невозможно. Оставалось надеяться, что это заботливая сестрёнка вытащила его на берег. Однако она уже очень давно не появлялась, затаившись где-то рядом, поэтому мысли неустанно возвращались к неупокоенным душам. Вроде, он пытался что-то сказать, а может, просто беззвучно ворочал языком, но вскоре сознание, всё-таки, ускользнуло.

Кажется, где-то далеко стонал ветер. Или звонким треском оказалась сломанная ветка. При следующем пробуждении, единственное, что помнил каю, это то, как его рвало. Долго и основательно. Оставалось недоумевать, откуда в нём столько воды? Очнулся он рывком. Тень, на которую он так надеялся, молчала. Её голос исчез из головы Мангуста уже очень давно, заставляя его гадать об адекватности своего прошлого.

Солнечная река испарилась, оставив после себя золотистую рябь в бурных потоках горной реки. Тянувшие его ко дну души растворились, оставив после себя холодный весенний ветер. Из-за него мокрая одежда превратилась в кусок льда, вытягивая из уставшего тела все силы.

Поднявшись на ноги, Мангуст быстро стянул и выжал промокшую одежду. Рана на бедре оказалась перемолота, словно ногу кто-то долго жевал. К счастью, кость была в порядке. Приседания немного согрели, но ледяной ветер по-прежнему обжигал замёрзшее тело. Берег, на который вынесло Мангуста, крутыми обрывами уходил вниз по склону. Ему очень повезло, что на берег вынесло именно здесь. Не хотелось бы валяться где-нибудь ниже со сломанной шеей.

Присев на корточки, он изучил мокрые камни. Похоже, он поспешил, забрызгав водой чьи-то следы. Складывалось впечатление, что оказался он на берегу отнюдь не по прихоти природы или помощи безумной сестрёнки из своей головы. Его кто-то вытащил. Очередная заверть отвлекла каю от изучения мокрых камней и он принялся осматриваться.

Густой сосняк должен был дарить незабываемые ароматы весенней хвои, но нос оказался заложен, и, похоже, Мангуст простыл. Слабость во всём теле просила, чтобы он лёг спать, меньше двигался, а головная боль мешала нормально соображать. Становилось всё

холоднее, и Мангуст решил направиться в чащу. Солнце стояло в зените, но из-за гор совсем скоро наступит холодная ночь, потому следовало бы поторопиться. Сперва надо было узнать, выжил ли хоть кто-нибудь из их отряда, а там... Он пока не знал, что будет делать дальше. За раздумьями не сразу услышал ломавшиеся ветки. Наученный организм, едва заслышав чей-то бег, скользнул под разлапистые ветви хвойного дерева. Иголки больно резанули по лицу, но каю не обратил на это внимания, плюхнувшись в снег. В горных лесах снег будет таять ещё очень долго.

Кто-то на большой скорости бежал вниз по склону, совершенно не заботясь о поднимаемом шуме. Собирая все ветки, что норовили выколоть глаза, кто-то спотыкался о каждый камень и утопал в сугробах. Во всяком случае, оставалось уповать на невнимательность незнакомца.

Когда неизвестный пробежал мимо его укромного уголка, каю напряг все силы, чтобы ничем себя не выдать. Бежавшим оказался Захар. Следом за ним запыхавшийся Даарг, а последним Менги. Если вспомнить, что Захар очень много бегал от узкоглазых каю, то неудивительно, что в скорости и выносливости ему не было равных среди жителей снегов. Их грузные тела не были рассчитаны на бег.

Оставалось только удивляться, как Мангуст не услышал их пыхтение раньше, успев скрыться в последний момент. Запоздало пришла мысль о том, что бежали они не просто так, а от кого-то. Но сколько бы Мангуст не вслушивался, лес оставался нем, здороваясь с людьми лишь редким пением птиц. Присмотревшись, он разглядел небольшую часть скалы, и всё сразу встало на свои места. Страх подстёгивал испугавшихся людей, столкнувшихся с тварью. От одного только воспоминания Мангуста передёрнуло.

Выбравшись из-под дерева, он скользнул вниз по склону, пытаясь унять озноб. Сидение в сугробе под деревом никому радости не подарит, особенно с мокрой одеждой. Каю трясло всё сильнее, и с простудой ничего сделать было уже нельзя. Утешало лишь то, что нога осталась цела и почти невредима. На поясе ещё оставалась небольшая порция укрепляющего отвара, и лучшего времени для применения не найти. Каким образом он уцелел, оставалось загадкой. Когда жгучий отвар провалился в вывернутый наизнанку желудок, Мангуст молился, чтобы он не полез обратно. Горечь обожгла глотку, расходясь по всему телу долгожданным теплом. По окончании действия отвара тепло исчезнет, а озноб только усилится, но время до вечера у него ещё есть.

Чувства обнажились, реакция обострилась, мир вдруг стал просторней. Теперь передвигаться в нём стало куда проще. Догнав беглецов, Мангуст притаился в валежнике. Они отдыхали, уперев руки в колени. Их бока вздымались, а испуганные глаза шарили по склону, выискивая преследовавшую их тьму. Благо, каю заранее пришло в голову подкрасться с другой стороны, и они не могли его увидеть.

— Похоже.... Оторвались...

Менги дышал прерывисто, выговаривая по одному слову. Даарг в этом тоже не отставал:

— Да... Уж... Вы... Как?

— Нормально всё... — пропыхтел Менги. — Где Литос и... этот?

Они принялись оборачиваться во все стороны, выкрикивая их имена. Когда дыхание снова закончилось, люди продолжили пыхтеть с новой силой.

— Найдём их, что дальше? — задал вопрос Захар.

На удивление Мангуста, его голос изменился. Судя по всему, ранее он всего лишь играл роль, доставая всех в отряде. Значит, никто, кроме Менги и его родичей правду не знал. На

этот раз Менги огляделся внимательнее, обшаривая каждый куст, и Мангусту пришлось вжаться в землю.

— Что-что... — передразнил того Менги, — известно, что.

Даарг недоумённо переводил взгляд с Менги на преобразовавшегося Захара.

— А чего раньше-то не взяли? — тихо спросил Захар. — В Надежде, например? Там бы он уж точно никуда не делся.

— Народ бы не уразумел. Вы ведь для них уже святые, саму тьму победили.

— Да о ком вы речь ведёте? — не выдержал Даарг.

— О Славе. Я тебе позже всё растолкую, брат. Сперва их надо отыскать.

Каю ещё в Надежде понял, что Захар его узнал. Каждый день ждать нож под рёбра, и просыпаться от малейшего порыва ветра в снежной пустыне он привык. Но страшнее, когда крохотный посёлок Надежда окружён снегами и бежать просто некуда. Подслушав разговор Менги с отцом, каю только удостоверился в своих мыслях — им не по пути. Сперва он ожидал, что его скрутят, едва отряд отойдёт от Надежды. Потом, когда они вошли в пещеру, каждый миг сжимал кинжал, надеясь продать жизнь подороже, но никто не нападал. Он был ещё нужен, чтобы пройти пещеры. Как ни крути, а Менги во что-то верил. Мангуста просто оставили на потом, и это было самой отвратительной догадкой.

Взобравшись выше по склону, каю довольно быстро нашёл удобное для слежки место. Выступавший из склона каменный валун давал хороший обзор на лес, и в случае приближения снизу можно было незаметно затаиться в кустах неподалёку. Отвар пока хорошо согревал, но надолго его не хватит. Сейчас он жалел о том, что принял его заранее. Оставалось ещё немного, но в последнее время он принимал наркотик слишком часто и стоило переждать. Сложнее стало сдерживать чихание и кашель, а из-за заложенного носа приходилось дышать ртом. Шума это создавало немного больше, но пока что беспокоиться не о чем.

Ждать пришлось до вечера. Целый день они ходили по округе, выкрикивая их имена и обшаривая каждый куст. Из-за головной боли и замёрзшего тела, Мангуст забыл как следует позаботиться о следах на берегу. Во всяком случае он надеялся, что ветер давно высушил гальку.

Продрогший каю не сразу понял, что крики давно уже прекратились и они, наверное, решили спускаться. Сумерки сильно нагадили, подарив крупные хлопья снега и стылый мороз, подбирающийся со всех сторон. Оставшийся без тёплой одежды Мангуст думал сейчас только о том, чтобы не подхватить воспаление лёгких. В подобных условиях без лекарств долго не протянуть. Благо, физические упражнения немного согревали, но пустому желудку требовалась еда, о чём он неустанно напоминал.

Следовать за уставшими людьми, двое из которых к такой тёплой погоде не привыкли, труда не составило. Сейчас Мангуст завидовал кирам, для которых подобная погода просто блаженство, и они от неё даже потели. Частенько каю ошибался, наступая на сухую веточку или проваливаясь в ещё не растаявший снег, но люди даже не оборачивались. Порой казалось, встань он в полный рост и пусть в пляс, они на него даже внимания не обратят.

Вскоре, когда наползающая темнота уже не позволяла идти дальше, они развели костёр. Мангуст пожирал взглядом разгорающиеся языки пламени, в которых растворялись редкие снежинки, и грел руки своим дыханием. Сейчас каю отдал бы всё, чтобы только оказаться поближе к теплу и еде. Терпеть он всегда не любил. Когда они собрались вокруг костра, принявшись на нём что-то готовить, Менги заговорил:

— Коль так случилось, что втроём мы остались, ты должен ведать. Для начала о Захаре, — Менги выразительно глянул на Захара.

Мангуст, затаив дыхание, и даже забыв про озноб, придвинулся ближе.

Поднявшись, Захар моргнул и тут же исчез, появившись за спиной Даарга. Тот выругался, когда Захар положил ему руку на плечо.

— Из-за этой способности, — проговорил Захар, возвратившись на своё место. — Меня и преследуют. Как-то раз, по неопытности, давным-давно, я, всё-таки, попался. Они называют себя каю. У них существуют некие предметы, с помощью которых они ищут эту силу и находят меня.

— Это ведь божья сила! Ты действительно посланник Бургана! — воскликнул помешанный на высших силах Даарг, на что Менги лишь фыркнул. — Как они могли так поступить с посланником Бургана?! Пстой, ты сказал, находят? То есть, сейчас эти предметы тоже чувствуют тебя?

— Думаю, да. У нас есть некоторое время, так как появление силы произошло для них неожиданно, но не стоит их недооценивать. Надо бы поскорее смываться отсюда.

Мангуст отчётливо видел, как из-за жары Менги с Дааргом вытирали катившийся с лица пот, в то время, как он вынужден был терпеть, согревая свои руки и дрожа всем телом. Шевелиться было нельзя, но забравшаяся под одежду стужа вынуждала сменить место наблюдения.

— Но кто они, эти каю? Зачем ты им?

— Это тайная армия для довольно грязной работы. Дело в том, что я могу перемещаться не только сам, но и открывать переходы. Через них может проходить некоторое количество людей. Каждое государство желает обладать оружием, превосходящим любое другое. Моя сила и есть это оружие.

— Ты хочешь сказать... Слав тоже каю?!

— Именно. Во время одного из прыжков, я нечаянно очутился прямо перед ним. С ним был ещё кто-то, но лицо Слава я хорошо запомнил. Обычно они носят маски, но в тот раз почему-то были без них.

— Понятно... А по нему и не скажешь... Так, что же нам теперь делать?

Даарг оказался более эмоциональным, чем его брат Менги, что оказалось для Мангуста неожиданностью. Сосредоточившись на походе, у него не было времени, чтобы достаточно изучить каждого члена их отряда. В конце очередного дня, единственное, что хотелось, — это вытянуть ноги и уснуть.

— Помнишь тех красногрудых птиц с чёрной капелькой у глаз, которые прилетают в Надежду каждый год? — взял слово Менги. — Мы ещё гадали, откуда они прилетают, ведь время по ту сторону идёт медленней. С первых зим...

Сдерживаться было уже не вмоготу, и каю чихнул, зажимая руками нос и рот. Звук получился приглушённый, но разнёсся по спящему лесу весьма громко. Разговоры тут же смолкли, и все уставились в его сторону. Мангуст готов был поклясться, что они смотрят прямо в его глаза. Менги тут же поднялся, поудобнее перехватил оружие и стремительно пошёл вперёд. Спину ему прикрывал Даарг. Захар настороженно шарил глазами вокруг, сжимая в руке нож. Подойдя на расстояние выпада, Менги совершил рывок, спугнув зайца. Мангуст уже давно переполз в другое место, заметив его ещё заранее.

— Надо быть осторожнее, — подвёл итог Менги, возвращаясь к костру. — Завтра будет много времени, там и поговорим. А сейчас давайте спать.

Распределив дежурства, они быстро заснули. Оставшийся стоять на часах Даарг с интересом осматривал окрестности. Подходил к деревьям, травам, трогал их так, словно никогда не видел. Мангусту оставалось гадать, что он чувствовал, впервые за 19 бесконечных зим увидев ту природу, которую он потерял давным-давно.

Первое время он ходил и осматривал, ощупывал почти всё, до чего мог дойти. Сидеть в холодном укрытии, смотреть на костёр, облизываться от запаха еды и выжидать удобного шанса, было невыносимо. Мангусту оставалось обнимать себя за колени и дышать в кофту, трясясь от холода. В какой-то момент, когда Даарг отвернулся, каю кинул в костёр маленький мешочек сонного порошка. Он сильно вымок, но огонь быстро сделает своё дело. Очень удобная вещь, если надо усыпить лагерь, или часового. Главное при этом не вдыхать самому. Отойдя на приличное расстояние, Мангуст стал ждать, когда Даарг уже устроится под деревом.

Сон сморил уставшего часового довольно быстро. Выждав ещё некоторое время, каю неторопливо выбрался на поляну. Каждый шаг, приближавший его к огню, отдавался волнами удовольствия в его замёрзшем теле и уставших суставах. Присев поближе к костру, он чуть ли не засунул в него заледеневшие руки. Снотворное уже перестало действовать, поэтому можно было не опасаться уснуть самому. Эта травка мягко пахла жасмином, а воздух уже был свеж.

Одежда, сушившаяся у костра, дымилась, высыхая прямо на глазах. Каю прихватил с собой одну из их сумок, сложив туда снедь, воду, и другие нужные мелочи. Высушенная тёплая одежда подарила незабываемые ощущения радости озябшему телу, а плотный ужин поднял настроение просто до небес. Как, оказывается, мало нужно для счастья. Как оказалось, они тоже растеряли большую часть вещей и лежак оказался только один, на нём и устроился Захар. Менги с Дааргом ограничились еловыми ветками. К сожалению, вытащить лежак из-под Захара было невозможно. Сонная травка вызывает очень глубокий сон, но разбудить неловким движением можно в два счёта. Вдруг ему сильно захотелось перерезать им всем глотки, но пока он обдумывал, кто будет первым, вещи оказались собраны и каю уже спускался вниз по склону. С утра они проснутся и быстро поймут, кто похозяйничал ночью, утащив некоторые вещи, поэтому надо было уйти как можно дальше.

Весенняя ночь быстро вытянула тепло, и одежду на нос приходилось натягивать. Спасало это мало, а с усилившимся ознобом так и вовсе ничтожно. Сейчас он жалел лишь о том, что слишком рано выпил укрепляющий отвар, а последние глотки чудодейственного настоя манили, как никогда.

Высокие скалы обступили со всех сторон, зажав его в узком ущелье. Как-то раз, много лет назад, одному из каю не повезло в подобном месте. Небольшой камешек, размером с половину кулака, набрав приличную скорость проломил голову несчастной девчонке на глазах у всего их отряда. Девочка, по слухам, осталась жива, но больше в Гиlime никто её не видел. Эти воспоминания изрядно пугали, заставляя его вглядываться в ночное небо. В очередной раз споткнувшись, вглядываться в звёздное небо в попытке разглядеть падающий камень ему перехотелось.

Завывающее ущелье хлёсткими порывами ветра подгоняло в спину, но из-за темноты быстрее идти не получалось. С каждым шагом глаза слипались всё сильнее, и единственное, о чём он думал, — это сон. Ущелье всё никак не кончалось, и у уставшего каю начинала кружиться голова. Постояв немного, Мангуст продолжал идти, упорно двигаясь вперёд.

Непрекращающийся ветер всё так же толкал в спину, и, порой, Мангусту казалось, что он что-то нашёптывает. Но, оглядываясь назад, он постоянно замечал чёрные тени, безмолвно следовавшие прямо за его спиной. Это пугало, и Мангуст начинал прогонять их громким шёпотом. Частенько он продолжал прогонять пустоту, запоздало понимая, что позади уже никого не было. С рассветом видения отступили, забрав с собой неупокоенных, за что он был благодарен.

Ущелье продолжало змеиться, и Мангуст начал подозревать, что он так и умрёт, не дойдя до конца. Через некоторое время, словно в ответ на его мысли, стены расступились. Широкая долина, вздыбившись кручами, уходила на юг, зажатая между высоких гор. Обрушившись водопадом в долину, по правую руку в предрассветных лучах искрилась река. Раскинувшись, она тоже стремилась на юг, огибая холмы и обходя кряжи. Спускаться по извилистой дороге, на которой кое-где ещё не растаял снег, было опасно. Ноги скользили и путались в корнях, а хвататься руками за острые камни и колючий кустарник ему не хотелось. Одно неловкое движение, и сверзиться с высоты в пару дюжин локтей ничего не стоило.

Сколько бы Мангуст ни вглядывался, найти иной путь из долины не смог. Всюду окружали скалы. Прятаться в долине было негде, вся она была как на ладони, и сейчас оставалось только надеяться, что отряд Менги после сонного порошка всё ещё спит. Поправив лёгкую торбу, каю проверил ногу и побежал по долине. Бегать на большие расстояния его, благо, хорошо научили.

Почти сразу от тряски заболела голова, а уставшие ноги норовили запнуться об очередную корягу. Взобравшееся повыше солнце немного согрело воздух, но от холодного ветра и простывшей земли оно не спасало. Ледяные порывы, к удивлению Мангуста, без продыху накидывались с разных сторон, осложняя путь. Спуски и подъёмы смешались, превратившись в один нескончаемый круговорот новых и новых холмов. Сколько бы он ни оглядывался, позади никого не было видно. Он старался больше думать о медлительности отряда Менги, нежели о закрывающихся глазах, которые уже мало, что могли разглядеть. В какой-то момент он заметил, что еле переставляет ноги, перейдя с лёгкого бега на шаг. Наскоро спрятавшись от ветра под наклонившимися друг к другу валунами, Мангуст пристроился на холодных камнях, подоткнув под голову торбу. На голой земле спать было нельзя, но о правилах из курса по выживанию он вспомнил в последнюю очередь.

Ему ничего не снилось. Лишь обрывки из образов, в которых его хватали чьи-то руки, обжигая холодом пустоты. Они тянули его к себе, желая утопить в тишине небытия. Он яростно сопротивлялся, ломая чужие руки, словно сухие стебли, но липкая пустота не желала отпускать свою жертву.

Отдых оказался недолгим. Ледяные пальцы подобрались к сердцу, выдернув Мангуста из липких болот пустоты. Он прижимал колени к груди в жалкой попытке согреться, но камни беспощадно забирали всё тепло себе. Несмотря на холод, с него градом валил холодный пот, и оставалось только гадать, откуда он мог взяться на таком морозе. Красные сухие глаза открывались с трудом и требовали отдыха. Спал он совсем недолго — солнце едва-едва сдвинулось. Преодолев соблазн закрыть глаза и попытаться отдохнуть ещё немного, Мангуст попытался подняться. Замёрзшие ноги отказывались шевелиться, и он в последний момент успел схватиться за валун, чтобы не упасть. Голова снова закружилась, но каю был и не в таких передрыгах, тут же начав приводить себя в порядок.

Сделав небольшую зарядку, разогнал кровь и осмотрелся. Показавшийся издали лес

оказался редкими куцыми деревьями, росшими друг от друга на небольшом расстоянии. Из-за холмов ранее он видел, как река сворачивает в другую сторону, однако сейчас выяснилось, что это было не так. Разочарованно вздохнув, Мангуст оглядел окрестности и снова удивился. Уж в этот раз он был точно уверен, что обнаружит отряд Менги, но никого не было. Понаблюдав ещё некоторое время, он продолжил бег.

В бегах прошло ещё несколько дней. Мангуст чувствовал, как петля на шее с каждым шагом сжимается всё сильнее, а остановка означала смерть. Приходилось двигаться, не замечая ноющие от усталости ноги и согнувшуюся спину.

Состояние сильно ухудшилось, и бежал он только на своей природной упёртости. К непрекращающейся головной боли прибавились сильный кашель с хриплым, свистящим дыханием. Он частенько нервно хихикал, удивляясь, почему до сих пор не выплюнул свои лёгкие. Его постоянно бросало в жар, из-за чего спать приходилось урывками. Усталость с каждым днём накатывала всё сильнее, и глядеть по сторонам он уже перестал. Его сил хватало лишь переставлять ноги, следуя вдоль реки, сузившейся до бурного ручейка. В какой-то момент Мангуст поймал себя на мысли, что они очень похожи. Будучи большой, через некоторое время река сузилась, растеряв свою силу, но продолжала упорно прокладывать себе путь. В конце она исчезнет, растворившись в океане точно так же, как и Мангуст в пустоте. Обо что-то споткнувшись, Мангуст упал, и мысль унеслась вместе с порывом ветра.

Надрывный кашель разносился по всему редколесью, и каю недоумевал, почему к нему до сих пор не сбежались голодные после зимней спячки медведи или вездесущие волки. Признаваться себе в том, что смерть от клыков хищника пугает его меньше, чем от всепоглощающей пустоты, было забавно. Еда давно закончилась, и он уже вторые сутки заглушал голод ледяной водой из ручья. Пока что обманывать желудок удавалось.

Из-за плывущего сознания, Мангуст не сразу заметил наступившую тишину. В лесу разливалось море звенящего спокойствия, пугая своим равнодушием и безмятежностью. Молчали листья, к шёпоту которых за эти дни Мангуст привык и даже иногда отвечал им, посмеиваясь подступающему безумию. Куда-то подевались воробьи, чирикавшие всё утро.

Не переставая шагать, каю с удивлением покосился на руку, сжимавшую рукоять кинжала в ножнах. Медленно остановившись, Мангуст одними глазами зашарил по лесу. С внимательностью последнее время наблюдались серьёзные проблемы, и рассмотреть что-либо было весьма затруднительно.

Когда-то давно на уроках им рассказывали о том, что люди чем-то похожи на животных, и иногда, очень редко, могут неосознанно сделать что-то необычное. В тот раз ученики не поверили, попросив наставника привести пример. На следующий урок учитель посадил на стол перед ними обычную дворовую кошку, а сам встал позади неё и потёр пальцами. Уши кошки тут же развернулись в сторону звука.

Воспоминания пронеслись быстрее молнии, когда уши Мангуста неосознанно дернулись назад. Он готов был поклясться, что никакого звука не слышал, отчего стало как-то не по себе. В следующий миг ноги бросили в сторону с такой силой, что хрустнула шея. Что-то прошелестело в воздухе, впившись в дерево. Не оглядываясь, Мангуст бросился вперёд, подивившись своей скорости. Он уже и позабыл, когда последний раз бежал столь стремительно. Уже не таясь, сзади послышались преследователи. Посчитать на ходу их количество было трудно, но следовало думать как минимум о двоих. Очень скоро усталость дала о себе знать, и он стал замедляться. Мангусту не хотелось думать, что надрывный хрип,

больше похожий на агонию умирающего, принадлежал ему. Очень тихий ястребиный клич, донёсшийся откуда-то справа, пробудил у каю недобрые воспоминания, и в ноги полилась новая порция сил. Он никак не ожидал, что сможет пробежать ещё лишнюю сотню саженей на такой скорости. Замедлившись на мгновение, Мангуст рванулся, выскочив на поляну.

Где-то недалеко, под крутым обрывом, угрюмые волны боролись с неприступными скалами. Бушевавшая весь день буря уже отступала, и совсем скоро настанет штиль. Тучи давно накрыли мир серым покрывалом бархата, спрятав солнце. Морозящий дождь играл грустную мелодию, скатываясь по щеке потерявшего сознание человека. Из леса к нему стремительно бросились каргалы с повязками на лицах. Вытащив из ноги иглу со снотворным, один из них перевернул Мангуста на спину.

Стоящий за его спиной напарник оглядел окрестности. В двух сотнях саженей от них, между обрывом и опушкой леса, вёл сражение второй отряд. Нарвавшись на узкоглазых, им не оставалось ничего, кроме как вступить в ближний бой. Даже отсюда безликий разглядел облака слезоточивых смесей от очередного взмаха чьей-то руки. Дождь всегда был серьёзной помехой для перцовок, но с сегодняшним слабеньким дождём им повезло.

Кто-то, получив дозу перцовки, отполз подальше и капал себе в глаза очищающие капли. Хорошее лекарство, если надо быстро прозреть после такой подлости. Далеко не всесильное средство, после которого опухшие глаза ещё долго будут слезиться и болеть, но в подобных условиях лучше не найти. Прыгун, судя по их артефакту, должен был находиться где-то дальше по берегу, восточнее.

Скользнув за спину напарника, каргал одним движением вонзил тому в плечо иглу со снотворным. Тот дёрнулся к руке, вскочил на ноги и тут же, словно подкошенный, рухнул на землю. Ещё раз убедившись в том, что его отряд поглощён схваткой с более подготовленным противником, безликий обвёл взглядом небо. Из-за дождя приходилось часто моргать, но, насколько он мог судить, времени пока хватало. В этот раз они опередили Богов.

Оседлав Мангуста, он украдкой осмотрел его лицо. Парень сильно изменился с их последней встречи. Немного отросшая борода скаталась в колтуны. Кожу у глаз изрезали новые морщины, он исхудал и явно чем-то болел. Им овладел жар, а из горла вырывались натяжные хрипы, как будто ему что-то мешало дышать. Не то от боли, не то от чего-то ещё, даже во сне брови его оставались сдвинуты. В последний раз оглядев его, он прошептал:

— Ты опять, как обычно, попал в самую передрагу. Не думал, что всё зайдёт так далеко...

Безликий поудобнее перехватил кинжал, зафиксировав лицо Мангуста второй рукой.

— Это единственный способ оставить тебя в живых. Прости.

Резкий взмах, молниеносное рассекающее движение и от отчаянного крика боли у каргала заложило уши. Из узкой полосы, образовавшейся от одного глаза до другого, прорезав переносицу, обильно сочилась кровь. От неожиданности каргал не успел среагировать, когда Мангуст задёргался и скинул его с себя. Снотворное должно было на долгое время сделать его овощем, но, по непонятным для безликого причинам, Мангуст проворно вскочил на ноги. Из его горла вырывались странные звуки, руки тряслись от гнева и каргал готов был поклясться, что даже отсюда мог расслышать бурлящую в груди злость. Мангуст медленно приблизил трясущиеся пальцы к щекам, прикасаясь к кровавым дорожкам из глаз. На миг каргалу показалось, словно тело Мангуста окружали тёмные извивающиеся щупальца, но наверняка это была магия непогоды.

Шевельнувшись, безликий нечаянно стукнул носком ботинка по камню. Он едва-едва успел подняться, как разъярённый каю со страшной гримасой боли и отчаяния бросился на звук. Из его глаз сочилась кровь, стекая по щекам рубиновыми ручейками. Безликому на миг показалось, словно Мангуст плачет самой болью. Засмотревшись на его лицо, каргал едва не пропустил выпад и тут же потерял равновесие, поскользнувшись на мокрой траве. Мангуст был опытным бойцом, но сейчас он делал выпады лишь на звук, совершенно не думая о защите. Каргал несколько раз мог воспользоваться брешью в его обороне, но решил действовать по-другому, несколько раз громко назвав его молочное имя. Каю не замедлился ни на мгновение, словно все слова безликого заглушил дождь. Решив действовать по-другому, он уклонился от очередного выпада и ударил в солнечное сплетение. Казалось, кулак достиг самого позвоночника и безликий даже почувствовал сокращение аорты.

Подставив руки падающему телу, каргал в очередной раз тихо попросил у него прощения. Но падавший было Мангуст выставил ногу и мотнул головой на голос. Каргал на миг оторопел, в упор встретившись с его разрезанными глазами. Кровь через раненую переносицу просочилась внутрь и вытекала из носа двумя красными дорожками. Его брови были сдвинуты на переносице, а кожа вокруг глаз дёргалась в спазмах от боли и гнева. Вопреки ожиданиям, каю не упал на колени в попытке сделать хоть один вдох. Наоборот, Мангуст взорвался вихрем ударов, а ошеломлённый каргал мог лишь пятиться в попытке найти равновесие. Мокрая трава и вездесущие камни, почему-то, мешали только ему. Выпад, ещё один смертельный укол на звук его дыхания. Стиратель не нападал. Он пытался уничтожить, даже не думая отступить или защищаться. В очередной раз неудачно задев камень, каргал взмахнул руками, стараясь не упасть.

Мир задержал дыхание. Капли дождя падали столь медленно, что можно было в деталях рассмотреть каждую. Ударяясь о поверхность, они разбивались фонтаном брызг. Безликий всегда любил слушать дождь. Ему казалось, словно вода пытается что-то сказать, и с каждым дождём мелодия звучала по-разному. Ливень играл тягуче, вязко. Снежный дождь напоминал безответную любовь. Грибной вызывал азарт. Но сегодня дождь сквозил загадками и тайной. Подыгрывая музыке дождя, весенний ветер перебирал пальцами холодные струны. От этой мелодии каргалу впервые захотелось спрятаться.

Столкнувшись с отрядом узкоглазых, Ингул пытался как можно скорее выпутаться из схватки. Низкорослые, жилистые, сильные каю оказались столь хорошими бойцами, что нисколько не уступали в бою его отряду. Положив из засады несколько первых каргалов, узкоглазые связали их дракой. Безумство, с первого взгляда, но Ингул был уверен в том, что это какой-то хитроумный план. Он знал, — чтобы не попасть впросак, соперника всегда необходимо переоценивать.

Действовали они очень ловко, стараясь сперва ослепить, а потом добить. Впрочем, как и отряд Ингула. Но этот мелкий насел на него знатно, перемежая выпады с метанием кортиков. С меткостью у этого выродка всё было в порядке. Один нож неглубоко попал в плечо, второй скользнул по груди, и почему-то сильно болела нога. Отвлекаться и осматривать увечья времени не было, поэтому Ингул сделал отчаянную попытку и выбросил нож прямо в грудь противника. Причём заранее сделал поправку, чтобы узкоглазый отскочил в противоположную сторону. Каю повёлся на эту уловку, отпрыгнув в сторону в тот момент, когда в его глаза уже летела слезоточивая смесь Ингула. Вскрикнув скорее от неожиданности, чем от боли, он успел частично прикрыться предплечьем и снова отскочить

в сторону. Второй нож Ингула поразил лишь его плечо. Похоже, тот оказался опытным и знал, что после перцовки полетит второй кинжал. Однако Ингулу этого хватило, чтобы разорвать дистанцию и осмотреть поле боя.

Волноваться не стоило — их отряд наседали и давили со всех сторон. Метнув взгляд в другую сторону, он рассмотрел вдалеке две сражающиеся фигуры. Приказав отряду взять языка, каргал помчался в их сторону.

Когда до сражающихся оставалось каких-то десять саженей, Ингул с удивлением заметил ещё одного каргала, лежащего на земле. Не успел он понять, мёртв тот или без сознания, как удивился ещё раз. Стоя к Ингулу спиной, человек сумел-таки насадить каргала на нож. Безликий схватил вооружённую руку человека, и, похоже, его пальцы уже ни за что не отпустят.

Ингул сделал два длинных шага и опустил на затылок человека увесистый обух ножа. Худой парень мешком свалился в мокрую землю, не издав ни звука. Пошатываясь, раненый каргал с ножом в боку осел на землю, хватая ртом воздух через повязку на лице. Ногой перевернув человека на спину, Ингул поразился в третий раз. Даже с отросшей щетиной, поражёнными глазами и облитым кровью лицом каргал с первого взгляда узнал Мангуста.

— Ты-то здесь откуда взялся? Мы думали, ты давно уже кормишь червей. Это где ж тебя носило всё это время?

Присев на одно колено, он достал нож и приблизил его к горлу беглой крысы. По их законам, трогать калек было нельзя, но эта тварь сделала слишком много, чтобы его прощать. Поэтому следовало сделать это сейчас, пока никто не видит, чем жалеть о сомнениях потом. За раздумьями он забыл о раненом каргале, не растерявшего своей меткости даже с таким увечьем. Нож попал точно в кисть, пробив её насквозь. Выронив кинжал из ослабевших пальцев, Ингул сместился в сторону, уклоняясь от второго броска. Их долго и мучительно учили не издавать ни звука при ранениях, и Ингул усвоил этот урок лучше других. Выдернув из руки нож, он с яростью посмотрел на поднявшегося каргала, зажимавшего рукой кровоточащий бок.

— Что всё это значит, Змей?

Ингулу не было смысла убивать безликого, ведь тот сам скоро умрёт от потери крови, поэтому следовало всё узнать наверняка.

— Убивать калек... запрещено. Ты это знаешь.

Говорил он если и с трудом, то скорее от усталости, чем от раны. Болевой шок, судя по всему, ещё не прошёл.

— Так ты это намеренно сделал? — кивнул Ингул на беглеца.

Ничего не ответив, Змей сорвал маску с лица и вдохнул свежий воздух весны. Ингул никуда не торопился, внимательно следя за безликим, по лицу которого потекли капли дождя. Змей посмотрел потухшими глазами на Ингула и того почему-то передёрнуло.

— Чёртов Горазд... накаркал, зараза... — тихо выругался каргал и уже громче продолжил: Жаль... Так и не успел сделать для людей чего-то хорошего...

— Ты бредишь, Змей.

В ответ безликий хмыкнул и одним глотком осушил мешочек с укрепляющим отваром. Откинув его в сторону, обнажил кинжал, и загородил собой тело Мангуста. Теперь в его глазах бурлила холодная ярость. Нервно покосившись в сторону сражающихся каргалов, Ингул досадливо выругался про себя.

— Отойди, Змей. Ты скоро и без меня помрёшь.

Он не ответил, и, похоже, даже не услышал. Когда Ингул попытался подойти к Мангусту с другой стороны, Змей тут же пресёк эту попытку, вновь загородив собой. Времени оставалось всё меньше и меньше, и Ингул решил напасть первым. Несмотря на серьёзное ранение, двигался Змей с прежней проворностью. Раненая нога оказалась повреждена сильнее, чем думал Ингул, и из-за неё он даже успел пропустить несколько выпадов, оставивших неглубокие порезы. Уклонившись от следующих ударов, Ингул понял, что, всё-таки, до своей обычной скорости Змей не дотягивает, и сам перешёл в стремительную атаку. Несколько выпадов и мощный удар носком в раненый бок решил исход схватки. Выронив нож, Змей упал на землю, скорчился и затих.

Не став проверять, жив тот, или нет, Ингул подбежал к Мангусту. Беглец был ещё жив. Впрочем, крысы всегда очень живучи. После короткой схватки идти против буквы закона он, почему-то, передумал.

Подтащив исхудавшее тело к краю обрыва, он принялся нагружать его торбу камнями. Из-за раненой кисти, ему приходилось работать одной рукой, что немного раздражало. Погода портилась. Дождь заиграл новую мелодию, а тучи подыгрывали, затянув небо ещё сильнее. Следовало поторопиться. Отправляя камни в торбу, каргал, чтобы снять нервное напряжение, решил занять себя разговором с Мангустом.

— Представляешь, этот идиот совсем из ума выжил...

Нервно оглядываясь во все стороны, Ингул не глядя кидал камни в торбу.

— ...Нёс какой-то бред, представляешь? Жалеет, мол, не успел сделать для людей чего-то хорошего... Я давно уже подозревал, что Змей словил откат, да всё времени разобраться не было. Кстати, а ты знал, что мангусты на змей охотятся? Какая ирония, не находишь? — Ингул хохотнул. — Мангуст поймал змею!..

Каю что-то промычал, сдвинув брови, но так и не пришёл в сознание.

— Э-э, нет, даже не предлагай! Снова в Радаган я тебя вести не собираюсь. Авось, опять что учудишь, а?

Затянув на его спине торбу таким образом, чтобы она с него не свалилась, он снова воровато оглянулся.

— Ну что ж, прощай.

Толкнув Мангуста ногой, каргал проследил за его падением и поспешил обратно. Сомкнувшиеся воды холодного моря оказались ловушкой, в которую крыса, всё-таки, угодила. После изнуряющей беготни, криков, крещендо дождя и шума волн, мир вдруг затопила тишина. С недавних пор он её недолюбливал, но сейчас она была как никогда кстати.

Десятки душ, которых он упокоил за эти годы, тяжёлым грузом неумолимо тянули его вниз своими костлявыми пальцами. Они имели право получить, наконец, эту сладкую месть. Глаза нещадно щипало от морской соли, но эта боль для него была как никогда приятна. Он ещё никогда не чувствовал себя настолько живым. Оставляя за собой шлейф сладких ароматов крови из разбитого затылка и раненых глаз, его тело привлекло внимание богини Нижнего Мира. Инзелла с самого начала знала, что он не сможет от неё убежать. А его жалкие трепыхания вызывали лишь её смех.

Второпях завязанный Ингулом узел развязался, освободив Мангуста от торбы. Тяжёлая ноша устремилась вниз, ожидая его где-то на дне. Оно оказалось намного ближе, и он плавно опустился на огромный круглый камень. Оставленный след крови привлёк множество любопытных рыбёшек, нарезающих вокруг человека круги. Из большого

отверстия в камне медленно и величаво показалась голова черепахи, а затем из других отверстий высунулись её лапы. Нечто, упавшее на неё, заинтересовало черепаху, но она только лениво водила головой из стороны в сторону.

В сгустившейся темноте промелькнула стремительная тень. Она была куда больше мелких рыбёшек, которые почему-то не собирались никуда уплывать. За первой тенью промелькнула ещё одна. И ещё. Они кружились вокруг черепахи, наверняка привлечённые необычными запахами.

Несмотря на такое обилие жизни, в воде царили тишина и покой. Дождь, непогода, буря и пляска смерти, танцевавшие на поверхности, остались где-то далеко. Они доигрывали последние ноты, завершая арию тайн и загадок. Наверное, из бури состояла вся его жизнь, от которой он безуспешно пытался убежать. Здесь же всё совсем не так. Может, это то самое место, которое он так долго искал? Ему уже очень давно не было так спокойно.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net